

КАРИНА ДЕМИНА
ПЯТЬ НЕВЕСТ
И ОДНА ДЕМОНИЦА

Annotation

Живешь себе, живешь, а потом раз и соглашаешься помочь старому другу. Кто бы знал, чем эта помощь закончится! Выдернули в другой мир. Демоницей обозвали. Да еще и поручили отыскать подходящую невесту местному Повелителю Тьмы. А то сам он, бедолажный, никак не справляется. Оно и понятно, женитьба – дело сложное. Вот и придется Жорке заняться, что невестами, что Повелителем, что древним Замком, у которого тоже характер имеется. И тайны.

Смертельные.

А кто сказал, что демона нельзя убить?

Книга 1

-
- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)

- [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Вместо эпилога](#)
-

Глава 1

В которой повелитель тьмы призывает демона, но что-то идет не так

«И по слову его разверзлась бездна, выпустив создание столь ужасное, что все-то, кто видел его, теряли разум. И был то демон, чье пришествие принесло в мир множество бед и несчастий».

«Хроники Тьмы, писанные благородным пресветлым воителем и благословенным паладином со слов свидетелей непотребств, сотворенных проклятыми Повелителями, да будут имена их забыты»

Пламя окрасилось алым и выплюнуло сноп искр, которые заплясали, закружили, оседая на черных пластинах доспеха. Владелец их поморщился и отступил от чаши.

Окинув придирчивым взглядом комнату, он задумался.

Стоит ли?

Возможно, есть иной способ.

Скажем, в набег отправиться. В набег он давно уж не ходил. И Легионы Смерти застоялись, а потому стоило бы встряхнуть их небольшою победоносной войной.

Но было лень.

При мысли о походе заныла задница, которая никак не желала вновь оказываться в седле. И спина тоже. Заломило плечи, на которые будто упала вся тяжесть походного доспеха.

Нет, к походу он не готов даже для великого дела.

Пламя гудело, освещая ритуальную комнату. Вот капля его, сгустившись, упала на пол, на вычерченную алой смесью дорожку. И та вспыхнула. Огненная линия вычерчивала один символ за другим.

Или купить?

Разумно ведь. И выбор большой, как ему говорили, особенно на восточном побережье.

Ричард Третий, Черный лев и единовластный повелитель Темных земель, поморщился.

До побережья попробуй доберись. Отправить кого? Кого? Его людям там не обрадуются. Особенно после того, как он сжег три приграничных крепости, а заодно уж и флот Великого Хана.

Нет, там он прав был.

Нечего на его земли ходить. И предупреждал честно, что если набеги не прекратятся, он вынужден будет ответить.

Закованный в черное железо палец поскребся о личину.

Ричард вздохнул.

Можно, конечно, и посреднику заплатить. Но где гарантия, что ему, прознав о цели поездки, не заплатит кто-то еще? Помнится, любезный прадед тоже пытался. А что в итоге? Перерезанное горло и замок, который после проклятья восстанавливать пришлось.

Нет.

Вариантов не осталось.

И тяжело вздохнув, Ричард шагнул в пламя. Оно загудело, приветствуя повелителя. И приняло жертвенную кровь. Ричард чувствовал, как отзывается сила, как просыпается она, приходя в движение, наполняя древние символы.

Один за другим.

Один...

Он сделал вдох и начал:

– Правом и кровью...

Слова на древнем языке слетали легко. И сила подчинялась. Вот пламя пришло в движение, закружилось, сперва медленно, но с каждым мгновением все ускоряясь, сотворяя вихрь из огня и крови. И сам замок, древняя твердыня, знавшая не одного Повелителя, содрогнулась.

– Повелеваю! – получилось в достаточной мере грозно. Но тут Ричард запнулся, осознав, что он забыл.

Вот взял и... забыл!

То есть, нет, он помнил, чего ради затеял обряд. И демона призвал. Но точную формулировку, над которой корпел последние несколько недель, тщательно выверяя каждое слово, складывая их так, чтобы не только выразили они его желание, но и не оставили возможности превратного его истолковать.

Он сглотнул.

Пламя гудело.

Сила наполняла и переполняла тело. Врата в бездну стояли разверзтые, ожидая, когда будет произнесен приказ. А в голове... в голове вертелись обрывки фраз на древнем языке.

Ричард покосился на столик, где виднелся обрывок бумаги. Кажется, тот, на котором он и записал самый последний вариант. А потом прочел его.

Раз десять.

И казалось, что каждое-то слово врезалось в разум. Казалось. Ричард протянул было руку, но осознал, что проклятый листок остался за пределом внешней черты. И если даже получится дотянуться, что весьма сомнительно, то контур нарушится.

Словно откликаясь на его слова, Замок в очередной раз содрогнулся.

И врата мигнули.

А поток силы стал замедляться. Время! Времени осталось не так и много...

– Силой своей и кровью своей, – Ричард торопливо стянул перчатку, которая упала под ноги. Клинок вспорол кожу на запястье, и кровь побежала тонкими струйками.

Он закусил губу.

Проклятье!

Вот почему с ним вечно все не так. Прав был отец, когда говорил, что из Ричарда не выйдет толку. Прав, да только... только не отступать же теперь.

– Я призываю демона, дабы исполнил он мое пожелание!

Проклятье!

Твою ж...

Ворота распахнулись, готовые проглотить неудачного призывающего. И Ричард ощутил, что там, за чертой, кто-то есть. Кто-то попался в сети его крови и теперь бился в них.

Отлично!

– Приди! – почему-то голос сорвался, а в горло вдруг влетела мошка, из тех мелких и вездесущих, от которых не спасали ни заклятья, ни липкие ленты, развешенные на кухне. Ричард даже смутно подозревал, что эти ленты мошкам весьма по вкусу, иначе не плодились бы они в таких-то количествах.

Главное, что именно эта конкретная мошка оказалась в ритуальной комнате, где мошек быть не могло!

А она была.

И влетела в рот, в горло, заставив Ричарда закашляться. Силовой поток тут же сбился, врата задрожали, готовые вот-вот схлопнуться, а тварь Бездны почти вырвалась.

– Приди! – просипел Ричард, пытаясь проглотить мошку. Но та не проглатывалась, а застряла, прилипнув к нёбу. Кашель почти вызвал рвоту.

Ритуал окончательно был испорчен.

– Прими... мою... – в последней попытке спасти все, Ричард поднял клинок, – жертву...

Тут мошка отлипла ото рта и вылетела, чтобы упасть на черную сталь ритуального кинжала. Рука дернулась, и мошка слетела.

Аккурат в пылающий круг.

Туда, когда должна была упасть жертва.

Ричард застонал.

А вот сила вновь пришла в движение, с каждым поворотом ускоряясь все сильнее. Натянулись жгуты, связывавшие её с Ричардом. А он, наконец, вспомнил, что должен был сказать.

Поздно.

Врата схлопнулись. И силовой поток ударил, опрокинув Ричарда на спину. Загрохотал доспех. Запрокинулась голова. Во рту стало солоно.

И последней мыслью было: зря он так с работоторговцами.

Вариант ведь...

Аш-Найет, старшая демоница, Владычица Огненных пустошей, проснулась от ощущения близости прорыва. Она потянулась, подставляя гибкое свое тело лучам Хароса. Зевнула и лениво прищурилась, вслушиваясь в то, как трещит ткань мироздания.

Кто бы ни пытался пробиться, он был силен.

Аш-Найет наблюдала, как медленно разрастается трещина, сквозь которую проникают тончайшие нити заклатья. Под жесткими лучами Хароса, они обретали плотность.

Демоница отступила.

Подумала, что было бы забавно сунуть в заклётье кого-то из низших, но желание было не настолько сильным, чтобы искать подходящего демона. Нитей становилось больше.

Они качнулись.

И все повернулись к Аш-Найет.

– Ну нет, – сказала демоница. – Он ведь не всерьёз?

Голос её хрипловатый заставил нити качнуться, а затем броситься к той, кого они полагали жертвой. Прикосновение обожгло, заставив демоницу зашипеть от злости и боли. Она рванула было, разрывая нити, но те спеленали её, оставляя на медной красной коже белые пятна ожогов.

Шипение сменилось ворчанием. Острый коготь перерубил одну нить, но та спешно восстановилась. Выходит, тот, кто сотворил заклётье, был не просто очередным ничтожным человеком, решившим, что силы дара его хватит, чтобы поймать демона?

Нити спешили опутать.

Окутать.

Лишали возможности двигаться. И Аш-Найет с ужасом, которого не испытывала, пожалуй, со времен своего сотворения, поняла, что еще немного и чужая воля вырвет её из родного мира. Она заревела во всю глотку, дернулась, но нити оказались крепкими.

– Пр-р-роклётая кровь!

Ее рык заставил задрожать окрестные скалы. И кто-то мелкий, ничтожный мелькнул где-то там, вдали, спеша скрыться в какой-нибудь расщелине.

Что делать?

Провал становился ближе. И ближе.

Нити заклётья тащили её, бьющуюся, но такую вдруг отвратительно беспомощную. Аш-Найет издала утробный низкий рык, на который сама земля ответила вибрацией. На красном камне остались следы её когтей, но и только.

Рывок.

И вот уже всепожирающей пастью нависло окно портала. Из него тянуло холодом. И Аш-Найет осознала вдруг, что её сейчас выдернут из мира.

Её!

Сотрясательницу мира! Младшую дочь Младшего бога! Многорогую! Ужасную! Ту, что повелевала легионами при битве на Ах-аррае! Просто возьмут и выдернут, как какую-то ничтожную трехрогую, которая только и способна, что жрать да гадить?

Не бывать этому!

И собрав все силы, пробудив внутри тела ярость, которая когда-то помогла ей выжить, Аш-Найет рванулась. Именно в этот миг, будто ощутив силу гнева её, путы ослабли.

А с порталом произошло что-то определенно не то. Она, правда, не знала, что именно. Тот вдруг задрожал, сузился, почти схлопываясь, а после раскрылся, вбирая в себя силу Аш-Найет.

Её рывок позволил разорвать нити.

Скатиться.

И Аш-Найет с небывалой поспешностью, которую кто-то мог бы принять за страх, и был бы всецело прав, рванула к алым скалам, что возвышались в отдалении. Она бежала, подгоняя себя ударами гибкого хвоста, желая одного – забиться в какую-нибудь щель и там сидеть, пока не уберется этот проклятый, трижды проклятый, маг.

И даже потеря части сути, силы своей, которая осталась в тенетах заклятья, не показалась ей сколь бы то высокой ценой.

Она услышала, как схлопывается портал, закрывая пробой в мире, и все одно забилась в пещеру, облюбованную каким-то мелким ничтожным демоном. Его Аш-Найет сожрала.

Это всегда помогало ей успокоиться.

Вот так, спокойно, она и досидела до заката. И уже после, выбравшись на ледяные равнины – Харос остался на небесах молочно-белым глазным яблоком – решила, что день был, конечно, поганный, но она жива.

А это многое значит.

Что до силы... ночная охота и пара полуночных тварей помогут ранам затянуться.

На следующий день, сытая и вполне успокоившаяся Аш-Найет окончательно позабыла о постигшей её неприятности.

Уже потом я поняла, что смерть моя была под стать жизни – бессмысленной и на диво бестолковой. Неудачной еще.

Потом.

Но тогда-то я как раз ничего и не думала.

Вообще.

Разве думающий человек попрется в полуразвалившуюся многоэтажку, застывшую на окраине города таким памятником чьим-то несбывшимся мечтам? И думающий человек точно не станет подниматься на девятый этаж, да еще спешно, пока солнце не зашло.

И становиться на краю.

– Жорка, боком стань! – крикнул Сенька, поднимая камеру. – И морду сделай вдохновенную!

Я попыталась. Вот честно. Вдохновению несколько мешала усталость и желание, чтобы эта пытка скорей закончилась.

– Да вдохновеннее... руки подними! Вот!

Моделью я никогда не была. А кем была? Затруднительно сказать. Кем может стать ребенок, которого родная матушка обозвала Жоржеттой. Ага. Жоржетта Ивановна Сидорчук. Чудесное сочетание.

Изысканное.

Так матушке казалось. И подчеркивая изысканность она всегда называла меня только полным именем. Хорошо, что без отчества. Но тут уже не столько потому, что оно с именем почти не сочеталось, сколько из-за батюшки, решившего, что десять лет брака – это еще не повод отказывать себе в малых жизненных радостях.

К одной из этих радостей он в конечном итоге и ушел.

Обыкновенная по сути история.

Матушка, погоревав немного, месяца два-три, ибо больше не позволяли обстоятельства, тоже принялась активно устраивать личную жизнь. В итоге на свет появились Ивианна, Моника и Святогор, а в двухкомнатной квартире стало тесновато.

– Вот так! И голову запрокинь! – велел Севка.

Я подчинилась.

На душе было погановато. Не из-за матушки, от нее я еще когда съехала и с тех еще, студенческих пор, в родной дом заглядывала изредка, отдавая тот самый долг, о котором матушка не стеснялась напоминать.

Не важно.

Главное, что и дальше жизнь была не сказать, чтобы вовсе поганой. Нет. Случается и хуже. Школа. Поступление. ВУЗ средней руки. И учеба такая же. Средней. Подработка, позволявшая кое-как

существовать. А потом и работа, пусть не по профилю, зато хватало, чтобы снимать комнатуху на окраине. Можно было бы и поближе, конечно, но тогда откладывать ничего не получилось бы.

Оно и так не получалось.

Но я привычно откладывала. Даже без особой надежды накопить на ипотеку. Правда, в последнее время наметились кое-какие подвижки и Антонина Егоровна, к которой я была приставлена в помощники, даже повышение обещала.

Порой случались и подработки.

И тогда вклад прибавлял.

– Живот втяни! – Севка щелкал и хмурился, пытаясь казаться серьезнее. Дурацкая идея, конечно. Кому нужна жена Жоржетта? Ага, Ивановна... без жилья, хорошей зарплаты и перспектив.

Но Севке, если что в голову взбрело, то уже не выбредет. Во всяком случае без потерь для окружающих.

Агентство он решил открыть. Брачное.

С полным сопровождением.

И брачевать иностранцев, которые, как всем известно, спят и видят в мечтах, как бы осчастливить какую-нибудь русскую красавицу собственной особой. Севка даже сайт сделал. Сам. А вот с наполнением затык случился.

То ли красавиц в Нижневоламске не хватало, то ли не мечтали они замуж за границу, то ли как-то своими силами обходились, что Севку категорически не устраивало.

– Подумай, – сказал он давече, припершись в гости с тремя пирожками и почти профессиональной камерой. – Вот что ты теряешь?

Я подумала, сожрала почти свежий пирожок и решила, что в самом деле ничего не теряю, кроме, может быть, законного выходного. Но планов на него не было, а стало быть, почему бы и нет?

– Ты поможешь мне, а я тебе! Ты ж красивая девка, Жорка, – Севка поспешно запихал оставшийся пирожок за щеку, отчего та вздулась. Впрочем, говорить ему это не помешало. – А одинокая! И почему?

– Почему? – поинтересовалась я для поддержания беседы.

– Потому что наши мужики зажрались! Им мало, чтобы девица была красивая и умная.

Слушать было приятно, хотя особой красавицей я себя не считала. Не слишком высокая, не худая, но и не толстая, лишенная сколь бы выдающихся форм, но и не сказать, чтобы совсем уж страшная.

Обыкновенная.

– А там тебя оценят! – Севка ткнул пальцем в потолок, на котором выделялись пятна протечки. – Тем более английский знаешь, проблем не возникнет.

Я на всякий случай кивнула. Английский я и вправду знала. Ну, во всяком случае лучше многомудрой Антонины Егоровны. Собственно говоря меня и наняли-то по-за ради знания английского, который Антонина Егоровна, будучи специалистом до крайности ценным, а потому капризным, учить не желала.

Не важно.

Главное, что в Севкином исполнении перспектива замужества «туда» вдруг стала донельзя заманчивой. А что? Вот познакомлюсь с каким-нибудь итальянцем или там немцем, уеду в зарубежье и заживу по-человечески.

Воображение нарисовало маленький домик на берегу океана.

Или моря.

Или просто домик. Я ведь не капризная.

Белый заборчик. Газон, чтоб как в кино. Машина. Улыбающийся муж. Счастливые дети и собака. Тем более собаку я, в отличие от детей, давно хотела завести, да квартирная хозяйка выступала категорически против. И вот эта самая, не существующая в действительности собака, окончательно развеяла сомнения.

В конце концов, и вправду, чем мне заняться-то? Страдать за несложившейся жизнью?

Севка пришел в восторг.

И потянул сниматься.

– Ты же понимаешь, что сперва выбирать будут по картинке. А стало быть, картинка должна быть профессиональной!

Поскольку Севка до того подрабатывал, снимая чужие свадьбы, то себя он считал вполне профессионалом. Во всяком случае, если и случались у него недовольные клиенты, то до бития морд дело не доходило. А это уже показатель.

– А то обычно поставят фотку, глядеть страшно...

И под Севкино бурчание мы поехали.

Сперва на водохранилище, где встречали рассвет и пытались сотворить образ, потом на какое-то поле. Там я искренне старалась войти в единение с окружавшей её природой, но все как-то не выходило. Точнее не входило. Еще колесили по городу, слонялись по парку, изрядно вытоптанному любителями натуры.

Ели в кафешке.

Говорили о чем-то, то ли о его агентстве, которое обречено на успех, то ли просто за жизнь.

И вот заброшка.

Закат.

– Ты будешь великолепна! – возвестил Севка, высовываясь из-за камеры. В лучах заходящего солнца его физия гляделась слишком уж розовой. – Давай... еще шаг назад и руки, руки вверх... подпрыгни, будто пытаешься поймать солнце!

Я устала.

И прыгать не хотелось. И солнце ловить. И даже замуж. Но Севка крикнул это так требовательно, что я оттолкнулась, вытянула руки и в какой-то момент даже показалось, что я вот-вот поймаю этот ускользящий огненный шар.

В глаза плеснуло светом.

А потом...

Потом ноги ударились о бетон, и что-то захрустело, то ли в ногах, то ли под ними. И я покачнулась. Я еще попыталась восстановить равновесие, смутно подозревая, что что-то пошло не так, но пол закачался и я полетела.

Вниз.

Вот тогда еще успела подумать, что смерть эта на диво нелепая, как сама жизнь. И что не будет у меня ни мужа-иностранца, ни дома своего, ни детей, не говоря уже о собаке.

Собаку было особенно жаль.

Солнце полыхнуло огнем. Стало жарко. Холодно.

И больно.

А еще обидно донельзя. Разве я многого хотела? Просто мужа и... собаку.

Глава 2

Где призванный демон знакомится с новым удивительным миром

«Демоны по натуре своей суть создания коварные. Ни слова правды не произнесут их уста. И горе тому, кто поверит сладким посулам их»

«Хроники Тьмы, писанные благородным пресветлым воителем и благословенным паладином со слов свидетелей непотребств, сотворенных проклятыми Повелителями, да будут имена их забыты»

Упала я на спину. Со всего размаху. Что сказать, хорошо так приложилась. От удара из легких вышибло весь воздух. А вдыхать его обратно оказалось больно. И боль эта как раз-то помогла вернуть сознание.

Но вернулось оно не сразу.

Некоторое время, как показалось, долгое донельзя, я просто лежала, пытаюсь дышать. Получалось кое-как, но все-таки получалось.

Севка, бестолочь.

Из-за него все.

И... скорую уже вызвал? А почему сам не спустился? Должен был бы. Севка, конечно, мудака, но не до такой же степени, чтобы меня бросить. Никогда не бросал. Даже в тот раз, когда нас в универовском туалете с косяком запалили. На себя все взял.

Едва не отчислили, да.

А тут нету... и лежать жестко. Интересно, я все кости сломала или что-то целым осталось? А если все, то помру или спасут? Лучше бы не спасли. Кому я, парализованная, нужна будет?

То-то и оно.

Себя стало жаль до одури. И от жалости этой я вздохнула и поняла, что боли почти нет. Может, вправду помираю? Я попыталась сосредоточиться на процессе. Вызвать там прожитую жизнь.

Сожаления. Надежды. Не получилось. Вскоре помирать с зажмуренными глазами мне наскучило. И лежать было неудобно.

Я поерзала, пытаюсь сползти с камня, который упирался в плечо. Потом подумала, что если чувствую камень, стало быть, еще жива.

Пошевелила ногами.

И открыла глаза.

Удивилась.

Я ожидала увидеть небо. Темное, скорее всего, с огненным шаром заходящего солнца. Но над головой виднелся потолок. Низенький. Беленький. Местами беленький. А еще желтый, в пятнах. И в черных потеках копоты.

Потолок выгибался дугой, и на нем тараканами разбегались странные символы. Прямо над головой зависла звезда. Или это солнце?

Я нахмурилась.

Вот как приличному человеку помереть в таких условиях-то?

И подняла руку.

Рука двигалась. И пальцы сосчитать тоже удалось, пусть и не с первого раза. Где это я? Может... конечно. Севка вызвал скорую, а та отвезла в больничку, но там вечно мест нет. Вот и заперли меня, как не могущую заплатить за удобства, в какую-то подсобку.

Хотя... тоже странно.

Я же реально свалилась. С девятого этажа, потому как ниже Севкино вдохновение отказывалось принимать натуру как подходящую.

Нет, такое падение только в сказках может пройти без последствий. И... а если меня мертвой посчитали? И в морг отвезли? Тоже не сходится. Больничка, конечно, старая, но не настолько, чтобы морг в подземельях был. Да и мертвецы, если фильмам верить, лежали не на земле, а на красивых железных столах.

Я пощупала землю, убеждаясь, что металла нет. Есть камень.

А если...

Если все решили, что я умерла? И тело отправили в морг. Связались с матушкой. А та отказалась забирать? Сказала, что ей некогда и вообще. И... что? Тело продали?

Кому?

Не на органы. Органы из мертвецов не достают. Тогда... тогда каким-нибудь сатанистам? Правда, зачем им трупы, я не знала, но лежать окончательно надоело и я попыталась перевернуться на бок. Если я и вправду мертвая – а иначе и быть не могло – то не повредит.

Получилось.

И картинка изменилась, окончательно уверив, что бредовое мое предположение – суть правда. Нет, а как еще это можно понять?

Я лежала на полу.

На каменном полу, в котором были выбиты символы. Странные. Вроде тех, что на потолке, только побольше. В ближайшую канавку я и мизинец сунула, чтобы убедиться, что не примерещилось. Канавка внутри была грязною, и палец вымазался во что-то липкое.

Мерзкое.

Вот ведь.

Еще в комнате имелись факелы, которые горели ровным рыжим светом. Зато понятно, откуда темные потеки. Этак до пожара недолго. А огнетушителем сатанисты не обзавелись. Но поставили по углам пару позолоченных чаш, в которых тоже горело пламя.

Может, не сатанисты, а пироманы?

Или сатанисты-пироманы?

Я потрогала голову, убеждаясь, что та цела. Да и боль в теле не то, чтобы прошла вовсе, скорее уж сделалась далекой.

Что еще...

Столик.

И чаша. Зловещего вида. Камни на ней поблескивают. Огромные какие. Сразу видно – стекляшки. Нож у столика. Черный изогнутый и потому тоже зловещий.

В общем, антураж впечатлял.

Я осторожно села.

Итак... странно, конечно. Если бы я умерла, меня бы вскрывали. Я оттянула ворот майки, убеждаясь, что никаких следов вскрытия не наблюдается.

Пошевелила левой рукой.

Правой.

Ступнями. Причем один был в матерчатом тапке, купленном по акции, а второй – в носке. Полосатеньком. И штопанном. Штопка чуть разошлась и в дырочку проглядывал ноготь.

Севка просил надеть босоножки на каблуке, но таких не было. Каблуки я никогда не любила, да и работа моя нынешняя требовала подвижности.

Вот и пришлось.

Тоже неправильно. В больничке бы меня раздели. А... если не было больнички? Если Севка, спустившись, обнаружил тело и... и продал его?

Сатанистам-пироманам?

А деньги на раскрутку сайта пустил?

Пальцы ощупывали затылок. Тот ныл, но откровенных ран не наблюдалось. Да и... откуда у Севки знакомые сатанисты-пироманы? Тем более готовые платить за труп неизвестной девицы? Нет, как-то оно... не складывается.

В дальнем углу что-то заскрежетало.

Я спешно повернулась на звук. Да быть того не может! Это... это розыгрыш! Конечно! Севка еще тот весельчак, правда, чувство юмора у него кривоватое, но разве он в том признается? И устроил... он мне что-то в воду подмешал. И... и не было никакого падения!

Я отрубилась, может, даже вообще в собственной квартире.

Или там, на водохранилище.

А Севка устроил все это!

– Выходи, сволочь! – сказала я, надеясь, что голос мой осипший выражает истинную глубину чувств.

Скрежет стих.

А пламя прибавилось... ну, скотина! И главное, чего ради? Это ж... сколько деньжищ надо угрохать! Помещение, антураж... а этот в доспехах?

Севка?

Не понять.

Главное, лежит черный рыцарь мордой в пол. И руку вытянул, будто пытается до меня добраться. Я и отодвинулась чуть. Так, на всякий случай.

А заодно стряхнула пыль, налипшую на джинсы.

Пыль откуда?

Цементная белая. Нет, это все Севка, чтоб его!

– Севка, я тебе... я тебе яйца оторву! – пригрозила я, становясь на четвереньки. Слегка замутило, но поза окончательно убедила меня, что

никуда я не падала.

Ноги целы.

Руки.

И сама я, целиком, тоже цела. Это радовало, но не настолько, чтобы отказаться от идеи мести. Вот, спрашивается, за что он так?

Рыцарь не шелохнулся.

Он казался неподвижным и... а если даже не человек? Просто доспех. Черный. Серьезный такой. Грозный и зловещий, под стать кинжалу. Хотя... нет, проверить просто. Добраться и потыкать чем-нибудь. Или, как вариант, под шлем заглянуть.

Я решительно поползла к рыцарю. Пол, исчерченный письменами – потом задолбаются объяснять арендодателю, откуда те взялись – оказался на диво неудобным для ползания. Письмена так и норовили впиться в коленки. И даже подумалось, что драные джинсы, может, и модно донельзя, но непрактично.

На этой мысли я и остановилась.

Не потому, что мысль поразила глубиной и гениальностью, скорее оттого, что сама она уперлась лбом в стену.

Я села.

И потрогала воздух. Стена была. Невидимая. Но была.

– Я брежу, – мрачно сказала я. – Я все-таки разбилась и лежу в коме. Лежу и брежу себе потихоньку.

Загудело пламя в чашах, а рыцарь шевельнулся, пытаюсь перевернуться на другой бок. Интересно, откуда в моем бреду взялись сатанисты, пироманы и этот вот рыцарь. О рыцарях я никогда не мечтала. И если это бред, то где собака?

Логичнее ведь, чтобы вместо рыцаря собака была.

Я нахмурилась, пытаюсь силой мысли вызвать собаку, но ничего не вышло. Даже бред у меня неправильный.

И что делать?

Выбираться?

Или ждать, пока реанимация откачает? А если нет? Или...

Я ущипнула себя. Щипок чувствовался. И ссадина на колене. И комариные укусы. Кто ж знал, что на натуре столько комарья. Да... или не бред?

А что?

Я вздохнула, а рыцарь издал слабый жалобный стон. Интересно, он на самом деле или просто на соседней койке лежит? Вдруг да у них бред общий? Тогда и выбираться надо вместе.

– Эй, – тихо позвала я. – Ты живой?

Груда железа зашевелилась, перевернулась на бок и снова застыла. Только рука, которая в перчатке, оказалась ближе. Ага, стало быть, для руки стены не существует?

Или...

Я потрогала воздух. Нет. С её стороны стена по-прежнему была.

– Вот ведь, – проворчала я и потрогала уже перчатку. Перчатка трогалась. Была она холодной и железной, что в общем-то логично.

Все-таки странный у меня бред.

Я повернула руку в одну сторону, в другую, с интересом разглядывая сложный доспех, который ко всему был украшен вязью.

Черной.

Черное на черном – это весьма для сатаниста подходяще.

Приподняв руку, я отпустила её. Та грохнулась, подтверждая, что и в бреду действуют законы физики. Звук получился глубоким, тяжелым.

– И что теперь? – я опять потрогала стену. Потом двинулась вдоль нее, нащупывая руками в надежде, что где-нибудь эта стена да закончится. Но та продолжалась. И продолжалась.

И загибалась, образуя правильный круг. Я даже заметила, что очертания её соответствуют канавке, выбитой на каменном полу. Той, которая поглубже. Время от времени канавку пересекали линии потоньше, но они на стену они никак не влияли.

– Вот ведь, – оказавшись рядом с рыцарем, который по-прежнему не подавал признаков жизни, я призадумалась.

Бред или нет, но делать что-то надо. Не сидеть же мне здесь... сколько? Пока не очнется? Или и вовсе не отойдет в мир иной? Второй вариант устраивал несколько меньше, а нынешнее положение дел в принципе не устраивало.

И как быть?

Я поднялась.

Огляделась, отмечая, что комната будет чуть больше, чем показалась в начале. И полна она самых разных вещей, одна другой страньше. Но главное, на дальней стене имелась дверь.

Такая себе суровая дверь с медною ручкой в виде драконьей головы.

А если так, то и за дверью что-то да было.

Что?

Я перевела взгляд на рыцаря и даже пнула кованую перчатку. Мертвый? Рука была теплой. А... я снова села и, пыхтя от натуги, перчатку стянула. Под нею обнаружилась рука, к счастью, вполне себе настоящая. Широкая такая. С короткими пальцами и аккуратными ногтями.

Ладонь переходила в запястье, а на запястье прощупывался пульс.

– Уже хорошо, – проворчала я, почти даже обрадовавшись. – Еще бы тебя разбудить как-нибудь...

Я задумалась, правда ненадолго. Какие у меня, собственно говоря, варианты?

– Ты это, – сказала я, пытаюсь ухватиться за запястье, напрочь лишенное аристократического изящества. – Извини, если что...

Я поднялась и потянула руку.

Рыцарь не шелохнулся.

– Твою ж... если это все-таки Севка, убью засранца.

Я выдохнула. И дернула тело на себя.

Раздался скрежет, и рыцарь-таки сдвинулся.

– Надеюсь, руку тебе не оторву... – я выдохнула и смахнула со лба пот. – Но если что, то сам виноват. Тяжелый, зар-р-раза...

Глава 3

Повествующая о коварстве демонов и беззащитности людей пред ними

«И обратились люди к Богам, умоляя защитить их от гнева Тьмы. И ответили Боги. И подняли горы они, отделяя Проклятые земли от иных, запирая в них и тварей, и Повелителя их, дабы не распространялась по миру богопротивная зараза»

«История сотворения мира сущего, поведанная аскетом Асториусом по своему разумению и после многих откровений, снизошедших на него в молитвах»

— ...руку... оторву... — донеслось откуда-то издалека. Обещание прозвучало ласково, почти нежно, и Ричард осознал, что задуманное получилось.

Только как-то не так.

Неправильно.

Его дернули и... потащили?

Его? Куда? В круг.

В защитный, мать его, круг, который должен был бы удержать демона. Он и удерживал. И демона, и самого Ричарда, которого этот демон тянул, пыхтя и возмущаясь. Ричард хотел было дернуться, но вовремя осознал, что оружия при нем нет.

А одолеть демона голыми руками...

Оставалось надеяться, что собственная его смерть будет быстрой и безболезненной.

— Вот так, — сказал демон.

Демоница.

Голос был женским, с легкою приятною хрипотцой, от которой по спине побежали мурашки. И еще от ужаса, ибо если демоны отличались силой, то демоницы были известны в первую очередь коварством и величайшей жестокостью.

Надежда на безболезненную смерть истаяла.

Меж тем демоница оставила его.

Обошла.

Ричард слышал, как она ступает, очень осторожно, почему-то пришаркивая, будто... ранена? Нет, раненая демоница сожрала бы его, пытаясь восстановить целостность физического вместилища. Эта же... эта поправила руки, сложив их зачем-то на груди.

И ноги.

Постучала по нагрудным пластинам. Теперь походный доспех вспоминался с глухою тоской.

– Эй, – демоница переступила через Ричарда, чтобы усесться ему на живот. – Ты там как вообще?

Ричард прикусил язык.

Авось, мертвого жрать не станет. Правда, как долго ему удастся притворяться?

– Понятно, – сказала демоница, вздохнув. – Тоже контуженный.

Пальцы её ощупывали доспех, явно пытаясь найти слабое место. Драть будет? Ричарду случалось бывать в Рах-Каешь, где еще сохранились следы ярости Младшей Дочери Гха.

Почему она просто не вскрыет металл?

За шлем подергали.

Затем под подбородок нырнули пальцы, и Ричард понял, что его игра раскрыта. Пальцы зацепились за ремешки, подергали их и демоница сказала, как почудилось, обиженно:

– Да кто ж так завязывает! На бантик надо!

Чтоб жрать было проще?

Хотя, конечно, в чем-то она права. Ремешки Линг завязывал на совесть, так, что только он и мог их развязать.

Демоница вздохнула и села.

На Ричарда.

Сидела она так долго, явно думая о чем-то своем. Возможно, в коварных её замыслах нашлось место и Ричарду, если его до сих пор не сожрали.

А может... мысль принесла несказанное облегчение. Конечно! Кровь! Его кровь, которая послужила проводником заклятья! И она же дала защиту! В теории.

Проверять теорию практикой не хотелось, но и в дальнейшем лежании Ричард не видел смысла. Пусть, конечно, демоница была нетяжелой, но сама её близость навевала мысли о вечном.

Он осторожно пошевелил левой рукой.

И правой.

Демоница напряглась.

Бросится?

Нет, она сползла и, склонившись над Ричардом, поинтересовалась:

– Живой?

Пока да. И Ричард медленно кивнул. Застыл. Бросится? В Книге силы ясно указывалось, что после перехода демоны испытывают невероятный голод, с которым не способны были совладать.

– Живой! – обрадовалась демоница.

Наверное, она была из тех, кто брезговал мертвечиной. Иначе эту вот радость Ричард объяснить не мог. А по шлему постучали и демоница заботливо осведомилась:

– Снять?

– Н-не стоит, – Ричард все-таки сел. Не с первого раза, но когда он едва не грохнулся – даже домашний доспех весил изрядно – его заботливо подхватили и помогли.

Коварство демоницы определенно превышало все мыслимые и немыслимые пределы.

– Не задохнешься?

– Нет. Отойди!

И демоница повиновалась! Она отступила на шаг, пусть небольшой, чтобы застыть в позе, которая явно выражала гнев и недоумение.

Она стояла, скрестив руки на груди и глядя на Ричарда... в общем, хорошо, что он с кровью рискнул. Иначе точно сожрала бы.

Сама демоница оказалась... маленькой.

И хрупкой с виду.

Правда, при всей этой хрупкости фигура её отличалась мягкостью линий. И грудь имелась. Такая... в общем, очень демоническая грудь, ибо как еще объяснить то, что Ричард на неё уставился.

А еще наряд этот.

Развратная!

На демонице были штаны, но с дырками. И если сперва Ричард решил, что дыры эти суть свидетельство недавнего боя, в котором

побывала потусторонняя тварь, то вскоре от мысли этой отказался. Слишком уж аккуратными они были.

Ровными.

В одну выглядывала острая коленка.

В другую – хрупкая лодыжка. Обнаженная к слову. Ричард и взгляд отвел, чувствуя, как краснеет. Сверху штаны сидели плотно, вовсе уж неприличным образом обрисовывая бедра и ягодицы. Поблескивал золотом широкий ремень.

А выше, над ним... в общем, ткань была белой и тонкой. И вновь же обтягивающей. Особенно она обтягивала грудь. На обнаженных руках демоницы висели браслеты. Защитные? Наверняка. Иначе не рискнула она бы в Бездне разгуливать.

Демоны сильны.

Коварны.

И... и выходит, что эта вот хрупкость – обман? А на самом деле? Неужели...

– Ты из высших, – сказал Ричард, чувствуя, как горло перехватила невидимая рука. Он и закашлялся. А демоница подошла и ласково так похлопала по спине.

По доспеху.

И зачарованный металл не зашипел, не опалил дочь Бездны заклятьем.

Точно.

Из Высших.

Ибо сказано, что только они, сотворенные Темным Богом по образу людей, в насмешку над творениями Светлых Сестер, коих он полагал слабыми, имеют обличье, не отличимое от человеческого. Но таят в нем силу немалую.

– Может, все-таки снимешь эту железку? – ласково поинтересовалась демоница. – Пока совсем не задохнулся?

– Я...

Ричард подергал завязки, и те распустились, чего никогда-то не случалось.

Но демоница...

Смотрела с насмешкою.

И глаза у нее такие... такие... демонические! Яркие синие, каких у нормального человека быть не может!

– Давай знакомиться, что ли, – она протянула ручку, с виду невероятно хрупкую. И Ричард осторожно взял её. – Жоржетта. Но можно Жора. Жорку не люблю.

– Р-ричард, – сказал Ричард и запоздало подумал, что не стоит вот так просто называть свое имя демону. Но та не разразилась зловещим хохотом и не стала читать заклятье извлечения души.

Почему?

А у нее имя странное. Жоржетта. Жора... не оттого ли, что отражает её суть? Хотя... она-то коварна и не стала бы называть настоящее. Стало быть, прозвище.

Жора.

Жорка.

Пожирательница душ.

По спине поползли струйки пота. Кого он, бестолковый, призвал в этот мир? И не случится ли так, что скоро и люди, и нелюди проклянут Ричарда?

– Вот и познакомились! – демоница одарила Ричарда улыбкой. – А теперь давай думать, как отсюда выбраться...

Рыцарь смотрел на меня.

Смотрел.

Вот как-то даже неудобно сделалось от этого взгляда. Нет, что у меня за фантазии-то странные. Ладно, допустим рыцарь прибрелся, но почему тогда не благородный, жаждущий спасти принцессу, а такой вот... такой... прям слов не находилось.

Сам-то доспех, конечно, смотрелся донельзя солидно.

И шлем этот с вензелями, решеткой спереди, за которой ничегошеньки не разглядеть, да пучком перьев на макушке, очень впечатлял. А вот рыцарь под шлемом обнаружился самый обыкновенненький.

Вот реально обыкновенненький.

Где благородство черт? И красота, от которой горло перехватило бы? Или хотя бы сдержанная изысканность, которая указывала бы на череду родовитых предков, что притаились за плечами рыцаря. Но у этого вот, рыжеватенького, взъерошенного, какие родовитые предки?

Нос картошкой да еще веснушчатый.

Кожа белая. Брови тоже светлые, над переносицей сросшиеся. Уши лопухие оттопыренные. И волосы дыбом стоят.

Обидно.

Донельзя.

Но на меня, надо сказать, рыцарь смотрел с искренним восторгом. Так еще ни один мужик не пялился. Правда, несмотря на восторг, спасать из круга не спешил.

Он осторожно встал на четвереньки, потом поднялся, оказавшись вдруг на голову выше. Правда все равно смешно. Доспех широкий и голова из горловины торчала, что капуста на грядке.

Рыцарь попытался скорчить грозную физию, но я фыркнула.

Забавный.

Он же, вытянув руку перед собой, произнес:

– Повинуйся мне, о демон!

Я обернулась. На всякий случай. Мало ли, вдруг да и вправду демон? Но за спиной никого-то не было.

– Это вы мне?

– Тебе! – возвестил рыцарь и, откашлявшись, продолжил. – Это я призвал тебя из Бездны! Кровью своей заклил.

– Ну спасибо большое.

Бред становился все более увлекательным.

– Не за что, – рыцарь, точно, Ричард. Его зовут Ричард. И имя ему подходит примерно так же, как мне – мое собственное.

– Это был сарказм, – уточнила я.

– И-извини, – правда, он тотчас спохватился. – Я призвал тебя дабы ты исполнила мое желание!

Ага, то есть ничего не понятно, кроме того, что с золотой рыбкой он явно промахнулся. Или понятно? А если... если это не бред?

Я осмотрелась.

И снова осмотрелась, отмечая мельчайшие детали комнатухи. Присела. Потрогала пол. Он все еще ощущался каменным. А желобки эти? Знаки странные? Я никогда-то мистикой не увлекалась и даже на картах не гадала, хотя все девчонки в общаге как раз и гадали. А я вот...

Тогда откуда это?

Бред, он ведь берется из подсознания. В моем же подсознании подобному хламу места не было. Это я точно знала.

Кинжал.

Чаша...

Да быть того не может! Или может? Мне ведь рассказывали... Анька вечно читала книжки про то, как кто-то там куда-то попал. Глаза защищало от обиды. Читала, выходит, Анька, а попала я? Так не честно! Но... но многое объясняет.

Рыцаря, к примеру, что стоял. Молчал. Позволял оглядеться. И доспех у него настоящий. Я опять постучала по литой груди, и та отозвалась грустным звоном.

Точно, настоящий.

И... и кто виноват?

Севка с его желанием открыть брачное агентство? Я сама, согласившаяся на авантюру? Или этот вот, который нормального демона вызвать не сумел? И... и если подумать, то... то в том мире, в старом, я мертва?

Разбилась.

Наверняка.

Там ведь этажи. И еще под домом плиты. И без шансов уцелеть было. А я цела. Жива. Стою вот. Беседую с человеком, если он, конечно, человек, ибо в мире ином всякое возможно. Правда, он меня явно принимают за кого-то другого, но... но все ведь прояснится?

Или нет?

А если... средневековье, где рыцари обретались, не зря считалось мрачным. И... и вдруг ему точно демон нужен, а я – нет? Вдруг, узнав правду, он меня... в жертву принесет? Или просто прибьет, чтоб не мучилась?

И... как быть?

– Желание? – шепотом поинтересовалась я.

Ричард кивнул. И добавил:

– Когда исполнишь его, я отпущу тебя в Бездну!

– Домой, то есть?

Он снова кивнул.

Перспектива вырисовывалась, мягко говоря, сомнительная.

– То есть, я исполню твое желание, а ты... меня отпустишь? – я нахмурилась. Сомнений в ошибке не осталось.

Но...

– И чего ты хочешь? – я решила сперва уточнить, а потом уже рушить чужие надежды.

Ричард замялся.

И покраснел.

Хорошо так покраснел. Прямо дурные мысли в голову полезли. Но потом я подумала, что нужно быть редкостным извращенцем, чтобы вызывать демона для этого самого.

– Найди мне жену, – шепотом произнес Ричард. И добавил еще тише. – Пожалуйста.

Глава 4

О том, что и Повелители Тьмы не способны избежать кризиса личной жизни

«Земли, именуемые в простонародье Проклятыми, суть остатки великой империи, некогда простиравшейся от моря до моря. Свидетельством тому многие хроники, которые повествуют и о великом бедствии, случившемся в городе, чье имя даже я, проклятый жрецами, не рискну начертать на пергаменте. Известно лишь, что город сей был razoren демоном, который сумел вырваться на свободу. Тот демон был силен и сумел одолеть Повелителя, и сыновей его, и детей их. Однако последний из славного рода Архаг сумел отворить врата в Бездну, которая и проглотила проклятую тварь»

«Осмысление истории или же Хроники многих земель, писанные Ингаром Многомудрым в году 8756 от сотворения мира».

В глазах демоницы Ричард увидел удивление.

И недоумение.

И... и кажется, она права. Демонов призывали, дабы укротить стихию. Или остановить Туман, который время от времени выползал из Бездны, норовя затянуть отроги. К слову, уж вторую сотню лет там было тихо, что само по себе преподозрительно.

Демоны двигают горы.

Сотворяют пути.

Демоны обращают в бегство войска. И вызывают бури. Демоны... многое могут, если, конечно, призывающий их способен договориться. А он, Ричард, последний из рода, вызвал... ради женитьбы?

— А что, такая серьезная проблема? — осторожно уточнила демоница.

Ричард вздохнул.

И предложил:

— Договор?

А то конечно кровь его сдерживала кровожадную натуру, но как знать, может, она лишь в круге работала.

– В смысле?

– Мы заключим договор, – повторил он, чувствуя лишь усталость. – Ты и я. Ты помогаешь мне найти жену, а я возвращаю тебя домой. Но пока ты ищешь, ты ведешь себя так... как человек.

– То есть?

– Не пытаешь отнять души, не пожираешь людей, не устраиваешь бойни и кровавых шуток.

– А... ну да, разумно, – демоница дернула себя за прядку. Волосы её были вызывающе коротки. Ни одна женщина не согласилась бы настолько себя изуродовать.

Но то женщина.

А демоница... это же совсем другое дело!

– И что нужно делать? – уточнила она, коварно притворяясь несведущей.

– Мы смешаем кровь и призовем силу, – Ричард отступил. – А потом произнесем слова клятвы. И тогда я тебя выпущу.

– Это хорошо... – прядку она пыталась намотать на палец. К слову, довольно обыкновенный.

Хотя... что он о демоницах знает? Даже в книге есть лишь весьма приблизительное изображение Младшей дочери Бездны. А со старшими и вовсе никто не встречался.

Точнее вряд ли остался жив после встречи.

– То есть, я ищу тебе жену, и ты меня отпускаешь?

– Да.

– Душ не красть, не пожирать людей? А защищаться я могу?

Ричард задумался, но вынужден был сказать:

– Если жизни твоей угрожает опасность, то да, ты можешь убить человека. Или не человека. Но не пожрать и не украсть душу.

– Хорошо, – демоница прикусила губу, задумавшись. Впрочем, ненадолго. – Я согласна.

А что еще оставалось делать? Сидеть в круге и страдать, пока не помру от голода и жажды? Как-то не вдохновляла такая перспектива совершенно.

Демоны же...

Подумаешь, я в театре школьном, помнится, одно время числилась и даже играла. Лошадь. Переднюю часть её. Заднею была Машка, которая то спотыкалась, то толкала меня в спину, а еще постоянно ныла, что ей тяжело. В общем, после Машки я с ролью демона как-нибудь да справлюсь.

Я мазнула ладонью по носу, который подозрительно зачесался, и поинтересовалась у грядущей жертвы сватовства:

– Так что делать надо-то?

– Клятва! – торжественно провозгласил Ричард. И очень осторожно взял мою руку. – Мы смешаем кровь.

Надеюсь, пить не придется.

– И ты поклянешься своей силой и сутью...

Ладно, силы у меня не то, чтобы есть, скорее даже наоборот, поклянусь. А сутью-то зачем?

– И ты меня выпустишь? – уточнила я.

Что сказать. Сам обряд прошел... как-то обыденно, что ли. Мне ткнули в палец кинжалом, который гляделся грозно, таким не в пальцы бы тыкать, а врагов разить. Но и с пальцем он справился. Себе Ричард руку разрезал. Кровь его упала на мою руку.

А потом прозвучало торжественное обещание отпустить меня после того, как я исполню его желание.

Ну а я, стараясь сдерживать нервный смех, пообещала в свою очередь никого не жрать и вообще не чинить лишнего ущерба, а заняться делом.

То есть, поисками жены.

Вот ведь... и главное, он, если подумать, ничего такой. Ну да, не красавчик, но и не страшный.

– Все? – поинтересовалась я, сунув палец в рот. Всегда так делала. И вообще ненавижу кровь сдавать.

Ричард кивнул, но как-то... нерешительно, что ли.

И на меня уставился, будто ожидая чего-то. Чего? И в следующее мгновение стало вдруг жарко. Настолько жарко, словно я красного перца грызнула.

Я и рот раскрыла, выдохнув облачко красного пара. Что за... кинжал отравлен?

– Теперь, о великая Пожирательница, – Ричард явно выглядел довольным. – Боги услышали нашу просьбу.

Богов мне только для полного счастья и не хватало.

А Великая Пожирательница, вот честно, звучит еще хуже, чем Жоржетта Ивановна. Не такая я уж и великая. Вполне себе в пределах нормы нахожусь.

Ричард же сделал шаг назад.

И еще.

Тихонько так выбираясь за пределы круга.

– Стоять! – рывкнула я. – А я?

Ричард явно смутился. И руку с кинжалом своим отравленным – вот знала, что не стоит верить всяким там проходимцам – за спину убрал.

– Я разомкну круг!

– Неужели?

– Изнутри это невозможно сделать. В конечном итоге, я ведь тоже клялся не причинять вам вреда.

А да, помнится, было что-то такое.

– Умоляю проявить терпение.

Проявлю.

Вот терпения у меня бездна. Была. Мрачным взглядом я проводила этого... рыцаря, который, оказавшись за границей невидимой стены – теперь я её ощущала, даже не касаясь – первым делом поднял упавший столик.

Потом чашу.

Клинок.

И вымазав его своею кровью, воткнул в пол. Выглядело впечатляюще.

А стена исчезла. Я подошла. Тыкнула в нее пальцем, ну, туда, где она по ощущениям была. И палец проткнул воздух.

Попробовала ногой.

Наступила на что-то жесткое. Ах да, я же тапок потеряла, а носки мягкие. И надо, наверное, попросить обувь. И не только обувь.

– Не стоит опасаться, госпожа Пожирательница, – сказал Ричард. – Отныне Замок принял вас, как мою гостью.

– Спасибо, – мрачно ответила я, осознав, что оказалась черт его знает, где. И как теперь в этом «где» жить? И отзываясь на грустные мысли, заурчал живот.

Выразительно так.

Я сглотнула.

И уставилась на Ричарда, который немного побледнел, но взгляд мой выдержал:

– Я велю накрывать обед, – сказал он.

– Спасибо. Мне бы еще тапки какие... и вообще... – я наклонилась и почесала коленку, на которой вспухла розовая шишка комариного укуса. – Помыться. Переодеться.

– Конечно. Позвольте проводить вас?

А у меня выбор есть?

Но я кивнула, надеясь, что выглядит кивок в достаточной мере величественным.

– К сожалению, мы не рассчитывали... – мне открыли дверь и отступили, пропуская вперед. Ломаться я не стала. Эта комната вдруг показалась до отворачивания тесной.

И пахло в ней нехорошо.

Лестница.

Что сказать. Узкая. С высоченными ступеньками. Еще и закручивается штопором. Я старательно шествую, придерживаясь рукой за стену, которая каменная и холодная. Из стены торчат штырьки, на которых держатся светящиеся сосульки. Ну, на сосульки они походят больше всего. И главное, лестница эта кажется совершенно бесконечной.

Я даже запыхалась.

Но виду стараюсь не подавать. В конце концов, демоны, они же... какие, собственно говоря? Помимо того, что жрут, что ни попадя?

А вдруг...

Вдруг он решит меня накормить... чем? Человечиной? Меня тотчас замутило. Откажусь? Сразу поймет, что демон неправильный. И... тогда что?

Мысли в голове метались, что мотыльки у лампы. И как назло ни одной толковой. Но мы в конце концов пришли.

К двери.

А за дверью, к счастью, скрывалась уже не лестница – еще одной я бы не выдержала – но коридор. Такой себе... умеренной зловещности. Каменные стены. Каменный пол. Все сурово и брутально. Сосульки и те светили едва-едва.

– Это нижние уровни, – сказал Ричард и тоже смахнул пот со лба. Надо же, и он запыхался. Хотя, конечно, я сама по себе шествовала, а он еще и в доспехе. Понятно, что притомился. Вон, от пота и волосы слиплись. И сам дышит с присвистом.

– Есть еще и верхние?

– Да. Но там подъемник, – он махнул куда-то вперед. – Извините. Давно не спускался.

– А зачем вообще... ну, так далеко. Глубоко. Не знаю!

– Ритуальную комнату построили рядом с источником, – ответил Ричард, когда перестал хватать воздух губами. – Да и Замок раньше был немного другим. Поменьше. Это потом достраивать начали. Казармы для Легионов Смерти...

– Ага, – только и выдавила я.

– Сперва они были снаружи, но еще мой прапрапрадед постановил, что в полном составе их держать очень энергозатратно. Вот и создал усыпальницы.

– Для Легионов?

– И для них тоже. Еще виварий. И конюшни.

– Конюшни – это хорошо. Лошадок я люблю, – призналась я в каком-то приступе откровения. Ричард покосился. В глазах его читалось сомнение. Ну да, наверное, демонам не положено проявлять чувства и вообще иметь их. Но это же лошадки!

– Потом еще... родовой склеп. В общем, много всего.

– А жилые комнаты тут есть?

Как-то не вдохновляла меня мысль жить и работать в чьем-то родовом склепе.

– Естественно. Но чуть дальше. Здесь... не работают механизмы. Сила мешает.

Тогда ладно.

Он разогнулся, как показалось, с некоторым трудом, и весело полязгивая доспехом зашагал по коридору. Мне оставалось догонять. Я и догнала. Пристроилась рядом, благо, коридор был довольно широк. Время от времени то на одной, то на другой его стене появились черные провалы ответвлений, однако заглядывать в них я не рискнула.

А после того, как откуда-то донесся протяжный рык, и вовсе испытала преогромное желание схватить моего провожатого за руку. Чтоб не потеряться.

– Это гиппардиус, – пояснил Ричард. – Вышел из спячки, вот и переживает.

– Сочувствую, – это я сказала вполне искренне. Я тоже всегда переживала, когда мою спячку прерывали. А случалось это частенько.

– Ксандр готовит сонную смесь, так что дня два и он снова уснет.

– А Ксандр – это...

– Мой распорядитель. И управляющий. Друг.

Ричард остановился и обернулся так резко, что я едва не шарахнулась.

– Вы ведь не попытаетесь его развоплотить?

– Я же обещала никого не жрать, – палец снова заныл, напоминая о данной клятве, и я сунула его в рот. – И не собираюсь. Честно.

Ричард прижал руку к доспеху и сказал:

– Я благодарен вам за понимание, но дело в том... Ксандр, он бы как это выразиться... не совсем человек... точнее человек, но не совсем живой...

Лич.

Это так называлось.

Когда немножечко мертвый маг решает взять и немножечко воскреснуть. То есть, подозреваю, что не все так просто, иначе этих личей развелось бы, что тараканов за печкой. Не важно. Главное, что он был.

Ксандр.

Лич.

Немертвый.

А выглядел почти как живой, разве что бледноват. И даже при том, что сам хозяин замка румянностью не отличался, лич выглядел вовсе уж белым. Или это просто внешность такая?

Высокий, на полголовы выше Ричарда, он завораживал какую-то неестественной красотой. Вот уж где и черты лица правильные, врожденный аристократизм прямо-таки на физиономии отпечатан. Светлые, почти белые волосы пребывают в легком беспорядке.

Черный костюм сидит идеально, несмотря на полную нелепость кроя. И лишь кровавая слеза рубина поблескивает в пышном кружеве воротника.

– Ты все-таки сделал это, – произнес Ксандр.

А глаза у него черные.

Вот просто черные, без деления на белок и радужку. И чернота эта живая, переливается, перетекает, и кажется, что там, в глазницах, обретает туман.

Нехороший.

Мне вот сразу захотелось завизжать, грохнуть в обморок и запустить в этого вот... лича тапком. Не уверена, правда, что поможет. И потому я ответила дружелюбной улыбкой и сказала:

– Доброго дня.

– Ночь на дворе, – меланхолично заметил Ксандр.

– Тогда доброй ночи.

– Ночь доброй не бывает.

Он что, издевается? Кажется, Ричард пришел к такому же выводу, вон, и уши покраснели.

– Тогда злой вам ночи, раз добрая не по вкусу, – не выдержала я.

Лич он там или просто так прикидывается, но мог бы каплю вежливости проявить. В конце концов, не каждый день тут демоны случаются.

– Ксандр, позволь представить тебе Великую Пожирательницу Душ! – возвестил Ричард так громко, что у меня в ухе засвербело.

– Можно просто Жора, – сказала я.

А Ксандр улыбнулся.

Вот... лучше бы он и дальше с мрачной рожей стоял. Теперь мне этот оскал в кошмарах сниться будет.

– Что ж, в таком случае, счастлив приветствовать вас...

Глава 5

В которой демоница изволит трапезничать, а заодно обсуждаются планы порабощения вселенной и поиска жены

«Чтобы слыть галантным кавалером, надобно соблюдать несколько простых правил. Во-первых, воздержаться от пускания ветров в присутствии дамы. Во-вторых, не след вытирать руки о скатерть или занавеси, или иные предметы, для оной цели не предназначенные. В-третьих, сморкаясь, надобно поднимать мизинчик, дабы действию сему придать должное изящество».

«Советы галантным кавалерам или же руководство по обретению личного счастья малыми усилиями»

Демоница ела.

Демоница ела мясо, закусывая его полупрозрачными листьями хариззского салата и крохотными плодами помидорного куста. Их Ксандр подал явно издеваясь, а теперь вот сидел и смотрел.

Прямо сидел.

Всегда Ричарда бесила эта вот его манера выражать отношение к происходящему не словами, как нормальные люди делают, и даже не руганью, а позой. И в нынешней читалось недоумение.

А демоница ела.

Голодная. Главное, сама-то маленькая, зубы тоже невелики, такими и добычу толком не ухватишь, зато вилкой и ножом управляется весьма ловко. Даже поневоле закрадывается мысль, что правы были те, кто утверждал, будто сии предметы суть порождение мира Хаоса.

Вилкою души цеплять удобнее.

Ричард покосился на Ксандра, который провожал каждый плод печальным взглядом. Неужели и вправду думал демоницу отравить?

Хроники явно указывали, что ко всем ядам земным порождения иного мира не чувствительны.

– Так что у вас тут происходит? – демоница лизнула вилку и потянулась за кубком, попробовала, поморщилась. – А воды можно? Или компотика там?

– Это ишерское вино двадцатилетней выдержки, – почти оскорбился Ксандр, который был категорически против того, чтобы поить демоницу вином.

– Все равно лучше компотика, – она решительно отодвинула кубок, словно и не заметив, что сотворен он был из лунного серебра.

Как и вилка.

Выходит, что против высших демонов лунное серебро бессильно? Это наблюдение стоило записать.

Потом.

Позже.

– Я жениться хочу, – Ричард осторожно отпилил кусок мяса ножом. Даже получилось не резануть по тарелке. И вилка больше из рук не выскальзывала. Ксандр мог бы быть доволен, а то вечно пенял на отсутствие манер. А разве Ричард виноват, что руками ему удобнее?

И не только ему.

Логар вон тоже руками предпочитает есть.

Хорошо, что он на рубежах. Точно вызову бы воспротивился.

– Это я уже слышала. Но зачем? – демоница дотянулась до бледно-розовых ягод, возлежавших на хрустальной чаше. Помнится, чаша эта в списке трофеев значилась, как Благословенная светлыми силами. Но демоница вновь будто и не заметила.

Или за пару сотен лет благословение выветрилось?

– Ну, просто чтобы понять, где тебе эту самую жену искать и вообще какой она быть должна, – ягоду демоница раскусила и скривилась. – Кислятина какая.

– Их запивают кровью врагов, – уточнил Ксандр.

Так, между словом.

– Нет, все одно компотик лучше. И сахарку туда добавьте.

– Чего?

– Сахару... – она задумалась, сморщив лоб. – Ну или меду. Мед-то у вас имеется?

– Имеется, – Ксандр сцепил тонкие свои пальцы. – Что же касается вашего любопытства, то здесь все просто. Пришел срок.

– Жениться?

– Именно.

– А у вас тут по сроку женятся? – поинтересовалась демоница и любопытство её было вполне искренним. И повторила. – Мне просто, чтобы понять.

– Ричард – последний представитель славного рода Повелителей Тьмы, – Ксандр говорил, не сводя с Ричарда взгляда, за что стало неудобно. Настолько, что кусок мяса соскользнул с вилки, чтобы упасть на пол. Ричард поспешно воткнул её в другой, а тот, упавший, запихнул под стол. Вдруг да не заметят. Или хотя бы демоница не заметит. – И смерть его обернется величайшей трагедией для всех окрестных земель.

Ксандр поднялся и заложил руки за спину.

– В незапамятные времена предки Ричарда совершили почти невозможное. Они выступили против самого Мардуха, великого и ужасного. Вырвавшись на свободу, тот шествовал, разоряя земли. И лилась кровь. И смерть спустилась с небес.

– Хаос и разрушения, – пробормотала демоница.

– Именно. И тогда-то великие некроманты семьи, что правила миром, объединились. Повергли они семерых ужасных дочерей Мардуха. Изгнали в мир Хаоса демонов войны. А самого малого бога заточили.

– Сурово, – демоница огляделась, явно высматривая, что бы еще съесть.

– Он погружен в сон и скован многими заклятьями. И будет сон этот длиться вечность, если, конечно, останутся в мире подлунном те, кто сказал первое слово. Если же исчезнет кровь, то цепи спадут, а Мардух вернется.

На этом моменте Ричард, как обычно, ощутил укол стыда.

– Тогда... как получилось так, что он один остался? – поинтересовалась демоница, глядя так пристально, что стало совсем уж неудобно. – Ну, если так было нужно, то неужели не стоило бы озаботиться... там гарем завести или еще чего?

– До недавних пор род Повелителей тьмы был велик, – признался Ричард. – У моего деда было четверо братьев, а у отца – трое.

– И куда все подевались?

– Эвер, это брат моего деда, погиб в битве с демонами. И Навер, его брат, они в один день рождены были, не сумел оправиться от потери. Он пытался призвать дух, однако сам был пожран бездной.

– И детей они не оставили.

– Он принес их в жертву, пытаясь призвать дух брата. И своих, и его... – Ричард вздохнул. – Нашияр же, младший в роду, решил, что мой дед ослабел и попытался его убить. Он объединился с Кафиром, средним братом, устроил заговор и был казнен. То есть обоих казнили. То есть, не совсем, чтобы казнили. Дед пытался захватить замок, и когда стало ясно, что Легионы Смерти вот-вот ворвутся, Нашияр призвал тьму и упокоил всех, кто был в замке.

– Мда, сложно у вас тут...

– Дед говорил, что потерял половину Легиона, да и тьму там до сих пор не вывели, – Ричард почесал вилкой кончик носа, а потом спохватился: что о нем демоница подумает?

И вздохнул.

Покосился на Ксандра, который с презадумчивым видом любовался стеной. Точнее барельефом, её украшавшим. Барельеф изображал сражение с Мардухом и изобиловал деталями, по задумке создателя, должныими в полной мере отразить всю чудовищную жестокость Темного.

Деталей было много.

И к исполнению художник подошел с большим знанием дела. Был он довольно талантлив... в общем, у Ричарда никогда-то не получалось смотреть на сие творение без легкой тошноты.

А вот Ксандру нравилось.

Говорил, что напоминает о бренности бытия.

– И стало быть, ты должен жениться, – демоница тоже уставилась на барельеф с видом презадумчивым. Светлые глаза её подернулись поволокой, верно, творение Безумного Арраха напомнило демонице о доме.

– Да.

– Понятно. То есть не совсем чтобы, но... демона-то для этого вызывать зачем?!

– Вот и мне интересно, – пробормотал Ксандр и щелкнул пальцами, чтобы подавали десерт.

– Дело в том... в общем... – Ричард понял, что понятия не имеет, как выразить все то, что он чувствует. А ведь готовился. Речь написал.

В четырех вариантах.

Ни один, правда, не нравился, но это же мелочи.

– Выбрать надо, – выдавил он, наконец, под насмешливым взглядом Ксандра и печальным – демоницы.

В мире Хаоса слабых не любят.

А он как раз-то слаб.

– А есть из кого?

Ричард кивнул.

– Уже хорошо, – демоница подвинула к себе блюдо с медовой слойкой и старательно обнюхала её со всех сторон, после чего с явным сожалением отодвинула. – Рассказывайте тогда.

– Понимаешь. Понимаете, – Ричард все-таки не удержался, встал. Была у него дурная привычка расхаживать. С детства еще. Как-то... и думалось легче, что ли?

Вот и сейчас в голове прояснилось.

А что смотрят, так... так он все-таки Повелитель Тьмы и хозяин Замка! Имеет право расхаживать. Даже в столовой.

Именно.

Окончательно ободрившись, он принялся излагать:

– Я бы хотел взять в жены девицу, которая бы происходила из древнего рода, – он загнул палец.

– Породу улучшить?

– Скорее сохранить, – процедил сквозь зубы Ксандр. – Представители старых родов несут в себе силу, и этой силы хватит, чтобы выносить и родить дитя.

– Именно, – кивнул Ричард. – Моя мать... она была не из древнего рода. Дочь купца...

– Если еще купца.

– Не важно! – Ричард резко остановился и глянул на Ксандра с недовольством.

– Отчего же? – Ксандр это недовольство проигнорировал. Впрочем, как всегда. – Она с трудом родила одного живого ребенка. Прочие же уходили сразу после рождения. А это... не то, что нам нужно.

– Что же вам нужно? – в голосе демоницы почудилось раздражение.

– Женщина, способная родить трех-четырех сыновей.

– А дочери?

– В нашем роду появляются только мальчики, – сказал Ричард. – Но если и дочери, то...

– Найдем, куда использовать.

– Надо же... – демоница вновь повернулась к барельефу. – Стало быть, древнего рода, с...

– Силой?

– Именно. И крепкая физически. Чтобы родить. Еще что?

Ричард подумал и сказал:

– Да, наверное, это главное. Остальное – как получится...

Глядя на барельеф, украшавший стену, я окончательно убедилась, что попала в мир иной. В моем родном мозгу, известном мне до последней извилины, просто не могло существовать подобных кошмаров. И главное, до чего художественных!

Тут тебе и горы.

И город в кольце их. Причем исполненный так, что можно разглядеть не только дома, но резные ставенки на них. И ладно бы только ставенки... над городом возвышалось многорукое чудовище с лицом столь прекрасным, что хотелось смотреть и смотреть. Однако в руках его, числом шесть, корчились люди. По сравнению с чудовищами гляделись они крохотными, но все одно можно было разглядеть и перекошенные от боли лица, ужас на них.

Искореженные тела.

Существ, что жались к ногам чудовища. Отвратительных, уродливых столь же, сколь прекрасно было оно. Людей.

Кровь.

На этом, мать его, белом барельефе, снежном, каким может быть мрамор, я все одно явственно видела кровь. Много-много крови, что текла по улицам города, грозя затопить его.

Ну нафиг! Такое смотреть – свихнуться недолго. А я себе была нужна в здравом уме.

И потому все-таки сумела отвести взгляд. И главное, даже не замутило, напротив, живот заурчал, а я вновь почувствовала голод. Это

от нервов, не иначе.

Я поспешно придвинула к себе миску с чем-то, весьма похожим на пахлаву. Пахло от нее медом и травами, и кажется, орехами. Голос совести очнулся, шепотом напомнив о диете. Я же велела ему заткнуться. У меня стресс. Какая диета! И вообще...

Пахлава оказалась сладкой до приторности.

Я жевала.

На меня смотрели.

Выжидающе так. С надеждою даже. Они что думают, что я пальцами щелкну и тут появится девица с запрашиваемыми характеристиками? Ага... как бы не так. Знаю я их.

Я и Севку предупреждала, между прочим, что сватать кого-то кому-то – дело на редкость неблагодарное и вообще дурное. Что это сейчас у них требований два пункта, а вот появится здесь какая-нибудь очень здоровая особа благородного происхождения, так сразу и список вырастет.

Окажется, что у нее глаза не того цвета.

Волосы не так завиваются.

Бюст большой или маленький, и вообще нужно немного другое.

Нет уж, проходила такое... правда не с рыцарями, а с приятельницами, но не думаю, что разница столь уж велика.

– Значит так, – я дожевала пахлаву, от которой во рту осталась вяжущая горечь, но компотика мне так и не принесли, как и воды. – Для начала давайте осмотримся.

– Осмотримся? – рыцарь нахмурился.

Забавный он.

Последний представитель рода... взгляд невольно потянуло к барельефу, и я вдруг поймала себя на мысли, что вовсе тот не ужасен. Скорее... интересен.

Точно.

Как произведение искусства.

– Ну... – я взмахнула вилкой. – По сусекам поскребем там... по окрестностям... землям, в смысле, окрестным. Или у вас тут девиц подходящих совсем нет?

По тому как переглянулась эта парочка, я с тоской поняла: таки да.

В смысле нет.

Девиц.

Глава 6

Где демоны делают не самые приятные умозаключения

«И демоны, коль случится встретить им человека, начинают вести речи прельстивые, кои хочется слушать. Дурманят они разум, заставляя позабыть обо всем. И человек, воли лишившись, добровольно передает душу свою в когтистые лапы демонов, отчего сам попадает к ним в услужение вечное»

«Хроники Тьмы, писанные благородным пресветлым воителем и благословенным паладином со слов свидетелей непотребств, сотворенных проклятыми Повелителями, да будут имена их забыты»

Еда со стола исчезла по мановению руки. Слуги, двигавшиеся столь тихо, что вовсе казались неживыми — хотя, кто этот ненормальный мир знает, может, и вправду неживые — смахнули со стола пыль и крошки, а Ксандр вытащил длиннющую, метра в этак два, тубу.

В тубе обнаружилась карта, которая и легла на стол.

— Здесь мы находимся, — сказал он, обведя центр карты когтем.

Я икнула.

Коготь был длинным и слегка изогнутым, а еще поблескивал лаком. И камушек в нем сиял. Синенький. Надо же, какой лич... метросексуальный.

Но я уставилась на карту. Никогда-то их не любила. Помнится, еще моя учитель географии лишь вздыхала, когда я пыталась отыскать Танзанию.

Или Гибралтар.

До сих пор только и запомнила, что само это слово. Хорошее. Рычащее такое.

— Подожди, — Ричард коснулся уголка, а потом взял и провел ладонью. И над белым полотном, испещренным рисунками, поднялись горы.

Настоящие!

Только маленькие такие, просто прелесть. А вот и реки... тончайшие нити, что начинаются где-то в горах, а потом сползают в долину, свиваясь синим жгутом. Море переливается всеми оттенками бирюзы.

Земли.

Зеленые леса. И луга.

Замок тоже есть! Надо же какой... огромный. То есть, на карте крохотный совсем, но я-то способна прикинуть масштаб.

– Здесь был повержен Малый бог, – Ричард ткнул в черную проплешину в самом центре карты. Она осталась куском обожженной бумаги. – Здесь когда-то стояла столица древней Империи. И стоит сейчас.

Я прищурилась.

Ничего.

Только черное пятно.

– Проклятое место, – сказал Ричард. – Именно для того, чтобы оградить весь мир от тьмы, что рождается здесь, и были подняты горы.

Ага, тогда понятно, отчего долина имеет столь правильную форму.

– Долгое время земли окрестные были населены лишь чудовищами, коих тьма плодила в огромных количествах, – продолжил рыцарь, как показалось, мечтательно. – И предки мои хранили сей край, истребляя проклятых.

Мальчику хотелось подвига. Определенно.

А жену, как подозреваю, наоборот.

– Но шли годы. И дыхание тьмы развеивалось, чудовищ становилось меньше, и легионы справлялись сами. Постепенно земли очистились.

– И сюда пришли люди, – догадалась я, ткнув пальцем в ближайший городок. Какой хорошенький, будто игрушечный. Городок разом увеличился, позволив разглядеть и высокую стену, его окружавшую, и площадь, и дома, и даже людей.

– Именно, – согласился Ричард. – Они стали селиться. Возделывать землю. Пошли в горы.

– И обнаружили золото, – Ксандра, кажется, данное обстоятельство совершенно не обрадовало.

– Еще серебро и алмазы.

То есть, жених перспективный? Можно, сказать, с приданым. И жилплощадью обеспечен. Ну, я так думаю... в смысле тут одна столовая такая, в которую вся моя квартирка войдет, включая лоджию.

Это дело упрощает.

Или... нет?

Парень-то, вроде, неплохой. И передать его надо в добрые заботливые руки, а то на жилплощадь мигом какая-нибудь стервь позарится. И Замок отберет, и приданое, а самого отправит в эти самые проклятые земли голым да босым.

Ричарда стало жаль почти до слез.

– Сейчас на землях моих семь поселений. Самое крупное – Арканд, – Ричард ткнул городишко, который прилип к берегу реки. – Через него и идет один из самых важных торговых путей. Тех, что со внешним миром.

То есть, горами дело не ограничивается.

– Большею частью по реке. Мои предки то ли не сумели, то ли побоялись трогать Арканд, – он уже указал на реку, – и образовали естественный путь. Благо, порождения тьмы большей частью воды боятся. Некогда по реке доставляли зерно и прочие... необходимые вещи.

Понимаю, гонять чудовищ – занятие благородное, однако от бытовухи оно не спасет.

– Теперь русло расширили, пороги сгладили, да и путь по горам во многом изменился, сделался проще.

– Чем и пользуются... всякие, – Ксандр поморщился. – Главное, что здесь бессмысленно искать девицу должных качеств.

Это я уже поняла.

– Морскую дорогу тоже используют, – коготь обвел ту часть карты, где радовало глаз морская синева. – Но залив не самый удобный. Рифы. Скрытые течения. Провалы. Да и много чего. Так что ходят только самые отчаянные.

И опять же, без невест за плечами.

– А... как решали вопрос ваши предки? – я обошла стол, едва не столкнувшись с личем, который предружелюбнейше оскалился.

Оскалом меня не напугаешь.

Я Антониной Егоровной воспитанная, тоже улыбаться умею. Дружелюбно. А что у него глаз чуть дернулся, так... нервы-то и после

смерти беречь надо.

– Большой частью на рабских рынках, – признался Ричард. – Давали заказ, им и привозили девиц подходящих.

Брутальненько.

И главное, эффективно, да еще и с доставкой на дом.

– Но... порой это приносило... в общем, моя бабушка деда отравила.

– Печально.

– И это не единичный случай. Бывало, что резали. Или проклинали. Или еще вот... что придумывали.

А фантазия у обиженных женщин работает неплохо.

– Кроме того... – Ричард вновь покраснел. – Я рабство отменил.

– Очень... прогрессивно.

По-моему, он не понял, что это я хвалю и смутился еще больше.

– Еще он сжег корабли работоторговцев, их повесил, а хану выпустил кишки и оставил в лесу живым, – счел нужным уточнить Ксандр.

Ричард виновато пожал плечами:

– Они разграбили несколько молодых поселений. А это дурно сказывается на репутации.

Ну да, то ли дело чьи-то выпущенные кишки. Они, надо полагать, репутацию несказанно укрепляют. Но я киваю. Я ж демоница, а у них собственное представление. В том числе о репутации.

– И теперь купить жену не выйдет.

– Я ему говорил, что надо сперва девку выбрать, а потом уже жечь, – заметил Ксандр.

Ябеда.

– Я разозлился просто... ладно, если бы ограбили, это еще понять можно. Ну, чисто по-человечески. Или в рабство обратили. Так они ведь тех, кого не обратили, просто прирезали. И стариков, и больных, и детей.

Что-то у меня осуждение закончилось.

Кишки, если подумать, это... это вполне в духе мира. И заслужил. Детей-то зачем.

– Вот и разнервничался я. Немного.

– Бывает, – выдавила я. – Хорошо... тогда... если без работоторговцев?

– Как-то мой прапрапрадед, Эрих Ужасный, украл себе принцессу. Он был очень странным, – признался Ричард. – Любил выходить к людям.

А люди, подозреваю, этому не слишком радовались.

Ну чисто теоретически сложно порадоваться появлению человека, которого окрестили Ужасным.

– С легионами Смерти, – подтвердил мою догадку Ксандр.

Как там? Кто ходит в гости по утрам...

– Время было тяжелым. Земли мало. И та тьмой отравлена. Горы тоже опасны. Семейная казна опустела...

А жрать, как полагаю, хотелось.

– Вот он и... грабил. Немножко, – Ричард показал пальцами, сколь мало грабил его предок. И поспешил уточнить. – Он замки грабил. А деревни не трогал. И детей не убивал.

То есть, с принципами был человек.

– Уважаю, – выдавила я, продолжая разглядывать карту. Надо же как-то привыкать к миру, в котором оказалось.

– И он осадил Ладхем, – Ричард ткнул куда-то в сторону, разворачивая карту. И по другую сторону гор возникли леса, поля... много полей. И много поселений, что крохотных совсем, что весьма даже солидных. А город и вовсе показался огромным.

Ну, по сравнению с прочими.

– Правда, взять его не получилось. Мог бы, но... тьма вновь стала оживать, и ему пришлось вернуться.

– Но он взял неплохой выкуп, – влез Ксандр, который точно знал, как испоганить светлый образ темного героя. – И еще данью их обложил.

– А женился на ладхемской принцессе, – Ричард увеличил город.

Надо же... белоснежные здания, такие хрупкие, будто из сахара слепленные. И красивые. Готика это? Или барокко? В искусстве я разбираюсь еще хуже, чем в географии. Но смотрится удивительно.

Город стоял на берегу моря, которое здесь, на карте, гляделось ярко-синим, игрушечным, как и корабли, по нему плывшие.

Хрупкие паруса.

Высокие борта. И... и я залюбовалась.

– Как ни странно, но этот брак многое изменил, – Ричард склонил голову. – Моя прапрабабушка уговорила начать работы на реке.

Поставить пристани. И сторожевые дома, чтоб, стало быть, купцы могли отдохнуть. Она наладила поставки зерна и мяса.

– В счет дани, – вновь уточнил Ксандр.

– Сначала. Но потом в горах обнаружили золото. Да и до того... оказалось, что шкуры темных тварей и зубы их, и кости, и все-то – это можно продавать.

А в замке к тому времени подобного добра набрались полные подвалы.

Я так думаю.

Если столетиями охотиться на порождений тьмы, то что-то да и соберется.

– Следом подтянулся Гихар, – Ричард ткнул в другую сторону. – Небольшое королевство. Они постоянно воюют.

– С кем?

– С кочевниками.

Здесь не было лесов и полей, но лишь сизые степи, по которым летали табуны лошадей.

– У Гихара лучшие коневоды. И лучшие лошади.

– Мошенники и кровопийцы, – Ксандр скривился.

– Мой прадед, сын прапрадеда и лакхемской девы, сумел заключить договор. Он помог гихарцам справиться с кочевниками, а взамен получил лошадей. Таких лошадей, которые были способны здесь выжить.

Ричард посмотрел на меня виновато.

Кажется, местные лошадки несколько отличаются от привычных мне.

– Последними к торговле подтянулись Острова...

Тычок и за горами протягивается синее-синее море, в котором разбросан мелкий бисер островов. Между ними шныряют лодчонки, а вот огромных белоснежных кораблей здесь нет.

– Пираты и разбойники, – проворчал Ксандр.

– Они сохранили древнюю силу, – Ричард глядел на острова задумчиво. – И научились говорить с морем.

– И потому весь флот Лакхема бессилен перед этим отребьем.

– Они давно уже занимаются тем, что разводят белую рыбу в подземных пещерах, а еще растят ракушки, из раковин которых

добывают особую краску. Они питаются морским зерном. И редко покидают родные Острова.

Вот начинаю подозревать, зачем мне все это рассказывают.

– А это Виросса, – Ричард коснулся последнего мертвого участка карты. – Земли Севера. Суровый край, где царит холод. И живут люди, называющие себя детьми богов. Мой предок ходил их воевать. Но не слишком неудачно.

Ричард почесал кончик носа.

– Он потерял весь легион и сам едва не погиб. Но оставил запись, что девы Севера сохранили исконную силу. И взял себе одну в жены.

– И ты хочешь...

– Жениться, – терпеливо повторил Ричард. – На какой-нибудь принцессе...

Вот ведь...

А запросы растут, что говорится, не по дням, а по часам. И вот по щелчку пальцев просто девица благородного происхождения превращается в принцессу.

– А они там вообще есть? – поинтересовалась я, облизывая пальцы. Пахлава оказалась на диво вкусной. Особенно эта вот миндальный горьковатый привкус удался.

И сладкая.

И острая.

Только Ксандр провожает каждый кусок задумчивым взглядом. Жалко, что ли? Сам вон не ест почти. Может, мертвым оно и не надо?

– Есть, – вздохнул Ричард печально так и потупился. – Много. К сожалению.

– Почему «к сожалению»?

Мужская логика определенно осознанию не поддавалась.

– Потому что выбрать сложно.

А... тогда да.

Выбор – дело такое.

– Разберемся! – пообещала я, погладив живот.

В конце концов, подумаешь, задача... принцессу добыть. Антонина Егоровна, чай, и посложнее задачи решала. А я уж сколько лет при ней.

Так что справлюсь.

Как-нибудь.

Глава 7

О сложностях выбора

«Воскликнула тогда прекрасная дева: О, ужаснейший, что хочешь со мной сотвори! Подвергни меня мучениям и издевательствам, обрати гнев свой на плоть мою, изглумись над добродетелью, но никогда-то душа моя не окажется во власти твоей!»

«Повествование о жизни благочестивой девы Эуханты Бродийской, силой молитвы своей и верою одолевшей сорок и четырех демонов, писанное монахом-аскетом».

Портреты принцесс Ричард... купил.

Точнее поручил покупку доверенному человеку, который уж и расстарался. Опыт у него был, пусть даже в прежние разы подыскивал он вовсе не невест, но, как сам сказал, невелика разница. И вот в зал внесли шкатулки с миниатюрами.

Пять.

Наверное, хорошо, когда есть выбор. И Ричард честно пытался его сделать сам, сперва вглядываясь в лица, пытаясь понять по ним, какова эта принцесса на самом-то деле. Получалось не ахти. Потом вовсе закрывал шкатулки, менял местами, присваивал номера, кидал кости, но каждый раз испытывал преогромное разочарование.

И не покидало чувство, что он совершает ошибку.

Демоница сыто икнула и погладила живот, который проглядывал по-над штанами тонкой полоской кожи. Кожа была белой. А в книгах писали, что все-то демоны краснокожие, а порой и вовсе черные, ибо в мире Хаоса солнце весьма зло.

Ошибались?

Ксандр покашлял, помогая выйти из задумчивости.

– И-извините, – сказал Ричард несколько поспешно и подвинул к демонице первую шкатулку. Он даже знал, чей портрет внутри, ибо успел изучить и портреты, и шкатулки, которые только с виду казались одинаковыми.

Демоница откинула крышку.

Вытащила кругляш миниатюры и уставилась на изображение с видом премрачным.

– Знаешь...

Намалеванная девица была слегка косоглаза, и Ричард надеялся, что причиной тому косорукость живописца, а не природный дефект потенциальной супруги. Нос у нее был круглым, как и щеки, и сама-то она целиком, хотя на портрете девица представала лишь частично, но наличие определенных округлостей можно было оценить.

С куда большей старательностью живописец намалевал платье и драгоценности.*

Платье было пышным, как и прическа дамы.

– Летиция Ладхемская, – пояснил Ричард. – Тут и сестра её есть, младшая.

Он сам вытащил портрет и положил рядом.

– Близняшка? – уточнила демоница.

– Нет. У них разница три года.

– А выглядит, как близняшка. Даже косоглазие... хотя это, может, семейное. Если и вправду обе косые, то брать не рекомендую. Возможно, признак наследуется, а на кой тебе косоглазые дети?

Ксандр вновь кашлянул.

И сказал:

– Это не они косят, а руки кому-то отбить надо. На самом деле обе девы славятся своею красотой. Летиции исполнилось двадцать один. Ариции – восемнадцать.

– И еще не замужем? – демоница поменяла портреты местами и сказала: – Никакой разницы.

Это да, сам Ричард тоже долго и с каким-то упоительным интересом выискивал различия, но не нашел. Он даже подписал портреты. С обратной стороны. Чтоб не перепутать ненароком.

– Старшая должна была сочетаться с Аквином Ирнейским, наследником Ирнейского царства, но тот умер.

– Какая неприятность.

– Я тут не при чем! – поспешил заверить Ричард.

– Он тут не при чем, – подтвердил Ксандр. – Ирнеец сам напился в борделе и полез в драку, ну, голову, конечно, и проломили. Они там тоже не знали, что принц. Расстроились потом.

– В общем, повезло девочке.

– Повезло? – Ксандр явно удивился.

– У него свадьба на носу, а он по борделям шарится непонятным. Так что, повезло. Ты, – демоница повернулась к Ричарду. – В бордель не собираешься?

Тот поспешно помотал головой.

– У нас их нет, – пояснил Ксандр.

– Совсем?

– А для кого? Ричард так обходится...

– Легионами смерти? – не удержалась демоница, вот ведь, правду говорят, зловредные они создания. Ричард понял, что покраснел и так густо-густо.

– Содержит пару фавориток, – Ксандр позволил себе улыбку. – Из числа девиц... подходящих.

Вот ведь! А еще друг называется! И главное, говорит так, с насмешечкою, будто не он этих девиц подыскивал.

– Так на них и женился бы, – демоница вновь поменяла портреты местами. – Что? Вы уже знакомы. И друг друга удовлетворяете, надо полагать.

Ричард подавился слюной.

– В смысле, как жизненные партнеры. Ты знаешь её или их там, а они – тебя. Всяко лучше, чем какая-то там принцесса с потенциальным косоглазием.

– Никак невозможно, – Ксандр покачал головой.

А Ричард добавил.

– Последняя дама отбыла неделю тому. Она... изъявила желание вернуться домой. И я не считал возможным задерживать.

– У нее и капли дара не было, – Ксандр сел на стол. – А что до принцесс, то про обеих говорят... много разного, нравы в Ладхеме довольно свободные, так что не уверен, что Летиция Ладхемская не стала бы достойной парой покойному жениху.

Сперва Ричард не понял, ибо порой старый друг изволил выражаться совсем уж витиевато. А потом все-таки понял и... и кажется, сильнее покраснеть уже невозможно.

– Вот, и моральный облик сомнителен, – закивала демоница.

– Но они одарены. Здесь сомнений нет. Хотя, сколь знаю, ирнейцы все еще желают породниться. Правда, младший брат покойного уже немножечко женат, но то ли они пытаются его развод устроить, то ли

ищут еще кого из родни, но пока не нашли тех, кто устроил бы Ладхем. Так что шанс есть.

Следующий портрет отличался той размытостью, которая оставляла немалый простор для воображения. В принципе было ясно, что потенциальная супруга темноволоса и смуглокожа, а еще любит красные одеяния.

И все.

– Теттенике, единственная дочь кагана Ушайя, Сотрясателя Степи и Великого Мудреца, – пояснил Ричард. А Ксандр добавил:

– У степняков не принято писать портреты.

– Я вижу, – демоница покрутила его и отложила в сторону. – И что о ней известно?

– Ей девятнадцать. Скоро исполнится. По старому обычаю её отец устроит большой пир, и будет приветствовать славных богатырей. А те станут мериться силой. Кто победит, тот и женится на прекрасной Теттенике.

Ричард почесал шею.

Была у него мысль отправиться в степи и там всех одолеть, а потом уже жениться. По праву силы и обычаю. Но, во-первых, Ксандр подобную выходку точно не одобрил бы. Во-вторых... вот как понять, прекрасная она или не совсем? Там-то, в степи, если что, уже и не откажешься.

Победил?

Женись.

И легионы не спасут.

– Мудрослава Виросская, – третий портрет был писан в белосиних тонах и изображал девушку с настолько тоскливым выражением лица, что при одном взгляде на него становилось ясно: замуж она хочет не больше, чем сам Ричард – жениться. – Двадцать два года. Вдова.

– И вдова сойдет?

– Она замужем была неделю. Да и то... супруг, скажем так, не выдержал свадебных гуляний и скончался.

– Я тут не при чем! – добавил Ричард. – Совершенно.

– Там возник прецедент. С одной стороны, Мудрослава вышла замуж по воле царственного собрата, который весьма хотел присоединить к своим землям Урганское княжество, а с другой, в этом

самом княжестве ей не особо рады. Содержать двор дорого, но ссориться с Вироссой еще дороже.

– В общем, буду рады сбыть с рук? – демоница поглядела на портрет почти с нежностью. – Бедная девочка...

Почему она полагала сестру Виросского государя, известного своим богатством, бедной, Ричард не понял. Но кивнул. С демонами не стоит спорить, особенно по пустякам.

И вытащил последний портрет:

– Брунгильда Островная. Дочь славного конунга Торвальда Рваное ухо.

Даже на портрете дама гляделась... внушительной.

Честно говоря, именно эта её внушительность и смущала. И немного – боевая секира, ласково приткнувшаяся к девичьему плечу.

– Весьма серьезная особа, – согласился Ксандр, подхватив портрет. – И скажу, что здесь рисовали тщательно. Оно и понятно. С нее станется за нетщательность руки отрубить.

Ричард сглотнул.

А вот демоница посмотрела этак, презадумчиво.

– Знаешь, – сказала она. – Это ведь хорошо, когда у супругов там общие интересы будут. Устремления. Она будет руки рубить, ты кишки выпускать. Репутация ваша поднимется на недостижимую высоту!

– Нет! – прозвучало, пожалуй, чересчур резко и щеки вновь полыхнули жаром. Да что ж это такое-то... Ричард ненавидел себя за эту слишком светлую кожу и привычку краснеть по любому поводу.

А шлем в подвале остался.

– Я, – Ричард решительно отодвинул портрет. – Сам как-нибудь справлюсь. И с руками, и с кишками, и... вообще! Это уже древность! Устарело! Понимаете?

– Началось, – Ксандр закатил очи к потолку.

А вот демоница слушала и превнимательно, вон, даже щеку рукой подперла и на Ричарда смотрела ласково-преласково.

– Руки, кишки... ладно, я там погорячился слегка, но в остальном... мы ведь не чудовища! Там считают, что я младенцев на завтрак ем!

– А ты не ешь?

– Нет, конечно! Только кому это докажешь...

– Глупые люди, – согласился Ксандр. – Что там есть-то в том младенце...

– Он тоже не ест! Он... он вообще вегетарианец.

– И давно?

– Как умер, – Ксандр присел. – На самом деле я вообще не нуждаюсь в пище, ибо тело поддерживают алхимические смеси. Более того, определенные процессы, весьма естественные для живых, в моем нынешнем состоянии невозможны.

– Он мясо переварить не способен. И кровь, – Ричард упал на стул. – Но там... там считают, что Ксандр пожирает невинных девиц. И младенцев. И гордых юношей.

– Если б я столько жрал, как о том говорят, я бы давно уже в дверь не пролазил бы. Кровь мне, конечно, нужна. Она является главной компонентой многих растворов, но я за неё плачу. И, поверьте, весьма неплохо.

– Ага, – только и сказала демоница. – То есть... репутация у вас... не самая лучшая, так? Но вам это надоело и вы бы хотели... провести ребрендинг?

– Что? – такого ругательства Ричард еще не слышал.

И Ксандр, судя по заинтересованному выражению лица, тоже.

– Ребрендинг, – повторила демоница. – Это когда бренд меняется. Или, в вашем случае, нужно изменить общественное отношение... восприятие вас миром. Так?

Ксандр с Ричардом переглянулись.

– А это... не больно? – уточнил Ричард.

– Ну... – демоница поскребла ухо. – Как пойдет... но я постараюсь!

Улыбка у нее была на диво предвкушающей. И это пугало, пожалуй, больше чем необходимость жениться.

Надобно сказать, что в прошлой своей жизни – а я уже почти поверила, что она вправду была прошлой, ибо теперь представлялась на диво далекою – я была не просто так личным помощником. Я была личным помощником Антонины свет Егоровны. А она в свою очередь занималась пиаром.

Точнее образы творила.

Это она так любила называть. Еще повторяла:

– Главное, чтобы костюмчик сидел.

Костюмчики она и подбирала. Большею частью для политиков, которые по-за ради Антонины Егоровны и не стеснялись приезжать в захолустный наш городишко.

Специалистом она была...

В общем, была.

Специалистом.

А я вот не совсем чтобы. С другой стороны, что-то мне подсказывало, что сей мир еще не познал всей мощи политического пиара. И это заставляло прямо-таки ерзать от нетерпения.

Это и зуд в копчике.

Зуд появился сразу после ужина, и такой вот надоедливый, прямо тянуло почесаться. Но на меня смотрели, а скрести копчик, когда на тебя так пристально смотрят, право слово, неудобно. Я поерзала на стуле и попыталась вспомнить, с чего вообще начинают.

Костюмчик.

Костюмчик нужен обязательно, причем такой... вот Антонина Егоровна костюмы подбирала на раз. И как-то так, что садились они нужным образом.

Не хорошо, нет.

Нужным образом.

Помнится, был у нас в клиентах некий Николай Селиванов, который то ли в мэры шел, то ли в депутаты. Главное, образ у него был народно-правдорубческий. И Антонина Егоровна вытряхнула его из итальянских костюмчиков, запихнув в дрянной, кособокенький пиджачишко. Стрижку поправила.

Очки сменила.

В общем, сделала, что называется, ближе к народу, несмотря на вялое сопротивление.

А другого, так наоборот. И... и дар у нее был. Я училась, честно, пыталась. Но выходит, что недоучилась, потому как глядела на конопатую физию Повелителя Тьмы и Повергателя Чудовищ, пытаюсь сообразить, в какой образ он впишется, и не соображала.

Только копчик зудел все сильнее.

И писанные красавицы молчаливо взирали с портретов. Так, если не знаешь, с чего начать, нужно начать с чего-нибудь. Точно.

Я взяла портрет в руки, правда, не очень понимаю, чей.

– Нужно их пригласить! – мысль пришла в голову и в ней застряла. Я сунула палец в ухо и поскреблась. Но до мысли палец не добрался, верно, застряла та уж очень крепко. Тем более, чем больше я думала, тем более здоровой она смотрелась.

С мыслями такое вообще бывает.

– Кого? – уточнил Ричард, все еще поглядывая на меня с подозрением.

– Невест. Потенциальных.

Ишь, вздрогнул.

Это ему не чудовищ гонять, невеста – это куда серьезнее любого чудовища.

– Сам посуди. Нельзя выбрать жену по портрету.

– Почему? – удивился Ксандр. – Во времена моей... жизни именно так и делали. И портреты, прошу заметить, были не чета нынешним. Хорошо, если хотя бы цвет волос верно передавали.

Он задумался и погрустнел. Кажется, у его жены цвет волос не совпадал с портретным.

– Это в прошлом, – отмахнулась я.

Как там Антонина Егоровна говаривала? На самом деле клиент понятия не имеет, чего ему для счастья надо, даже если думает, что имеет. И наша святая задача – открыть ему, неразумному, глаза.

Научить.

Помочь.

Уберечь от ошибок.

– И вообще... ладно, если она просто косоглазая!

– Да не косоглазые они, – Ксандр вытащил нужные портреты и не слишком уверенно повторил. – Это живописец такой...

– Косоглазый?

– Косорукий.

– А вы уверены? – я прищурилась. – Нет? Так стоит ли рисковать?! Не лучше ли пригласить девушек... скажем, провести несколько дней в тихом уединенном месте. Встретиться с каждой, побеседовать и тогда уже решить, кто вам подходит. А то и вправду. Косоглазие – это еще не самое страшное.

– А что самое? – Ричарду определенно идея понравилась, в отличие от самой мысли о женитьбе.

– Понятия не имею. Но... допустим, вот она истеричкой окажется. И станет скандалы закатывать по любому поводу. Или... или от нее воняет так, что рядом находиться невозможно. Или глупа, как пробка.

– В этом что-то есть, – Ксандр задумался. – А то и вправду... помнится, моя первая супруга... в общем, не важно. Но взглянуть на девушек и вправду стоит. Но примут ли они приглашение?

Стало тихо.

– Можно самим к ним съездить, – тихонько предложил Ричард.

– Долго, – возразила я.

Подозреваю, что нет у них тут ни трасс скоростных, ни самолетов, ни прочих благ цивилизации. А трястись пару недель в карете, чтоб взглянуть на одну невесту, потом вернуться обратно, поехать ко второй... тем более, пока ко всем ездить будешь кто-то или помрет, или заболит, или замуж выйдет.

Эти аргументы я и озвучила.

– А ты говорил, зачем нам демоница! – Ричард определенно воспрял духом. – Видишь, как хорошо придумала, только... и вправду, согласятся ли приехать?

– Так... – я задумалась и зуд почти стих. – Надо им письмо написать. Аргументированное.

** На самом деле до определенного момента сходство человека с портретом было весьма условным. И куда большее внимание живописцы уделяли именно наряду и драгоценностям, как признакам статуса человека.*

Глава 8

В которой письмо доходит до адресата

«Государю надлежит быть великим, дабы величием своим внушать трепет и восхищение в сердцах подданных. И для того-то следует помнить, что все-то в жизни государя истинного направлено на поддержание сего величия...»

«Размышления о сути государя и поддержании государственности в державе». Трактат-размышление, писанный студиозусом Ковалем по заданию наставника, и исполненный с высочайшим рвением.

Его величество Вециан Третий, Светлой силой владыка Лакхема, а также Тасора и Никойских островов, Благословенный сын Пресветлого бога, Воитель и Стяжатель благ земных, пытался отрешиться от ноющей боли.

Болела спина.

И еще немного колено, на которое придворный лекарь возложил примочку из драгоценного бархата. От примочки воняло сточной канавой, но она хотя бы облегчение приносила.

Временное.

Скрипнул паркет, и Вециан обернулся.

Супруга.

Женщина во всех смыслах достойная, а, главное, понятливая. Повезло ему когда-то, а ведь не хотел брать в жены княжну, благо, батюшка уговорил. Подумаешь, с лица не больно хороша, зато сила.

Род.

Состояние.

Состояние стало особо весомым аргументом, и те двести тысяч золотых лакхемов изрядно поправили ситуацию. Жаль, закончились. А что поделаешь? Быть королем непросто.

— Дорогой супруг, — Матильда присела в придворном книксене. И высокий парик, из которого торчали страусовые перья, качнулся. Перья тоже качнулись, засияв в свете свечей.

Новая мода.

Алмазная пыль. И перья, и пыль стоили дорого, а уж если вместе... заныли и зубы. Дражайшая Флорочка, весьма милая особа, к которой Вециан изволил проявить внимание, намекнула, что весьма желала бы получить подарок.

Эти самые перья.

А в казне пусто. Совсем пусто. Даже тоска с этой пустоты берет такая, что колет не только в спине, но и в груди.

– Счастлив видеть вас, – проскрипел Вециан, указав на кресло. – Идите.

Это уже лекарю, что замер, явно прислушиваясь к каждому слову. И поднялся-то он неохотно, начал что-то там говорить, что, мол, нужно за примочкой приглядывать, что...

– Идите, – повторила королева и таким тоном, что лекарь враз куда-то подевался, а с ним и помощники, и даже лакей, державший поднос со сладостями. Во дворце норы Матильды знали преотлично. И она, поправив шелковые юбки, убедившись, что никто-то не слушает, шагнула к мужу.

Длинные смуглые пальцы – а ведь сколько уж лет их пытаются отбелить – вцепились в ухо и крутанули.

– Ай! – возмущенно взвизгнули Его королевское Величество, но вырываться не стали. Пальцы у Матильды, даром, что смуглые, но цепкие весьма. – Ты чего?

– А ты чего? Совсем страх потерял? – поинтересовалась она сварливо.

И сразу стало понятно, что вот она, купеческая дочь.

Даром, что Ришьенам еще дед Вециана титул жаловал вместе с подходящею супругой из старого, но оскудевшего рода. За полста лет аристократизму не прибудет. Как были торговцами, так и остались, но...

...задолжал он им прилично.

И вновь просить придется.

– Эта девка в глаза мне заявила, что мои перья не так и хороши, что ее всяко лучше будут.

– Это Флора? – Вециан поморщился.

Надо же, какая дура... а милой казалась.

– Она самая, – Матильда ухо отпустила и сползшую было примочку поправила. – Все не успокоишься никак?

– Мотечка...

– Что «Мотечка»? Сколько уж я лет Мотечка... совесть имел бы... не нагулялся еще? Нога вон болит, небось. И спина. И хранитель стула вновь жаловался, что облегчение у тебя тяжело наступает.

– Лекарь...

– Лизоблюд, – Мотечка ногу ощупала. – Чей-то родственничек. Я другого приведу, может, не при чинах, а батюшку пользует. Батюшка дурного не посоветует.

– Как он?

– Обыкновенно. Ругается. Девку эту гони, может, она и мила, но дура редкостная.

– Погоню.

– И чтоб никаких перьев... вона, колечко там пожалуй, какое. Или цепку. Могу прислать, которые не особо нужны. Тканей отрез. И буде с них. А то и вовсе...

Он бы и сам не отказался, чтобы «вовсе». Девицы стали откровенно утомлять, особенно молодым пылом, который всякая норовила проявить. И все чаще Вециан ловил себя на мысли, что совершенно не хочется ему уединения с фавориткою.

А хочется тихо гулять.

Беседовать.

Беседовать с девицами получалось плохо. Они то хихикали, то жеманились, то говорили какие-то вовсе уж глупости. То ли дело Мотечка, только вот...

– Репутация, – вздохнул он тяжело и прижался щекой к холодной ладони. Руки у Мотечки были совсем не королевскими, широкими и холодными, но такими ласковыми, как ни у одной фаворитки. Вециан и прикрыл глаза. – Сама знаешь, слухи пойдут... возня эта. Как же я устал.

– Бестолочь, – с нежностью произнесла Матильда.

– Какой уж есть. Так ты из-за этой девки расстроилась?

– Не особо. За нею де Вилье стоят. Те уж вознамерились на концессии.

Вециан поморщился. А ведь было время, когда он девицам сам по себе нравился, без страусовых перьев и концессий родственничкам.

– Ирнейцы тут посла послали.

– Это правильно, – боль в ноге отступала, да и спина подуспокоилась. – Послов надо посылать.

Матильда фыркнула, верно, соглашаясь с мужем.

Никогда-то за двадцать лет брака она ни спорила, ни закатывала прилюдных скандалов и вела себя так, что... что повезло.

Прав был отец.

И ныне Вециан был благодарен ему за эту правоту. А что вида не княжеского и за спинами шепчутся, мол, худородная, так тот шепоток он еще когда заткнул, самых рьяных шептунов спровадивши границы родины крепить.

– Хотят-то чего? – не открывая глаз, поинтересовался он.

– Денег. Приданое не устраивает.

– С чего вдруг? Устраивало же.

– Так к ним вестийцы послали.

– Послов?

– Именно. У них тоже принцесса имеется.

– Ей же двенадцать только!

– Кого это волнует, – Матильда сняла примочку и осторожно помяла колено. – Коновал. Ныне же чтоб в своих покоях один был. Ясно? Приведу нормального целителя.

– Не сердись.

– Я не сержусь. Вестийцы за своей дают полоторы сотни золотых дархемов и еще право беспошлинного прохода через Громовой перевал.

Тогда понятно, отчего ирнейцы вопрос с оглашением помолвки всячески затягивали. Небось, переговоры шли. Шли, шли и пришли... деньги? Денег, конечно, нет, но ради союза можно бы поискать. Дед вот Леточки всегда готов помочь. Внучку он любит.

Внучек.

И расстроится. Но с перевалом... с перевалом золоту не тягаться.

– Заговорили, что боги против союза.

– Разрывают?

– Именно.

– Что можем сделать? – уточнил Вециан, ногу опуская.

– По сути – ничего, даже если возражать станем, не послушают.

Оно и понятно.

Архейские горы и перевал, единственный путь к богатым вестийским землям. И зная о том, пошлину они брали изрядную.

– И с чего вдруг вестийцам оно понадобилось?

– Политик, – Матильда задрала юбки и поправила съехавший чулок. – Думаю, собираются присоединить Ирнею. Та-то мелкая, но кое-что в ней есть. Пускай себе... девочка расстроится. Сперва жених помер, потом сбежал. Пусть и не совсем, чтобы жених, но все одно слухи пойдут.

Это точно.

И главное, вновь же, ничего-то с этими слухами и не сделаешь.

– Турнир надо объявить, – предложил Вециан. – Рыцарский. В честь прекрасной дамы. Поднимет настроение.

– И во что обойдется?

– Обойдется. Но ежели на благое дело. Приглашения правильно разослать, созвать людей нужных... знаешь, а ведь виросский царь тоже не женат.

– Дикари.

– Но состоятельные. И... ладно, если не царь, но у него, помнится, братец есть, что характерно, тоже холостой. И посол их на что-то этакое намекал.

Матильда поморщилась. Идея явно не казалась ей удачной.

– Брось. Пригласи его. Пообщаться... и турнир этот... пусть пришлют кого. Девочки посмотрят. В конце концов, ежели не за наследника идти, то всегда можно договориться. Выделим им герцогство какое на прожитие. И пускай себе остаются. А тут ты любого дикаря перевоспитаешь.

Он и ручку жене поцеловал, зная, что до сих пор этот простой знак внимания заставляет ее смущаться. Впалые щеки Матильды порозовели.

А ведь она не пудрится.

И мушек не клеит.

Парик вот носит, но не из-за мод, скорее уж потому, что собственные её волосы никогда-то густотой не отличались. Он это знает, но... почему-то ни знание, ни собственная нехорошесть жены не мешали.

Стук в дверь отвлек от ленивых мыслей.

– Государыня! – нервный голосок секретаря, которого давно уж хотелось спровадить на плаху, с того самого дня, как пошел слух, что он слишком уж близок стал Мотечке, разрушил очарование момента. – Государыня! Срочные новости!

Войти, правда, не посмел.

Пока не разрешили.

– Государыня!

– Давай уже, – вздохнула Матильда, расправляя юбки и вид принимая, королеве приличествующий, горделивый и одухотворенный.

А тоже надоело ведь. И это Вециан понял ясно.

Секретарь вошел бочком. Высокий. Стройный. Широкоплечий. И платье на нем сидит идеально, подчеркивая, что стройность, что широкоплечность.

Лицо смазливое, приятное. И взгляд наглый донельзя.

Точно на плаху просится.

– Вот, государыня, – он поклонился и протянул поднос, на котором лежал квадрат письма. Обыкновенный такой. Беленький. И красное сургучное пятно выделяется. А на нем – это Вециан увидел, даже с места не поднимаясь, – скалит зубы череп.

Выдавленный, само собой.

А вокруг вязь мечей.

И похолодело вдруг в груди, и мелкими разом показались все прошлые заботы.

– Это...

– Принес. Гонец. Ворон, – уточнил секретарь, а Вециан с удовольствием отметил, что не так уж он и совершенен. Вона, весь трясется, дрожит, что хвост собачий. И бледность пудрою не скрыть. – Бросил на стол. И каркнул. Три раза.

– Это что-то значит? – взгляд Матильды обратился к супругу.

– Понятия не имею, – признался тот и руку протянул. Мотечка подала письмо. А ведь интересно, отчего ей принесли-то? И где министры? Хотя... ясное дело, где. Бездельничают, сволочи.

Вециан поморщился. Что бы там ни было, придется совет созывать.

Может, к войне готовиться.

Война – это дорого. Страусовые перья, даже алмазной пылью припорошенные, всяко дешевле.

– Иди, – велела супруга и секретарь послушно выскользнул за дверь. А цепкие пальцы вытащили конверт, от которого пахло почему-то не тьмой, а лавандовым маслом. Мотечка сломала печать, развернула.

Прочла.

Хмыкнула.

И сказала:

– Манеры у него, конечно, специфические, но само по себе предложение интересное.

И протянула послание Вециану.

Ровные строки. Почерк округлый, с завитушками, как у девицы. Однако читается легко.

«Я, милостью Богов, Повелитель Тьмы и Проклятых земель, Повергатель Хаоса и Хранитель порядка, одолевший сонмы тварей демонических, Ричард III из рода Архаг, приветствую своего царственного собрата».

Нормальные манеры.

Вежливый даже.

«И желаю видеть его дочерей в своем Замке».

Серьезно?

«Ибо настал час вступить в тяжкие узы брака».

Вот тут Вециан мысленно согласился, даже посочувствовал. Он в эти узы тоже вступал с печалью на сердце. Но ему-то повезло. А мальчик, небось, молодой, вот и опасается.

«А посему, в громовой месяц я соберу всех девиц, достойных того, дабы среди них выбрать ту, которая разделит со мною престол и венец Владычицы Тьмы».

Интересный поворот.

Неожиданный.

«А если оные девицы не явятся к назначенному сроку, я пройду сквозь горы, дабы самому предстать пред ними».

И ведь не один пройдет.

Повелитель Тьмы как-то никогда один сквозь горы не проходил, обычно прихватывал с собою пару-тройку Легионов Смерти и чудовищ. С чудовищами ходить по горам было проще.

– Что ж... – Вещиан прочел письмо еще раз. – С манерами и вправду не очень... но в целом, очень интересный вариант.

Главное, чтоб вестийцы не прознали.

А то с них станется все переиграть.

Глава 9

Где прибывают гонцы и жизнь меняется, но не факт, что к лучшему

«Что надлежит знать о темных магах, так это, что они все суть от сути тьмы, и тем человеку, свету преданному, внушают лишь омерзение. Меж тем сами они, будучи лишены души, ищут другой, светом напоенной. И особо – юных дев непорочных. Ибо кровь их и непорочность обладают силой, коия и способна вознесть любого мага, особенно темного, на небывалые высоты»

«О сути истинной мерзопакостных магов тьмы и их приспешников, а тако же о семи способах устоять пред проклятым их очарованием, не сбившись с пути света». Труд, писанный Старшим Жрецом Сестер Светлых и Охранителем мира с тем, дабы наставить люд обычный на путь правды.

Мудрослава Виросская смотрела в окно.

Больше заняться было нечем. По мутному стеклу ползла муха. Толстая. Вверх. И вниз. Потом на раму, в которой виднелись щели, правда, не столь большие, чтобы муху вместить.

За окном светило солнце.

Яркое.

Копались в пыли куры. Дворовый кот разлегся на лавке, счастливо жмурясь. Откуда-то издалека доносилась вялая ругань мужиков. Пахло переходившим тестом и пылью.

Снова пылью.

Девка, приставленная к Мудрославе, провалилась в полудрему, и рот её приоткрылся. Время от времени девка всхрапывала и становилось совсем уж тоскливо.

Вырваться бы.

Сбежать.

Душа требовала движения, а вместо этого только и оставалась, что шелковая тряпка да нитки. Рисунок неоконченный, который продолжать не было ни сил, ни желание. Письмо брату. Очередное.

И снова молчание.

Или гонец, который привезет скромные подарки «дорогой сестре», а еще денег. Немного. Их едва хватит, чтобы купить дрова для печи, муки да молока. Поправить крышу. Или, может, подновить сам домишко? Покосившийся, убогий. И в глазах гонца будет читаться удивление, с презрением смешанное.

А разве она виновата?

В чем?

В том ли, что была покорна воле брата, как заповедано? В том ли, что жених её, который, признаться, впечатление не произвел совершенно, оказался слаб? В том ли, что дворцовые целители не сумели спасти его? Да и смерть эта...

Она покачала головой и подняла шелка.

Шить?

Не шить?

Разбудить девку и прогуляться? До забора и, может, даже за ворота? К пруду, который тихо зарастал тиной, отчего становилось вовсе уж тоскливо, ибо подобен он был её собственной жизни.

Остаться?

Или навеститься в гости? К дорогому родичу, который на Мудрославу поглядывал с раздражением, не понимая, что с нею делать-то.

И домой бы её отправить, да невозможно. Как же... жена брата, пусть и не состоявшаяся.

Она почти заплакала, но вовремя остановилась. Встала. И скрип лавки, которая медленно рассыхалась, как и все-то в этом домишке, разбудил девку. Та вскочила, заполошенно взметнула руками, опрокидывая корзинку с рукоделием.

Подарок брата.

Золотые нити.

Серебряные. Бусины драгоценные. Бусины продать можно, если тишком. Но страшно. Вдруг да узнают? И брат оскорбится, и слух пойдет, что совсем она, Мудрослава, оскудела. Вот и приходится золотом шить да пустою кашей давиться.

— Гулять, — сказала Мудрослава решительно, ибо сидеть в доме совсем невмочно сделалось.

– Гулять, – потянула девка, не скрывая недовольства. – Так куда, матушка? Парит вона, и солнце печется. Личико-то напечеть. И шею еще. Вздопрете.

Идти девице никуда не хотелось. И Мудрослава почти поддалась на уговоры, но все одно упрямо мотнула головой.

– Идем.

И не дожидаясь ответа, раздраженная ноющим этим голосом, вышла в сени. Оттуда и на улицу. Солнце и вправду пекло нещадно. Сразу сделалось душно, жарко и появилось желание вернуться. Но Мудрослава, подхватив юбки, решительным шагом двинулась к воротам.

– Доброго дня, матушка, – поприветствовал её Игнатка.

И склонился.

И шапку с головы снял, да все одно не виделось в его фигуре должного почтения. И какое почтение? Все-то знают, что никому-то она, Мудрослава, не нужна, даже собственному брату, коль сослал её в этакое захолустье. А стало быть, и считаться с нею нужды нет.

Она стиснула зубы.

Игнатка поспешно отворил калиточку малую, пропуская Мудрославу, и та сделала было шаг, да только мало что сбитой с ног не оказалась. В юбки врезался вихрастый мальчонка.

– Едут! – запыхавшись, крикнул он. – Едут!

– Стой, оглашенный! – Игнатка споро схватил мальчонку за ворот рубахи и потрянул, этак, легонечко, почти что любя. – Кто едя?

– Дык... – мальчонка вытер нос рукавом. – Послы едут!

– Чьи, – Мудрослава вдруг ощутила немалую дрожь в руках, но сумела совладать с собой.

Послы.

За ней?

Брат... вспомнил? Или нет, не так. Он никогда-то не забывал. Просто нужды в ней, в Мудрославе, не было. А теперь вот появилась?

– Так... виросские! – мальчонка висел тихонечко, не делая попыток вырваться, разве что глядел этак с удивлением. – Вашия, матушка...

– Послы, – Мудрослава вытянула шею, но дорога, ведущая к поместью, была пуста.

– Так это... они же ж трактором... спервасечки к князю, значит, а я скореньки и напрямки. Упредить. Как мамка велела.

– Молодец, – Мудрослава протянула бусину, которую крутила в пальцах. Сама и не заметила, как прихватила её с собой. Что за камень? Нефрит? Фируза? Не важно. – Возьми.

Брат гонцов награждает перстнями да шапками, иным и шубы достаются, когда новость уж больно хороша. А у нее только и есть, что эти бусины рукодельные.

Но мальчишка схватил и спешно за щеку сунул.

– Благодарствуй...

Дальше Мудрослава не слышала. Она развернулась и спешно, пожалуй, даже чересчур уж спешно, изо всех сил стараясь не срываться на бег.

Послы...

Что-то произошло. Определенно. И... и может, конечно, статья, что послы эти не к ней прибыли, что брату понадобился князь, однако сердце вскачь неслось.

– Скорей! – велела Мудрослава сонной девке. – Воду несите.

– Дык, нагреть не поспеем, – пытаюсь совладать с зевком, возразила та.

– Холодную несите. Платье чистое... то, которое красное.

– Матушка! – взмолилась девка. – Оно же ж в сундуках. И неуместно вам красное.

Ну да, она же вдова. Честная. Да только из вдовьих нарядов у ней это, нынешнее платье, и...

– Второе доставай. И почисти хорошенько, – решила Мудрослава. – То, которое из адамаску. Да неси шкатулку.

Украшения-то остались, пусть бы и не раз намекала нынешняя княгиня, что ни к чему честной вдове ни бусы яхонтовые, ни жемчуга, ни венец. Что, когда б нашлась Мудрослава подарить это, глядишь, и житье её переменилось бы к лучшему.

Она бы, может, и подарила. Но... гордость мешала.

И обида.

И зависть, что уж тут.

Ныне же, примеряя венчик, украшенный крупным жемчугам да синими камнями, Мудрослава улыбнулась. Впервые, пожалуй, за прошлый год. К ней или нет, но встретит она послов честь по чести.

Первым во двор вошел Древояр. А постарел-то за прошлый год, осунулся. Болен, что ли? Не понять. Лицо темное, морщинами глубокими изрезано. Но глаза все еще яркие. Борода лопатою. Платье богато. Сам ступает неспешно, на посох опираясь. И на вершине его горит силой алатырь-камень.

Знак особого доверия.

Власти.

За ним уж и прочие держатся. Тихомир Жуковский, который и впрямь на жука похож, усача древесного. И в черное обрядился, что в панцирь. Медоуст Звягин, напротив, в золоте, сверкает, что самовар начищенный, да по сторонам головою вертит. Он молод и удивительно, что этакое, молодого, взяли.

А на лице-то читается удивление.

Не ожидал подобного?

Князя вот нет. Не поехал? Или не велели ехать?

– Доброго дня, матушка, – Древояр поклонился, как должно. И Мудрослава ответила поклоном же. Помнилось, что долго он с братом спорил, выступал против свадьбы её. Только брат – еще тот упрямец.

Но старику она рада.

– И вам доброго, – сама же поднесла ему водицы ледяной колодезной. – Долог был путь ваш?

– Долог, – согласился Древояр, чашу из рук принявши. И осушил в один глоток, отер капли с усов. – Однако боги смилостивились, матушка. И вот мы тут.

– Рада видеть вас.

И выходит, не позабыла она за год о вежливости, о той, иной жизни, в которой приходилось встречать, что послов, что иных гостей.

– А уж я-то как рад, – это Древояр произнес тихо. – Видеть вас, матушка, в добром-то здравии.

И вправду рад.

Это Мудрослава почувствовала. А еще некое смутное беспокойство, тревогу даже. За кого? За нее? Что такого может с нею произойти? Из того, что еще не случилось?

– И государь наш кланяться велел...

В этом Мудрослава изрядно сомневалась.

– А еще письмо вам передать, – Древояр махнул рукой, и вперед выступил Тихомир с резною шкатулочкой. На краях её камня горели, а в центре самом нагнулся, выставив могучие рога, тур.

Знак рода.

Стоило коснуться, и отворилась беззвучно крышка, признав за Мудрославой право заглянуть внутрь.

Свиток?

И с красными печатями. Вот от брата, личная. И от думы... стало быть, и вправду понадобилась.

Мудрослава свиток развернула и прочла.

Нахмурилась.

Прочла еще раз.

Он это серьезно?

Но... разве возможно такое?

– Мне надо подумать, – сказала она, разворачиваясь, испытывая огромное желание немедленно сбежать и... спрятаться. Можно в подпол. Или в бочку с капустой, благо, капусты в ней не осталось, как не осталось и моченых яблок, и многого иного. Но вот так...

– Конечно, матушка, – Древояр махнул рукой. – Идите, окажите князю уважение. А я тут... побеседую.

И под руку подхватил. От кого другого подобного обращения Мудрослава не потерпела бы, но Древояр... всегда-то он рядом был. И когда матушка отошла, и когда батюшки не стало. Учил. Успокаивал. Советовал. Наставлял. Вытирал слезы и ругал, не без того. Но всегда-то по делу.

– Вели, чтоб сбитня принесли, что ли, – сказал он, глядя на дворовую девку, которая так и застыла, глаз своих с Медоуста не сводя. И виделось в них та, дурковатая бабья готовность, немедленно удариться в любовь. От голоса Древоярова девица вздрогнула.

– Так... немашечки, – сказала она.

– А чего есть?

– Взвар. Травяной.

– Вот его и неси, – Древояр ткнул её посохом в бок, легонько, но напроць выбивая из головы мечты. И к лучшему. Бояре на дворовых девках не женятся, а вот пользоваться так завсегда рады. Ей-то с того ничего не прибудет, а то еще, коль проведает кто про грех этакий, и вовсе со двора погонят.

– Да уж, – Древояр оглядел комнатушку и покачал головою, темные глаза его налились гневом. – А говорил я, что не будет с этой женитьбы пользы. Но разве ж его переупрямишь?

Мудрослава вздохнула.

Присела на краешек скамьи.

– И теперь, да? Если сама не поеду...

– Оно-то так, – Древояр опустил на лавку, которая тяжело застонала под весом истинного боярина, заставив его нахмуриться еще больше. – Оно-то, конечно, велено уговорить. Да... сама понимаешь, ежели заупрямишься, то все одно поедешь. Ухтомского пошлет.

А тот на разговоры тратиться не станет. Кинет в седло и увезет, а там уж братец найдет, чем укорот дать. Вспомнилась тесная келья монастырская, в которой Мудрослава провела неделю перед свадьбою, чтоб, стало быть, подумала о выборе.

И судьбе.

И... рада была. После той кельи замужество избавлением показалось. А теперь...

– Что ты думаешь? – спросила она и девку, которая взвар принесла, отослала. Правда, та не отошла далеко, небось, подслушивать станет.

Наушничает.

Все-то тут подслушивают, подглядывают, доносят, кто князюшке, кто женушке его, кто братцу. А те, которые половчее, всем и сразу. Древояр тоже понял. Хмыкнул и бороду огладил, а после щелкнул пальцами, воздвигая стену незримую.

– Так-то оно лучше... что я думаю... думаю, что тебе бы в мужском обличье родиться, Славушка. Тогда б мы все беды не знали. Братец-то твой, конечно, силушкою не обделен, но к ней бы ума немножечко. Да сдержанности. Да умения самому думать, без дружней помощи.

Он покачал головою.

– Опасные речи, – сказала Мудрослава, хотя слышать подобное было, безусловно, приятно.

– Так с тобой же ж. Уж ты не донесешь.

– А если донесу?

– Тогда, стало быть, зря жил.

– Так все плохо?

– Не сказать, чтоб уж вовсе плохо. Он ведь не глупый, если так-то. Но горячий уж больно. То в гнев, то в радость. Сперва сделает, после думать начинает. И хорошо, когда поправить можно. Давече вон Саржевского едва на плаху не спровадил. Кто-то там чегой-то донес, а он и рад поверить. У Саржевского норов-то еще тот, неуживчивый... хорошо, хоть сразу не казнил. Стали разбираться, так и вышло, что нет за ним вины, наговор лишь. Святояр-то повинился, замирился, шубу вон кинул горностаеву. И вроде как оно ладно вышло, да... ты ж знаешь, Саржевский не таков, чтобы обиду позабыть.

Мудрослава подавила вздох.

Чудит братец.

А ведь уже двадцать годков сменял, должен был бы в разум войти.

– И дружки его в уши мед льют, он и гораздый слушать.

– Может, еще наладится?

– Думаю. Я-то, грешным делом, отойти от дел собирался. Старомысла за тебя сватал. Думал, поженитесь, он при думе сядет да при братце твоём. Хороший мужчина. Спокойный.

И крепкий.

На Древояра чем-то похож, разве что моложе будет. Вот лица его Мудрослава не помнила, но сердце сжалось болезненно. Почему так не сложилось? Древояр-то дурного мужа не выбрал бы, такого, который в питье да пиру меры не ведаёт. И жили бы... у Старомысла терем в Вироссе имеется.

Богатый.

Там, небось, зимою сквозь окна не дует.

– Да твоему братцу напели, что надобно земли соединять, царствие виросское длить. Вот соединили. И что толку-то?

Вздохнули оба о надеждах несбывшихся.

– А теперь-то что?

– Теперь... – Древояр огладил бороду. – Страшно?

– Страшно, – призналась Мудрослава. От него ли, старого, скрываться. И не так уж глуп братец, ежели послал единственного, пожалуй, человека, которому она верила.

И которого готова была слушать.

Сам ли додумался?

Хорошо бы.

– И чего боишься?

Мудрослава призадумалась. А и вправду? Чего она боится-то?

– Не знаю. Но... это же... Проклятые земли. И... и там чудовища. Твари. Мертвецы ожившие.

И тот, кто этими мертвецами повелевает.

Вздумалось ему жену искать. На кой ляд ему жена вообще?

– Оно-то, конечно, верно, да только поспрашивал я людей, которые там бывают.

– А такие есть?

– Есть, конечно, – усмехнулся в бороду Древояр. – Купцы-то туда, оказывается, частенько наведываются. И такие, которые уж давно торг ведут...

– С мертвяками?

– Да говорят, что уж сколько лет ходит, но ни одного мертвяка не видывал. Вот чудища, те случаются, но и то редко. Повыбили их, стало быть. А так-то горы. За горами – земли. На землях, стало быть, люди. Селения. Есть малые, есть побольше.

– Люди? – верилось в подобное слабо.

– Свей Янович, кой уж не первый год зерно туда возит, сказывал, что до того его батюшка торговал, а еще раньше – и его. Что во времена-то прежние там оно сложнее было, тварей больше, людей меньше. Беда их в том, что земля-то родит, да не нужное. Травы всякие запретные, стало быть, растут, а вот пшеница аль рожь – нет. И приходится возить. Платят честным серебром и золотом. И травы их опять же весьма ценятся.

Люди.

Странно так.

– А...

– Сперва-то беглые тудашечки шли, как он сказал. И те, которые удачи искали, сокровищей всяких, кладов. После и прочие потянулись, когда понятно стало, что жить там можно.

– А...

– А за порядком, стало быть, Повелитель Тьмы и приглядывает. И да, случалось Свею Яновичу с ним встречаться. Лица, правда, не видывал, ибо тот всюду в зачарованном доспехе ходит. Но клянется, что тот – человек. Может, силой наделенный, но и сама-то ты не бессильная. Хорош аль нет, того не ведаю. Как и то, каков он норовом. Но Свей Янович сказывал, будто местные его крепко уважают. Он и

пиратов побил, которые на земли его захаживать повадились, и разбойничков, ежели заводятся вдруг, тоже скоренько находит, а потому царят там мир и порядок.

– Разве так бывает?

– Съездишь да поглядишь, – Древояр глядел лукаво. – Подумай, девонька. А что ты теряешь-то? Окромя своего курятника.

Мудрослава отвернулась к стене.

Сырое дерево, темное. И дом клали наспех, оттого и вышел он таким, никчемушным.

– Там же ж писано, что смотрины он устраивает. Стало быть, будут еще девки. Он на них поглядит, ты на него. Тогда-то и решать станешь.

– Что решать?

– А вот тут уж сама гляди. И еще, – Древояр поднялся. – Слыхал, что письма-то не мы одни получили. Лакхемцы будут, островитяне, еще кто, может...

И девиц не отправят без должного сопровождения.

Это свита.

В свите – люди.

Знатные, ибо иных невместно отправлять. А стало быть... стало быть шанс вырваться из этого, как верно Древояр выразился, курятника. И Мудрослава не простит себе, если вдруг шанс этот упустит.

Живой он там, мертвый, этот повелитель.

На месте разберемся.

– Еду, – Мудрослава тоже поднялась. И щелчком пальцев убрала стену. – Эй ты, вели, чтоб вещи собирали да поскорее...

Душа жаждала действий.

И немедля.

Глава 10

О том, что лучшие сделки скрепляются свадьбой

«И по слову его восстали мертвые, дабы изничтожить все живое, что было в городе. Небо заволокла тьма. И тысячи злобных тварей, невиданных доселе, поднялись по-над крепостными стенами. Страх сковал людские сердца, и пали на колени все, кто был, вознеся молитву к богам, испрашая о спасении. И тогда-то свет солнечный пронзил тучи, коснувшись чела того, кто был избран, дабы свершить волю богов. И уверовали люди...»

«Повествование о житии святого Никола Берендийского, кой в честном бою поверг проклятого чернокнижника и совершил многие иные подвиги, писанное монахом Николой во прославление Светлых сестер»

Тяжелый корабль медленно вползал в бухту. Здесь, среди узких скал, он казался особенно огромным и даже уродливым. Позолота поблекла, торчали мертвыми деревьями мачты, свисали снасти, словно куски горного мха. Тень его ложилась на воды неподъемною тяжестью.

— Явились, — проворчал старый Ворон, сплюнув под ноги. — Ишь...

Корабль замер.

Заскрипел натужно, и полетели якорные цепи, тяжко рухнули литые когти, норовя зацепиться за дно. Там, далеко, сустились матросы, казавшиеся с берега совсем крошечными. И подумалось, что вот сейчас бы ударить. Свистнуть.

Люди ждут.

Люди надеются.

Люди готовы. И Брунгильда спиной чувствовала их ярость, их бессилие. Чувствовала и...

Отец дал слово.

И отец сдержит его, ибо, когда не остается ничего, кроме чести, негоже терять и её.

Вот скользнул на воду шлюп с людьми. Взметнулись весла, рассыпая искры брызг. Море, будто не желая терпеть чужаков подняло волну, но и оно, обессиленное, лишь толкнуло неуклюжую пухлую лодчонку. А ведь могло бы понести, потянуть, швырнуть на зубы скал.

Появилось ощущение, что и море предало.

Но нет.

Идут. Ровно. Спокойно. Уверенные, что ничего-то им не грозит.

– Твари, – проворчал Ворон, стискивая рукоять короткого клинка. И некогда прикормленный кровью, ибо был Ворон воином и застал еще те времена, когда окрестные воды принадлежали Островам, тот отозвался. Эхо силы Брунгильда тоже ощутила.

– Помолчи, – буркнул отец.

Первое слово, произнесенное им с утра. Брунгильда покосилась. Стоит. Прямой и могучий, высокий, как та вот корабельная мачта. Плечи его по-прежнему широки и плащ из шкуры морского змея лежит на них. Он невыносимо тяжел, этот плащ, как и костяной венец. И отец с радостью бы отдал его.

Было бы кому.

Не было.

Брат слишком юн. И может статься, что не доживет он до тех дней, когда сумеет удержать тяжелый клинок. Хотелось есть.

Безумно хотелось есть.

И не только ей. Взгляд Ворона тоже был голодным. И те, другие, устремленные на корабль, в недрах которого должно было скрываться столь необходимое им зерно.

Но вот шлюпка коснулась дна. Море брызнуло пеной и отползло, а нога в высоком кожаном сапоге продавila песок. Человек, выбравшийся из лодки, был невысок, полноват и нехорош собой. Он явно не привык ни к шлюпу, ни к морю и теперь не мог скрыть своего раздражения. Он крутил головой, кривился и губы его шевелились, словно он разговаривал, а с кем – не понять.

Брунгильда разглядывала его... пристально.

Пожалуй.

Он?

Или тот, другой, который выбрался следом. Он похож на первого лицом и этими вот чужими белыми волосами, которые они носят, сверху посыпая мукой. И еще нарядом, довольно-таки нелепым.

И лицом.

Правда, тот, другой, выглядит молодым, но он слаб. И Ворон вновь не сдерживает плевка.

– Доброго дня! – Торвальд первым сделал шаг навстречу гостям.

А из лодки выбирались другие люди, одетые менее нелепо. И при оружии. Они оглядывались с опаскою, явно не испытывая особого доверия. И Брунгильда подумала, что не так уж далеки были времена, когда головами подобных гостей украшали стены общинного дома.

– Доброго, – тяжело выдохнул старший, обмахиваясь пятерней. – Жарко у вас. Я и не думал, что так жарко.

– Это днем, – пояснил Торвальд, стиснув зубы.

Короткое приветствие.

И взгляд такой, хозяйский, словно он уже уверен, что все-то вокруг принадлежит ему.

– Понятно... понятно... а это, стало быть, ваша дочь?

Прозрачные глаза вперились в Брунгильду.

– Крепкая. Деток хороших родит, да... а это мой племянник. Никас, подойди, поздоровайся. Умный мальчик. Вот увидите, он скоренько освоится.

Брунгильда в том весьма сомневалась.

Никас в ближайшем рассмотрении оказался худым и краснолицым. Пудра с парика осыпалась, приклеивалась ко лбу и оттого казалось, будто само его лицо покрыто то ли плесенью, то ли коростой. В прозрачных глазах мелькнуло удивление.

Растерянность.

Что ж, она ему нравится ничуть не больше, чем он ей. Вот уже и нашли что-то общее.

– Побеседуем предметно? – предложил Авияр Денальди, известный купец и владелец небольшой флотилии из двенадцати судов. И отнюдь не все из них были торговыми, хотя таковыми числились.

В общинном доме стояла тишина.

Пахло... бедой. Не хлебом, ибо зерно закончилось еще когда. И не сушеной рыбой, которую доедали последней. Пахло тоской.

Сыростью.

И старыми шкурами.

– Удивительно, – Авияр огляделся и потер руки. – Просто удивительно... взгляни, мальчик мой...

Мальчик взглянул. Он, кажется, с трудом сдерживался, чтобы не броситься прочь. И теперь, его глазами, Брунгильда вдруг увидела царящую вокруг нищету.

Солома на полу, пусть и смешанная с ароматными травами, но аромат их давно иссяк.

Очаг.

Пустой.

Горячих камней осталось мало и потому очаг растапливали лишь ночью, когда холод сковывал стены.

Лавки.

Стол. Темные и старые.

– Думаю, настало время поговорить серьезно, – Авияр присел первым. Как хозяин. Но пока еще не на место вождя.

Пока.

– Серьезным людям. Пусть... уйдут, там уже должны начать разгрузку. Ты говорил, что зерно нужно срочно.

– Ворон. Займись.

– А ты? – Ворону явно не хотелось уходить, но и ослушаться своего конунга он не смел. – И эти...

– О, не стоит волноваться. Моя охрана. Человеку серьезному негоже выходить без охраны. Даже к друзьями.

Авияр оскалился.

– Они подождут нас за дверями. И вы можете оставить кого.

Он чувствовал себя не просто уверенно. Он точно знал, что никто-то на острове не причинит вреда ни ему, ни его снулому племяннику, который растерянно озирался, явно не решаясь присесть.

– Что ж, теперь о деле, – Авияр потер руки. За Вороном закрылась дверь и в доме стало сумрачно. Окна здесь появились уже при отце, и де узкие, под самым потолком. На ночь их закрывали ставнями, и света пробивались капли. Этого света хватало, чтобы вовсе не сидеть во тьме.

А от чужаков пахло цветами.

Странно так.

Резко.

– Я готов и в дальнейшем поставлять Островам зерно и иные товары, ибо всегда думал, что дружить лучше, нежели воевать, – руки у него тоже не мужские, длинные, узкие и с тонкими пальцами. А еще белые да гладкие, такие если и бывают, то у детей. – И потому имею выгодное предложение. Одно дело, конечно, договор и торговля, но и она может идти на разных условиях.

– Ближе, – Торвальд Рваное ухо никогда не любил болтунов. А уж этому, чуяла Брунгильда, вовсе с превеликим удовольствием свернул бы шею. – К делу.

Но не мог.

Год выдался на диво неудачным. И ладно бы только этот. Когда все началось? С северными ветрами, которые пришли раньше, нежели обычно? Старик Хорм еще тогда жив был и, понюхав воздух, сказал, что не к добру оно.

Готовиться надо.

Тогда его ворчание никто не воспринял всерьез. Ветра? Бывает. Вслед за ветрами приходят косяки жирной селедки, и тогда на берегах дено и ночью пытаются костры. Море кипит от чаек и лодок. Стонут сети и валятся от усталости люди, но спешат, берут от морских щедрот столько, сколько могут.

Рыбу потрошат.

Солят.

Вялят.

Сушат. Коптят на кострах и складывают в бочки, чтобы после часть отправить торговцам, а остальное спустить в ледяные пещеры. После уже за рыбой придут и косатки. Быстрое, ловкие, они будут опасною добычей, но найдутся те, кто рискнет вызвать морского зверя на бой.

И тогда вновь запылают костры.

Взметнутся топоры, разрубая тяжелую тушу. И пещеры пополнятся, что мясом, что особым жиром, который позволит детям расти сильными, а женщинам сохранять свою красоту. Купцы тоже ценят жир.

Впрочем, как и все.

Но той зимой рыбы пришло мало. И та-то была какой-то снулой, будто больною. Потом... потом раньше наступило лето и стало до того жарким, что даже лед в пещерах потек слезами. Пересохли одни

бухты, обмелели другими. А море сделалось красным, отчего и драгоценные раковины стали болеть.

Купцы, придя в назначенный час, ушли почти пустыми.

И это вызвало немалое недовольство.

Снова зима. И надежда, что сейчас все будет иначе. А косяки селедки пришли еще меньшие, нежели раньше, косаток и вовсе не было.

С каждым годом становилось хуже.

И кто когда решил покупать зерно за золото? То самое, которое скопилось в прежние времена.

– Ситуация, само собой, непростая. Вы же умный человек и понимаете, ничто не длится вечно... в том числе и долги... мы давние партнеры.

...зерно.

Золотое зерно. Мука. И мясо, которое тоже нужно было. Сыры. Многое иное. Все в долг, ведь он готов помочь. Разве это плохо?

Плохо.

За любую помощь спросится.

– Мы расплатимся, – проворчал Торвальд.

– Не сомневаюсь, но... когда это будет?

– Прошлой зимой ветра пришли в свой час.

– Но рыбы не прибыло? А море по-прежнему горит летом, отчего ваши раковины не растут, а болеют, – Авияр скинул маску доброго человека. Торговцы и вовсе добрыми не бывают, ибо доброта в подобных делах – верный путь к разорению. – Вы приглашали магов, но не помогло. Так?

Не помогло.

Или маг был слабым, или и вовсе самозванцем, ибо сила из него выплескивалась как-то вяло, словно прокисшее вино из дырявого бурдюка. Он излазил все скалы, а после сказал, что у них фон такой, с магией не совместимый.

– Вы ему заплатили за пустые слова, – Авияр сцепил руки. – А если бы обратились ко мне, право слово, даже обидно за такое недоверие, так вот, если бы обратили, то слышали бы, что магия бессильна. Что на Севере случается много... странного в последние годы. И говорят, будто бы очнулся или вот-вот очнется ото сна Великий змей.

– Мы ходили на север.

Еще тогда, когда никто не строил больших кораблей, а люди и вовсе опасались покидать обжитые берега. Ну и после тоже.

И в прошлом году.

– Никто не вернулся, – сказал Авияр. – Знаю. Море кипит. И люди знающие, ученые, те, которые не верят в Великого змея, говорят, что происходит сие вследствие извержения подводного вулкана, возможно, что и нескольких. Оные выбрасывают в воду не только горячий пар, но и отраву, которая и расползается по морям. Она травит рыбу и ваши раковины.

– И что нам делать?

– Искать, друг мой... искать новые пути. Как некогда искали ваши предки, отойдя от грабежа и разбоя!

Авияр хлопнул руками.

– Ваши земли не пригодны для того, чтобы растить на них зерно. Здесь сыро и холодно, и ветра дуют постоянно, даже летом, коль случается жара, то недолгая, да... и это отлично!

Ничего отличного Брунгильда не видела.

– Вы можете попробовать выращивать вихарских коз.

– Коз? – вот это Торвальд не был готов услышать.

– Коз, – подтвердил Авияр. – Довольно капризные твари, однако при том живучие. Могут питаться даже мхом. Молока дают мало, зато шерсть их, тонкая и длинная, весьма ценится. Я советовался с многими людьми, и те согласились, что условия здесь весьма подходящие. Крупных зверей нет. Разбежаться козы не смогут, некуда бежать. Еду отыщут сами. Зимой слегка придется подкормить, это верно.

– Мы людей прокормить не можем.

– О, поверьте, козы вполне способны есть и сушеные водоросли. Когда похолодает, они сами спустятся. Мы поможем построить козлятники.

Козлятники.

Брунгильда закрыла глаза. Дети моря будут строить козлятники. И ведь будут. Тут и думать нечего. И коз примут. И станут пасти, оберегать, защищать, чесать... будут возиться, если это даст шанс выжить.

Вот только ничего не бывает даром.

– Я взял на себя смелость привезти первую дюжину.

– И что взамен? – отец тоже не был глуп.

– Взамен... конечно, можно составить договор... скажем, о том, что две трети прибыли принадлежать будет мне, как человеку, который возьмет на себя труд вложиться в сие предприятие деньгами. Однако мне более по нраву другой вариант.

Он потер ладони и уставился на Брунгильду.

Стало быть, не ошиблась она в своих предположениях.

– Тот, о котором мы уже говорили. И я готов повториться. Ваша дочь вполне достигла того возраста, в котором деве пристало покинуть отчий дом. Мой же племянник холост.

Торвальд заскрипел зубами.

Сдержался.

– Вы ведь думали над моим предложением?

Думали.

Долго.

Искали выход... и про этих треклятых коз... нет, про коз не думали, а вот про старый промысел, о котором ныне говорили шепотом. О том, что руки крепки и клинки злы, корабли быстры, а в морях хватает добычи. Вот только...

...слишком многие не вернутся из такого похода.

А Торвальд Рваное ухо не любил терять людей. И если можно иначе, что ж, Брунгильда смирится.

– Прекрасная Брунгильда, – слегка дрогнувшим голосом произнес паренек, упав зачем-то на одно колено. Он и без того не отличался ростом и статью, едва доставая Брунгильде до уха, а ныне в позе этой нелепой и вовсе выглядел жалким. – Я был поражен вами с первого взгляда! И стрелы богов пронзили трепещущее сердце мое, не оставив в нем... в нем...

Он поглядел на дядю и как-то обреченно продолжил:

– Ничего, кроме любви к вам! А потому умоляю вас сделать меня счастливейшим человеком во всем мире! И согласиться... – голос вновь сорвался, а взгляд сделался до того жалобным, что Брунгильда даже посочувствовала.

Ей-то что? Замуж?

Все выходят. Она уже и привыкла-то к подобной мысли. А он? Небось, не привык. Может, у него другая на сердце этом, чего бы он там ни плел. Но опять же, мог бы сказать дядюшке, чтоб не неволил.

Или решимости не хватило?

Плохо.

Хуже слабого мужа только слабый корабль.

– Согласиться, – повторил он жалобно. – Стать... моей... ж-ж-ж... женой!

Брунгильда шагнула вперед, готовая вложить руку – если это надо, чтобы все выжили, что ж, она выйдет замуж и за это недоразумение – но тут раздался хриплый вопль.

И в окно влетела черная птица.

Влетела, затрясла крыльями и опустилась аккуратно на белый парик жениха. Тот икнул и замер, сам побелев, сроднившись цветом с париком. Птица оказалась огромной.

Ворон?

У бабушки долго ворон жил и покинул острова после того, как не стало Хельмгар Медвежьей лапы. И Ворон говорил, что он унес душу бабки к богам.

Этот был крупнее.

И чернее.

Его перья отливали глянец. Огромный клюв выглядел способным и доспех пробить, не то, что парик. Черные глаза поблескивали и в них Брунгильде привиделась тень разума. Разве возможно подобное?

– Хр-ра! – сказал ворон, примеряясь к голове.

– Ой... снимите его. П-пожалуйста, – просипел жених. И его стало еще жалче. Брунгильда протянула руку и сказала, ни на мгновение не сомневаясь в том, что будет поняла.

– Иди сюда. Я тебя угощу, – в кармане остался еще кусок вяленой рыбы, каменной, но все же.

Ворон подпрыгнул и, взмахнув крыльями, перелетел на руку. Когти его впились в кожу, а голова повернулась. От угощения он отказался, но протянул лапу, на которой сияло серебром кольцо.

И письмо, к нему прикрепленное.

– Благодарю тебя, посланник, – Брунгильда осторожно сняла письмо. – Ты останешься ждать ответа?

Ворон хохотнул совсем уж по-человечески и произнес:

– Ждем!

А потом подпрыгнул. И жесткие перья мазнули по лицу, птица же поднялась, сделала круг под потолком и убралась в открытое окно.

– Вы... – Брунгильда вдруг почувствовала руки на руках. – Вы в порядке? Он вас не ранил?

Жених?

Надо же.

Бледный и мелкий, и трясется весь, а разглядывает с беспокойством и даже вполне искренним. И страшно ему, это чувствуется.

– У вас кровь! – он вытащил белоснежный платок и приложил к запястью. Платок был кружевным и тоже, как жених, пах цветами. – Присядьте.

– Зачем? – удивилась Брунгильда.

– Такое потрясение...

Отец молча протянул руку, и Брунгильда отдала письмо, только заметив, что на черном воске поблескивает зубами череп.

Глава 11

Про изящную словесность и образы

«И человеку, верному Свету, надлежит помнить, что демоницы способны принимать обличье человеческое, в коем становятся неодолимо прекрасны. Они туманят слабый разум мужской, лишают волю и заставляют совершать многие дела, кои и самого-то человека, их свершившего, после ужасают. А потому, дабы не пасть во грех сношения с тварью хаоса, надобно держать тело и душу в строгости, не избегать посещения храмов, но избегать женщин, особенно красивых, ибо каждая такая может оказаться порождением тьмы и хаоса»

«Наставления мужчине или о том, как сохранить разум и волю, а тако же заключить брак полезный с женщиною благочестивой», писанные ректором Закхаремской академии философии и познания мира, магистром света и сущего Тадеушем Арвельским.

Письмо мы писали долго.

То есть как, мы... сперва подали стол. Вот так вот взяли и подали. Ну да, в самом-то деле, не самому же Повелителю к столу идти, когда подать можно.

Стол был...

Был. Стол.

Такой от массивненький. Я ногтиком поскребла, убеждаясь, что не ДСП, а самое настоящее дерево. Дуб? Ясень? Ничего в древесине не понимаю, но эта, темная с красноватым отливом смотрелась роскошно. Роскоши добавляло золочение.

И размеры.

Такие вот... в общем, на столе уместилась огромная гора, с виду серебряная, украшенная махонькими домиками и даже фигурками, что людей, что чудовищ. Рядом с горой нашлось место коробке, в которой обнаружился песок, и еще одной, с ровными плотными листами бумаги.

Темные палочки, пахнувшие медом. Я долго их обнюхивала, пытаюсь понять, зачем они нужны.

– Это сургуч, – пояснил Ксандр, который наблюдал за мной с интересом естествоиспытателя, причем не натуралиста, а такого, который с удовольствием и за скальпель возьмется.

Сургуч.

Чернила.

Перья хотя бы стальные. Тончайшие кисти, чтобы смахивать песок. И общая обстановка торжественности. Правда, Темный Властелин отчего-то выглядел немного растерянным и даже смущенным.

Он сел.

За стол.

Стол поставили у окна, а еще воздвигли пару местных светильников, тех, что с тяжелыми бронзовыми ножками. Ну да, хорошее зрение и Властелину пригодится.

Стул принесли.

– Не проще было бы в кабинет пройти? – поинтересовалась я, глядя, как это все двигают, пытаюсь создать более-менее жизнеспособную конструкцию. – В кабинете точно удобнее.

Ричард поглядел на Ксандра.

– Я как-то и не подумал...

Оглянулся на слуг, которые были столь услужливы и молчаливы, что я поневоле заподозрила неладное. Вон, стоят, ждут высочайших указаний.

– Они вообще живые? – шепотом поинтересовалась я у Ксандра.

Кому, как не ему, знать правду.

– Вообще нет, – шепотом ответил он.

Стало ли мне страшно? На мгновенье. Потом я вспомнила, что я тут не просто так, а по высочайшему призыву, да и клятву мне приносили, и вообще я еще нужна. А что не живые, так... в том свои преимущества.

Наверное.

Знать бы еще, какие.

– Зомби, – я кивнула, сделав вид, что вовсе даже и не удивительно.

Хотя... после демона, призыва, нового мира и мертвого помощника неживые слуги и вправду не особо впечатляют.

– Не совсем, – Ксандр подвинул стул, который подвинулся с душераздирающим скрежетом. – Зомэби – суть неупокоенные.

– А разница?

Эти вон тоже упокоенными не выглядят.

– Зомэби – это одержимые, – Ричард опустил на краешек стула и поерзал. Растопырил локти. Прижал их, спохватившись, спину выпрямил и устался на белый лист, словно именно он был во всем виноват.

В чем?

Кто его знает.

– В местах, где ткань мира истончается, происходят прорывы тьмы, и тогда создания её попадают в мир тварный. Самые примитивные из них способны просочиться и без явного прорыва. Но они бесплотны, к тому же сама суть нашего мира спешит избавиться от них. И потому, спеша защититься, они ищут вместилище. И часто таковыми становятся мертвые тела.

Вот тебе и лекция о местных реалиях.

– А живые?

Это я так, на всякий случай.

– Тоже возможно, но если создание тьмы сильно, а дух человека слаб.

– Или ослаблен, – уточнил Ксандр. – Чернокнижники порой нарочно ослабляют дух, чтобы вселить сущность.

– Зачем?

– Слуг делают. Сильных. Свирепых. Почти неуязвимых, – Ричард перебирал перья. – Гарольд Проклятый сотворил дюжину одержимых слуг. Для воплощения их он выбирал славных воинов, которых доводил до края пытками и лишениями, а в тела вселял подчиненные сущности.

Жуть какая. Нет, в самом деле жуть. И ведь главное, говорит-то он серьезно, а стало быть, все взаправду.

– Он собрал армию и пошел завоевывать города.

– И чем все закончилось?

– Его убили.

Логичненько, если подумать. И главное, чувствую, что за дело.

– Никола Благословенный, – уточнил Ричард в превеликой задумчивости. – Ему удалось раздобыть частицу светлого бога, и чары разрушились, слуги пали, а сам чернокнижник скончался в муках. Потом еще орден основали. Николы Благословенного. С чернокнижием бороться. И вообще со всякой скверной. Или с тем, что скверной считают.

– С тобой?

Ричард вздохнул.

– Пытались? – мне даже стало жаль парня.

Немного.

– Каждый год, считай, паладины приходят... и ладно, если просто на бой вызовут, – пожаловался Темный властелин, покусывая палочку, на которую насадил железное перо. – Там-то просто, дал по голове и все. Но нет, в последнее время так и норовят подлость учинить какую. Писать-то что?

– Ну... – я задумалась.

Курс деловой переписки я тоже проходила, правда, сетевой и двухдневный, и что-то там даже писала, но главное, что запомнила я немного.

– Сначала нужно поздороваться, – я загнула палец. – Вежливо. Пожелать чего-нибудь хорошего. И главное, по имени.

– И титул не забудь, – Ксандр встал за спиной властелина, скрестивши руки на груди, этаким памятником изящной словесности. – Помнишь титулы?

– Помню, – Ричард издал совсем уж тяжкий вздох. – Забудешь тут...

– Потом изложить суть вопроса, – продолжила я делиться знанием. – Ну и попрощаться. Пожелать чего-нибудь... такого вот. Хорошего.

Ксандр сдавленно хрюкнул.

Нет, точно хрюкнул! Сама слышала. И главное, тут же сделал вид, что это не он. Точно не он. Как может человек, столь благородный, хрюкать?

– Ну и подписаться, конечно, – добавила я. – Ничего сложного. Только попробуй быть убедительным. Так, чтобы приехали...

С титулованием разобрались быстро.

Ну а дальше... дальше начались сложности.

В формулировках.

Нет, я понимаю, что «придем с огнем и мечом» звучит донельзя убедительно, но речь-то не о завоевании. Нам невеста нужна, а не скандал дипломатический.

Спорили мы...

Спорили.

Писали.

Переписывали. И снова переписывали. Точнее переписывал Ричард, отправляя мятые комки бумаги под стол, а спорил большей частью Ксандр, причем умудрялся делать это так, что хотелось схватить серебряную гору со всеми деревеньками и человечками да обрушить на упрямую его голову.

– Я устал, – сказала Ричард, подняв очередной лист, на который уставился почти с ненавистью.

– А что ты хотел, женитьба – дело такое... утомительное, – я похлопала Повелителя Тьмы по плечу, точнее по доспеху. И тут же поинтересовалась. – А ты их вообще снимаешь?

– Иногда. Когда моюсь.

– А когда спишь?

– Раньше снимал. А потом ночью зарезать попытались, вот теперь и...

Да уж, тяжело жить Властелину.

– И не устаешь?

Весит эта груда железа, честно говоря, немало. Ну, если с виду.

– Устаю, – признался Ричард. – Только делать-то что?

– Концепцию пересматривать, – я отобрала лист, пробежала взглядом. – Сойдет, в принципе, но про легионы Смерти все же писать не надо. Напиши, что просто явишься сам. С визитом. Нужно быть ближе к людям. Дружелюбнее.

Ксандр опять хрюкнул, но тут же сделал пресерьезное лицо. Я же почувствовала, что проголодалась. Тяжкое это дело, людей к светлему будущему вести.

Ричард наблюдал за тем, как демоница поглощает орешки. Она подхватывала горсть, обнюхивала и после отправляла орешки в рот.

По одному.

И вид был у нее сосредоточенный до крайности. Села она на краешек стола и покачивала ногой. Нога была длинной, а в дыре проглядывала острая коленка. Еще стала видна шея, тонкая такая, с темной ниточкой рисунка. Рисунок уходил под край блузы, и хотелось заглянуть, убедиться, что он продолжается там.

– Ты ведь понимаешь, что не стоит ей доверять? – тихо поинтересовался Ксандр.

Ухо у демоницы чуть дрогнуло.

– А отраву не берет, – добавил он с глубокою печалью. – Мышей берет, а её вот нет.

– Ты что?!

– Надо же было попробовать, – раскаяния старый друг не испытывал. Ричард вообще сомневался, что тот способен на подобные глубинные чувства. – Видишь, не повредило.

Демоница икнула и обернулась.

Оскалилась во весь рот, демонстрируя острые клыки.

– Она милая, – осторожно заметил Ричард.

– Вот-вот. Милая, – Ксандр поморщился. – Ни когтей, ни клыков... а значит, что?

– Что?

– Что ты вытащил кого-то настолько смертоносного, что ему ни клыки, ни когти не нужны.

– Я об этом думал.

– Отправь её назад!

– Клятва принесена.

– Идиот.

– Сам такой.

– Хочешь? – предложила демоница, протянув руку. В ладонь ее лежали орехи. Сама ладонь измазалась, к коже прилипли крошки и капли меда.

– Спасибо, воздержусь, – Ричард не был уверен, что на него отраву не подействует. А проверять не хотелось. Он еще от прошлого отравления, когда в бульон подсыпали тертый корень лунной лилии, изжогой периодически маялся.

– Как хочешь, – она зевнула. – Завтра начнем.

– Что начнем?

Написанные письма были отправлены, правда, почему-то не отпускала мысль, что зря Ричард ввязался в эту авантюру.

Вот что ему мешало просто вытащить портрет?

Наугад?

И там уже сообщить Ксандру, а он бы и сам придумал, как доставить невесту. Теперь же невесты нет, выбор так и не сделан, а у демоницы в голове планы роятся один другого коварнее.

– Все начнем, – бодро ответила она и, дожевывая орешки, сказала: – А отдохнуть где можно? Что-то я притомилась...

– Прошу, – Ксандр любезно подал руку и демоница, окинув его взглядом, приняла.

Не испугалась.

Обычно женщины Ксандра не жаловали, все-то им казалось, что он как-то не так смотрит. А демоница вот взяла и... и почему-то это было неприятно.

Ричард поплелся следом, думая, как он вообще докатился до жизни такой.

Отец был бы недоволен.

Точно.

Ему даже показалось, что он вот-вот услышит громовой голос. Или насмешливое:

– Да уж, дали боги сыночка... в кого только пошел?

Он потряс головой и очнулся.

Перед дверью.

Перед той самой дверью, которая была заперта вот уже двадцать лет.

– Нет, – Ричард произнес это настолько жестко, что сам удивился. – Здесь она жить не будет.

Ксандр приподнял бровь.

Насмехается? На долю мгновенья захотелось ударить. Кулаком ли, силой, но так, чтобы встряхнуть, чтобы заставить его выпасть из образа, показать, кто в доме хозяин.

И сила отозвалась.

Колыхнулась, потянулась к тому, кого уже полагала почти своим.

– Почему нет? – глаза Ксандра потемнели, дрогнули ноздри и... показалось, что он испугался.

Его, Ричарда, испугался?

– Извини, – стало стыдно за эту вот вспышку. И страшно. А что если... нет, его сила стабильна, и кристаллы подтверждают это. Он спокоен. Уравновешен. И полностью себя контролирует. – Здесь... давно заперто. Даже не убирали.

– Это дело недолгое. Да и Замок держит. Так что пыли не будет.

– Нет.

– Это глупо, – мягко произнес Ксандр. – Ты не можешь держать их запертыми вечно?

– Почему? Места хватает.

Замок был огромен.

И найдутся в нем иные покои. Да хоть бы и те, которые занимала Алисия, раз уж она отбыла. Конечно, те соединялись с собственными покоями Ричарда, но дверь можно было закрыть, а то и вовсе заблокировать.

И замок опять же не позволит причинить вреда хозяину.

Клятва.

Да, пожалуй, вариант неплохой.

– Здесь, – Ричард не стал ничего объяснять, но развернулся. В конце концов, он здесь хозяин, что бы там Ксандр не думал. И демоница. Правда, что думала демоница, он не знал.

Он просто распахнул дверь.

– Здесь. Есть уборная. И ванная комната. Гардеробная. Гардероб... – тут он задумался, поскольку гардероб Алисия вывезла, причем весь, включая кружевные подвязки. – Обновим.

Демоница кивнула.

Заглянула за дверь. И сморщила носик.

– У тебя тут бордель был? – поинтересовалась она.

Ксандр поспешно отвернулся, делая вид, что он тут совершенно не при чем.

– Только фаворитка. Одна, – уточнил Ричард, пока про него плохо не подумали. – Ей здесь нравилось...

– Ну если фаворитке нравилось, – демоница вошла и огляделась. – Мда... вот... знаешь... не то, чтобы оно как-то не так или я жалуюсь... если подумать, то притерпеться можно. Позолота...

Она поскребла коготком кресло, которое оказалось слишком тяжелым, чтобы его вывезти. А Ричард подумал, что забрала Алисия не только гардероб. В комнате остались стены, обтянутые темно-

красным бархатом, и зеркала в золоченых рамах. Причем одно висело криво, его явно пытались снять, но Замок не позволил.

Замок, говоря по правде, Алисию несколько недолюбливал, а она отвечала взаимностью.

Зеркало покачнулось, возвращаясь на место.

– А убрать их можно? – демоница остановилась перед первым, вперившись в него взглядом. Повернулась влево. Вправо. Нахмурилась.

– Что-то не так?

– Уши, – она потрогало ухо. – Уши были другими.

И рот приоткрыла.

И закрыла.

Повернулась к Ричарду, вперившись в него взглядом.

– Ты, – прошипела демоница и, вытянув палец, ткнула им в грудь. В доспех. Металл поддался. Вот так взял и, закаленный в жерле проклятого вулкана, поддался. Слегка. – Что ты со мной сделал?!

– Ничего, – Ричард поспешно отступил, спасая доспех от очередного тычка.

И еще одной ямки.

Нынешняя даже глубже получилось.

– Я... я...

– Вам очень идут эти клыки! – запоздало он вспомнил совет Ксандра. – Очень соответствуют образу. И уши чудесны! Никогда в жизни не видел других столь же чудесных ушей!

Демоница ткнула пальцем уже слева.

И снова оставила вмятину.

– И вы всецело прекрасны! Как ни посмотри.

– Я выглядела иначе!

– Сильно? – уточнил Ксандр.

– Ну... без клыков.

– Понимаете, – Ксандр умел говорить так, ласково, нежно даже, что хотелось верить. – Порой случается, что перемещение меж мирами несколько... меняет физическую оболочку. И дома вы вернете себе прежнее обличье, а здесь же вас воплотило... как воплотило.

Демоница издала низкий свистящий звук.

И повернулась к зеркалу.

А зеркало повернулось к ней. Оно слегка отошло от стены слева, потом справа, сдвинулось и растянулось, позволяя демонице обзреть себя полностью.

— Значит, — слегка севшим голосом сказала она и потрогала клыки. — Это... это из-за перемещения?

Ричард хотел было ответить, но Ксандр показал кулак.

— Несомненно. Вы ведь преодолели бездну, что лежит меж мирами. Физической оболочке это не под силу, а вот воплощение ментальной сферы имеет... некоторые неточности.

Теория была новой и неподтвержденной.

Но демоница задумалась

И повернулась задом.

— Зато похудела... килограмм на пять... а клыки... ну... если сильно не улыбаться... или даже на шесть? У вас весы имеются?

— Для крупного рогатого скота, — честно ответил Ричард, за что и получил тычок в бок. Ну, Ксандр — не демоница, доспех не помял.

А демоница лишь вздохнула:

— Дикие люди, — сказала она непонятым тоном и махнула рукой. А потом повернулась и поинтересовалась этак, живо. — А если назад, то можно потом клыки убрать, а килограммы оставить? То есть, что их нет, оставить?

— Можно! — бодро соврал Ксандр. — Главное, в голове держите образ.

— Образ... — лиловые глаза демоницы заволокло туманом. — Однако... если образ... а...

— Любой!

Нежная улыбка расплылась по губам.

А Ксандр потянул Ричарда за собой и, прикрыв дверь, сказал:

— Не вздумай спорить и возражать.

— Но...

— Спорить с женщиной в принципе бесполезно, а когда она демоница, так и опасно.

Глава 12

В которой повествуется о страхах девичьих и семейном позоре, который удается обратить во благо

«И гнев небес обрушился на степь. Огонь столь яростный, что не осталось бы ничего живого, ни человека, ни лошади. Но воздела тогда Великая Мать руки и приняла пламя, уняла его, успокоила, а после поделила меж своими дочерьми, связав их кровью и силой».

«Сказания диких кочевых народов, кои продолжают прозябать во тьме невежества, собранные и записанные скромным путешественником Анушаром Ирхашским для благодарных потомков».

Гремели барабаны.

Уже второй день гремели. Дым костров ложился на седые травы, мешаясь с предрассветными туманами. Пахло огнем и степью, сырой землей, людьми.

Лошадьми.

Отец, устроившись на высоком помосте, смотрел прямо. Лицо его было неподвижно, да и сам он казался статуей, одной из тех, что скрываются в Старом городе. Теттенике покосилась, пытаясь смирить дрожь в руках.

Страшно.

Все еще страшно. Несмотря на горький травяной отвар, который поднесли ей. От отвара появилась непривычная легкость в теле и мысли стали путаными. Хотелось спать. Но вот страх никуда не исчез.

Ничего.

Надо просто потерпеть. Она сможет. Она ведь дочь кагана.

Барабаны смолкли, и стал слышен протяжный крик сокола где-то там, в поднебесье. Солнце выглянуло, плеснув золотом на облака. И степь очнулась.

И люди.

Встал отец. Поднялись сыновья, плоть от плоти, сила от силы, знак, что крепок великий род, что с ним еще милость Матери степей, а стало быть и благословение.

Семеро братьев.

И все похожи друг на друга, пусть и рождены от разных матерей. Темные лица, ветром обласканные. Темные глаза. Темные волосы. И рядом с ними она, Теттенике, смотрится чуждой.

Может, в этом все дело?

В том, что ошибся отец, взяв в свой шатер женщину далекого племени? Ей об этом говорили, когда стало понятно, что и она, Теттенике, тоже лишена, что силы, что благословения.

Слабая.

Хрупкая.

Никчемная.

Но пока об этом знают лишь отец, братья и мерзкая старуха, которая, слава Матери, осталась в шатре.

— Сегодня, — голос отца оседлал ветер, и тот покорился, стих, не рискуя потревожить и орлиные перья в волосах. — Великий день.

Он подал знак, и Теттенике поднялась.

В голове все еще шумело.

И тело, её тело не слушалось. Оно казалось таким... таким... чужим. Она подняла руку, поднесла к лицу. Какая смешная. Особенно пальцы. И Теттенике с трудом сдержалась, чтобы не расхохотаться.

Отец нахмурился.

Слегка.

И она поспешно спрятала руку за спину.

Потерпеть. Сегодня... сегодня великий день. Ей выберут мужа. И она, наконец, покинет шатер, чтобы занять место, достойное дочери кагана. Правда, все равно страшно, дома к ней хотя бы привыкли, терпели её и слабость, и никчемность, а вот как примут в доме мужа?

Да, точно страшно.

И смешно.

Отец говорит. Надо слушать. Только не получается. Слова скачут, словно горох. Горох Теттенике не любила, от него живот пучит. А он все говорит и говорит. О Матери степей, которая благословит брак и даст Теттенике многих сыновей.

И о том, что два дня лучшие воины показывали удадь свою.

И что-то там еще.

Показывали.

Копья... да, копыя, точно. На скаку поднимали пушистый лисий хвост и еще... до чего же путано все. Надо держаться. И она стиснула зубы. А ведь говорила, что не нужны травы, она справится. И справилась бы, но старая Шаушан, которая к Теттенике приставлена была, растила её с малых лет – стерва еще та, конечно, – поднесла чашу.

И выпить заставила.

Сказала, что только так и получится, что сама Теттенике дурной крови, и если не травы, то все это увидят. Позор случится. Или хуже того. Вдруг да возникнут сомнения в том, что род Улахтай по праву восседает на белой кошме.

Страшно.

Она стиснула кулаки.

– ...и пусть Великая мать сама изберет достойного! – завершил речь отец и тут же взвыли рога степных туров. От звука их громкого Теттенике покачнулась, но устояла.

Брат подхватил.

Младший.

– Уже недолго, – мягко произнес он. – Потерпи.

Танрак.

Рожденный старшей женой, любимой, он отличался необычайною мягкостью нрава. Отцу это не нравилось, но Танрак, пожалуй, единственный из всех, спокойно выносил и отцовское недовольство, и гнев его. И ныне позволил себе обнять сестру.

– Ты просто сядешь и все. Помнишь, мы садились?

Она помнила.

– Позволь лошади идти.

– А она пойдет?

– Пойдет. И поверь, выберет того, кто припас самое вкусное угощение. А мужчина, который знает, что нужно лошадям, и с женщиной разберется.

Теттенике выдавила слабую улыбку.

Оставалось надеяться, что он прав. И еще на милость богини, которая, быть может, и не слишком рада такой никчемной дочери, но

ведь Мать Степей обо всех заботится. А Теттенике, она разве на заслужила заботы?

– Идем, – брат осторожно сжал ладошку. – Это несложно. Ты сумеешь. На самом деле ты очень храбрая.

Он говорил очень тихо, но Теттенике слышала.

Слушала.

И шла.

Послушно. Правда, ноги заплетались и были неправильными, но это от трав.

А по узкому коридору вели лошадь.

И... и это была не та лошадь!

– Тише, – голос брата дрогнул. – Это все равно просто лошадь. Обыкновенная.

Да.

И нет.

– Поверь, она ничем не отличается от той.

– Врешь, – тихо произнесла Теттенике.

– Немного. Но ты просто представь, что это – твой Листик.

Не выйдет. Листик... она другая. И мастью, и норовом. И потому-то Теттенике сумела сесть ей на спину. Пусть не сама, а с помощью брата, пусть он и ходил рядом, держал, но ведь сумела же. И будь у них чуть больше времени, она бы... она бы справилась.

Но Листик, которую должны были привести... где она? И почему по коридору вели кобылу той самой редкой масти, что... что... это она придумала, старуха! Она всегда-то ненавидела Теттенике и... и как быть?

Теттенике заворуженно смотрела на лошадь.

Ее бока отливали золотом. Позвякивали колокольчики, вплетенные в гриву. Нервно подрагивали уши, которые кобылица то прижимала к голове, одновременно скаля зубы, то поднимала, прислушиваясь ко всему.

Она ведь...

Дикая?

Когда её забрали из табуна? И вообще, садился ли кто-нибудь на широкую её спину? И... и как быть?

– Это лучшая кобыла в моих табунах, – сказал отец, глядя куда-то поверх голов. – Но для любимой дочери мне ничего не жаль.

Теттенике едва сдерживалась, чтобы не заплакать.

Она впилась в руку брата, а тот молчал. И только слышно было, как колотится сердце. Чье? Его? Её? Лошади?

– Ей тоже страшно, – брат все-таки заговорил. – Посмотри. Она не привыкла, чтобы так, чтобы столько людей вокруг. И шум, и запахи. Её все это пугает не меньше, чем тебя.

– И что делать?

– Подойти, – он сам подвел Теттенике, пусть это и было нарушением обычая. Но молчат.

А они идут.

И чем ближе подходят, тем ближе лошадь. У нее узкая грудь. И шея гнутая, лебяжья, лоснится от пота. Кобылица мелко вздрагивает и перебирает ногами. Тонкие какие. Всегда удивляло, что лошадь большая, а ноги тонкие. Как только держится.

Оскалилась.

Всхрапнула.

Попятилась, но отступить ей не позволили. Держат крепко.

– Тише, – произнес брат очень мягко, и не понять, кому он это говорил: Теттенике или кобылице. Как её зовут?

– Огонек, – Теттенике с трудом говорила, язык сделался тяжелым, да и не только он. Но ей хватило сил протянуть руку. И раскрыть ладонь.

Корочка хлеба.

Пара крупиц соли. Брат посоветовал. Листик бы потянулась к угощению. Она брала его осторожно, одними губами, а эта... клацнули зубы.

Пугает.

– Тише, – она старалась подражать брату. Тот всегда ладил с лошадьми. И руку протянула, коснулась гладкой шеи. Какая горячая. И лошадь замерла, прижав уши к голове. Глаза её, налитые кровью, вращались. Из ноздрей вырывалось дыхание.

Сиплое.

А главное, все смотрят.

– Это старуха, – Теттенике поняла, что умрет. Вот здесь, на глазах у всех. Или лошадь её убьет, или отец. Тут же пришло понимание, что отца она боялась куда сильнее.

– Старуха придумала, – она протянула кусок хлеба к лошадиной морде и та вдруг подалась, коснулась ладони. Толкнула, но хлеб взяла. Тоже аккуратно. И в душе вспыхнул робкий огонек надежды.

– Может, и так. Я с ней разберусь, – пообещал брат. – А ты... ты просто не бойся. Лошади чувствуют страх.

Теттенике кивнула.

Он это говорил. Не раз и не два, и она тоже повторяла, всякий раз. Но одно дело – знать, а совсем другое – справиться. В том числе и со страхом. Она сглотнула ком в горле и провела ладонью по шее.

– Успокойся, моя хорошая... я не сделаю тебе дурного... мы подружimsя... хочешь, я расчешу твою гриву?

Лошадь слушала.

И когда Теттенике запела – слова она знала давно, но почему-то с песней никогда не получалось. Сбивалась постоянно. И собственный голос казался не таким, неправильным. А теперь вот вышло. И лошадь слушала. И не только лошадь.

Тихо как.

Она погладила и бок, сквозь белоснежное покрывало, которым накрыли лошадиную спину.

Сейчас.

Надо вдохнуть. Сказать себе, что это... это просто лошадь. А Теттенике – сумеет. Вдохнуть. Вдеть ногу в стремя и... рывок.

Тишина.

Лошадь от неожиданности приседает, готовая взвиться на дыбы. Она почти дикая, но теперь... теперь нет обратного пути. И Теттенике ложится на спину, обнимает шею руками, и шепчет, шепчет слова древней песни, дарованной их народу во усмирение табунов.

Наверное, в этих словах что-то есть, если кобылица успокаивается.

И вздыхает так, почти покорно.

И голову склоняет.

– Отпускайте, – голос отца доносится откуда-то издалека. И хочется обернуться, но нельзя. Песня не должна смолкнуть, пусть язык и тяжел, из-за трав тех, что горечью сводят горло, но нельзя. Если Теттенике замолчит, то лошадь очнется.

И сбросит.

Страшно.

Первый шаг. И она сжимает ногами лошадиные бока. Покрывало скользкое, а поводья ненадежны. И Теттенике лежит, уткнувшись лицом в гриву. Та пахнет хлебом и медом, и еще степью. Она чувствует спиной напряженные взгляды.

Отец.

Братья.

– У тебя все получится, – улыбается Танрак. – Ты умница.

Да? Или нет?

Лошадь ступает. Теперь её ведет песня и еще воля Матери Степей. Кому, как не ей знать, кто достоин высокой чести? Не думать. Петь. Закрывать глаза... они выстроились кругом, те, кто пожелал взять себе в жены дочь кагана.

Первый Ухто-батыр.

Он силен.

Он так силен, что даже поборол старшего из братьев. И еще степного льва, ожерелье из клыков которого носит на шее. Его кожу цвета меди украшают шрамы.

У него три жены, но он достаточно богат, чтобы поставить шелковый шатер для четвертой.

Он смотрит строго и Теттенике едва не сбивается.

Но нет, лошадь проходит мимо.

Арга, сын старейшины Арга, один из многих, ибо род Арга велик. Арга-младший молод, но уже заслужил славу доброго охотника. Лук в его руках поет, а стрелы летят без промаха. Еще он красив. И многие девы были бы рады протянуть ему руку. Но лошадь идет дальше.

А в сердце пусто.

Они мелькают, лица, которых так много, и кто-то протягивает руку, пытаясь приманить лошадь, кто-то шепчет, кто-то улыбается... но та идет.

И идет.

И почти доходит до конца круга.

А сердце сжимает страх. Что будет, если... лучше не думать. Не сбиваться. И Теттенике цепляется за слова, уже не глядя на людей, цепляется за поводья, за белое покрывало.

Вот.

Почти уже... неужели... здесь ведь собрались лучшие из лучших. Неужели нет среди них достойного... или есть? Или дело в том, что

это она, Теттенике, не достойна? Мать Степей заботится обо всех своих детях...

Двое остались.

И оба незнакомы. Но... если поставили их в самый конец, стало быть... она не успевает додумать, потому как вдруг совсем рядом раздается хлопок. Звук резкий и громкий, и песня обрывается, а кобылица, словно разом очнувшись, встает на дыбы. И если в первое мгновение у Теттенике получается удержаться на такой гладкой спине, то дальше лошадь бросается в сторону.

И в другую.

Она танцует, с каждым движением распаляясь все больше. И из глотки лошадиной доносится хрип. Люди разбегаются, кто-то кричит. И надо справиться, надо запеть, но слова не идут.

Теттенике их забыла!

Как вообще возможно такое, чтобы забыть слова... как... лошадь взвизгивает в свечку, чтобы тут же поддать задом, и чудом, только чудом, выходит удержаться на спине.

Воют рога.

Зачем?

И мелькают тонкие, но такие сильные лошадиные ноги.

Опять.

Теттенике почти видит, как круглые копыта, вымазанные красной краской, месят землю. Она... она должна справиться. Должна... и почти выходит, но что-то лопается, и она все-таки падает, вместе с покрывалом.

На землю.

И рядом тяжело бухает копыто. Как тогда... совсем как тогда. Страх сковывает. И Теттенике сворачивается в клубок. Она понимает, что нужно уходить, что пока ей везет и лошадь...

Она не успевает додумать.

Лошадь хрипит.

И... падает.

На нее.

И течет что-то горячее, очень горячее. Теттенике бы закричала, если бы могла, но она не могла. Она просто сидела и ждала.

Чего?

Чьи-то сильные руки вздернули её. И покрывало отбросили. И тряхнули.

– Жива? – голос снова далекий и злой. Теттенике втянула голову в плечи. – Больно?

Никто никогда не спрашивал, больно ли ей. И не щупал. Нельзя щупать девушку, если она не жена и даже не невеста.

– Где ударила?

Темные глаза смотрят строга, но злости в них нет. А... что? Беспокойство?

Теттенике качает головой.

– Не... уд-уд... – она замолкает, понимая, что не способна произнести ни слова.

– Испугалась?

Нельзя признаваться в страхе. И слабость показывать. Её слабость – слабость всего рода. Но она кивает.

– Ничего, все хорошо, девочка, – её, наконец, отпускают, но она не способна стоять, и этот человек... кто он? Кажется, один из женихов, но незнакомый, а стало быть, не такой знатный и важный, чтобы имя его было произнесено отцом, не позволяет упасть. – Тише, сейчас...

Её подхватывают на руки.

И несут к помосту.

Краем глаза Теттенике успевает увидеть лошадь. Та вытянулась на песке, такая красивая и... мертвая? Ее глаза были широко распахнуты, а вокруг разливалась лужа крови.

– Не смотри. Не надо. Лошадь обезумела. Пришлось выбирать, – сказали ей. А Теттенике подумалось, что отец предпочел бы другой выбор.

Её возвращают.

Брату.

– Живая? – тихо спрашивает Танрак и кивает тому, другому. – Спасибо.

Воин. Не слишком молод. И собой не сказать, чтобы хорош. Его кожа темна и шрамов на ней множество, но нет ни украшений, ни зубов зверей, ничего-то, кроме, пожалуй, тонкой золотой пластины с синим камнем.

Тамга?

И выходит, что он...

– Спасибо, – у нее все-таки выходит заговорить, хотя появляется чувство, что рот заполняет слюна. И вкус у нее неправильный.

Не такой.

Вкус крови.

– Как... вас зовут, – она успевает спросить до того, как подходит отец. И ответ получает.

– Улмар.

Это означает Сильный.

Он и вправду силен. И еще воин. Это Теттенике поняла, но... Улмар отступает с поклоном, правда, в нем нет поспешности да и глубины не хватает. Но отец слишком зол, чтобы обратить внимание на подобные мелочи.

– Убери её.

Это звучит резко.

И Танрак не спорит. Он уносит Теттенике и остается с ней в шатре, где девочки расплетают косы и оттирают с кожи лошадиную кровь. Он сидит и молчит, и не обращает внимания на недовольное шипение старухи. А та рада. И радости не скрывает.

– Проклятая, – эти слова змеями вползают в уши. – Все теперь увидели! Все!

Наверное, стоило бы испугаться.

Все и вправду увидели, что она, Теттенике, труслива и слаба, не способна справиться с лошадью. И теперь в лучшем случае её ждет незавидная судьба пустоцвета. Кто захочет смешать свою кровь с такой вот, дурной? Уйдут женихи.

И отец отошлет Теттенике в дальнее стойбище, где вовсе о ней забудут.

– Все будет хорошо, – брат касается руки. – А ты, старая змея, смотри. Найду на тебя управу.

Старуха опять шипит.

Только уже все равно. Травы, наконец, действуют, и Теттенике проваливается в глубокий сон.

Глава 13

Где каждый решает свои проблемы

«И вошел он в город, и воззвал к богам пресветлым, и был услышан ими. Воссиял над челом его Свет негасимый, и столь яркий, что ослепли все нечестивцы, а многие и вовсе померли в муках»

«Сказание о благородных деяниях Кристофа Благословенного, восхваляющих его и Орден Света»

– Ты обещал, каган, – этот змеиный голос вползает в грезы, заставляя сжаться от страха. – Ты обещал, что отдашь дочь Матери Степей.

– Если будет на то её воля, – отец строг. И снова страшно.

– Она показала свою волю.

– Она ли? – это уже брат, и становится немного не так страшно. – Сестра справилась бы. Она и справилась. Кто подменил лошадь?

Старуха.

Больше некому. Больше никого бы не стали слушать ни слуги, ни рабы. Но её-то, темную и страшную, облеченную непонятной властью, они боялись едва ли не больше, чем самого отца.

– А ты хотел, чтобы все увидели, до чего она ничтожна? Выехать на дрянной кобылице... это может позволить себе дочка обычного пастуха, а не кагана. Я сделала так, как должно.

– Испугав лошадь?

– Будь на то воля Матери Степей, она бы справилась. Но ты знаешь правду.

Старуха даже не пыталась отрицать. Она... что она сделала?

– Дурная кровь. Ей не место тут. Она должна сделать то единственное, на что годна, – это было произнесено торжественно. И сердце сжалось.

Отец согласится.

У него выхода другого нет. И тогда... тогда Теттенике облачат в роскошные одежды, на голову наденут высокую шапку с собольей опушкой. А в связанные руки вложат золотую плетть о семи хвостах. И

потом, посадив на мертвую кобылицу, закопают с нею же, дабы сила её, Теттенике, наполнила землю.

– Нет, – голос отца сух и далек. – Я обещал отдать её, если не найдется никого, кто пожелал бы взять её в жены.

– А думаешь, что найдется? – старуха хихикнула.

За что она так ненавидит Теттенике?

– После того, что случилось сегодня, ни один мужчина в степи, ни один, достойного рода, не рискнет... не вызовет гнев Матери Степей.

– Или твой, ахху?

Ахху?

Она и... ахху? Мудрейшая из женщин, озаренная светом дара? Драгоценным, способным возвращать земле утраченную силу? Выводить водяные русла из мрачных глубин? Дарить тепло и... быть того не может! Ахху... ахху добры и полны любви.

Они помогают женщинам и кобылицам понести.

Они изгоняют демонов болезни из детей и жеребят. Они оберегают стойбище. Они... они ищут тех, чья кровь годится Матери Степей. И значит... значит, Теттенике обречена.

– Тебе она нужна, а не Матери Степей.

– Договор! – взвизгнула старуха, и голос её был подобен оборвавшей струне. – Ты дал слово!

– Дал, – отца не видно, Теттенике решилась приоткрыть глаза, но обнаружила, что лежит лицом к стене. – И жалею о том, ибо твоей силы не хватило, чтобы спасти ту, которую обещала спасти. А теперь ты, не исполнив обещанного, требуешь от меня отдать тебе дочь?

Старуха зашипела, подобно змее.

– Однако ты ошиблась. Нашелся тот, кто готов взять её в жены.

– Кто?

– Так ли важно? Он силен. И умел. И по праву занял свое место в круге, – отец улыбался. Даже смотреть не нужно было, чтобы понять – он и вправду улыбался. Надо же, он все-таки любит её, Теттенике, если не желает отдать ахху. И не страшится ссоры?

Ахху все боятся.

Ибо в руках их великая сила. А кто станет ссориться с сильным?

А сердце забилося. Неужели... и кто? Кто из них рискнет? Кто... кому так нужна она, Теттенике?

– Род Чангай, – старуха разом успокоилась. – Отступники... их стада оскудели, а колодцы пересохли, и болезни год от года точат великий некогда род. Может, Азым-Чангай и надеется, что за дочерью ты дашь не только дохлую кобылицу, но отец его Унхар-Чангай точно не рискнет ссориться со мною. Особенно, если я предложу ему другую девку. А с нею и свое благословение.

Терять надежду, оказывается, больно.

– А ему ты тоже предложишь свое благословение? – резко поинтересовался брат. – Тетту, иди сюда, я слышу, что ты давно не спишь.

Теттенике закусила губу, чтобы не расплакаться. И встала. Она заставила себя улыбнуться. Страх? Он сковывал тело. И сердце почти оборвалось. И он мешал видеть. Она смотрела. На отца, на брата, на старуху, которая облачилась в роскошный халат и шубу поверх накинула. Седые космы прикрывала шитая бисером шапочка, а с нее свисали золотые нити.

На каждой – жемчужина.

Ахху.

Теперь никто бы не усомнился.

– Садись, – брат протянул руку. – Ты слышала довольно.

Теттенике опустилась на шкуру черного медведя. Кажется, её поднес в дар кто-то из женихов, из тех, что отныне и взглянуть в её сторону не посмеет.

А старуха улыбается.

Она сохранила все зубы, но оттого и улыбка её кажется еще более жуткой, чем обычно.

– Это прислали утром, – Танрак протянул ей конверт. – Если бы ты вышла замуж, мы бы ответили отказом и только.

Но она не вышла.

Все... не так.

Буквы скакали. И прочесть получилось не сразу, а чтобы понять написанное, читать пришлось трижды. И её не торопили.

– Если согласишься, – старуха кривилась недовольно. – он пожрет и душу твою, и тело!

– А ты? – впервые Теттенике обернулась и посмотрела в глаза той, которая... ненавидела? Но за что? Разве когда-то словом ли, делом, Теттенике позволила себе оскорбить её?

Она была послушна.

И старательна.

А теперь...

– Я дам тебе напиток и ты уснешь, девочка. Просто уснешь, ибо мы не жестоки. А проснешься уже на небесах, в степях, которые не знают злого солнца, – голос старухи был непривычно ласков. – Мать Степей примет твою душу и подарит ей новую жизнь, счастливую.

И сказала так, что захотелось поверить.

– Подумай, что тебя ждет там? Тьма и только тьма. Её повелитель жесток. Он живет среди мертвецов и сам мертв душой.

– А мне говорили, что вполне себе жив, – перебил брат, ткнув пальцами под ребра. – И еще, что он обидеться может. Он ведь написал, что, если невеста не приедет, то он сам отправится за нею. И тогда, явившись в стойбище, спросит, как так вышло, что сестры нет? Что ему ответить? Кого отдать взамен? Тебя ли, многомудрая ахху?

И без того уродливое лицо ахху исказилось.

– А может, сразу тебя отправить?

– Нечестивец!

– Какой уж есть, – Танрак посмотрел на отца. – Ты сам говорил, что когда-то степи заключили союз с Хозяином мертвых. И он всегда-то держал свое слово.

– Он проклят!

– Может, и так. Но купцы говорят, что земли его богаты, стада обильны, а дом сложен из камня. И что люди живут там спокойно. Вполне живые люди. Так что, может, и тебе понравится?

Теттенике закусил губу. Она чувствовала, что все на нее смотрят. И только на нее. И ждут. Чего? Решения? А какое оно может быть? Разве что... вспомнились руки, которые держали её, так надежно и крепко, что, казалось, способны были защитить от всего мира.

Вспомнились и...

Забылись.

Род Чангай. Известный некогда. Богатый. И оскудевший гневом богов. Он и вправду не рискнет спорить с ахху, которая способна осушить и те немногие колодцы, что еще остались в землях рода. А следом придут болезни, что унесут многие жизни. И... и все одно обидно.

За что?

А в руках дрожит белый листок письма.

– Я, – Теттенике облизала пересохшие губы. – Я поеду.

Погода не задалась.

Гудел ветер. И море злилось, поднимало волну за волной. А те, полные ярости, обрушивались на камни. Человек стоял у окна и глядел на бурю. Здесь, в башне, было спокойно и тепло. Горел огонь в камине, и отблески его ложились на белоснежную шкуру морского зверя.

Сам человек тоже был облачен в белые одежды, и лишь рыжие волосы его выбивались из этой утомительной белизны.

– Дня на три, – сказал он, когда дверь приотворилась.

– Это точно, – гостю пришлось наклониться. Был он высок и худ, смуглокож, темноволос и облачен в роскошный купеческий наряд, который в этом месте казался неуместно ярким. – Вовремя мы пришли.

Корабли, укрытые от гнева моря глубоким горлом бухты, сверху казались крохотными, как и городок, возникший вокруг башни. Городу, правда, доставалось, но местные дома, сложенные из местного же камня, отличались прочностью.

Да и сила света защитит своих детей.

– И все же в другой раз, – человек в белом отвернулся от окна, – побереги себя, брат.

– Постараюсь. Эй, ты, – гость выглянул в коридор. – Вина принеси. И пожрать чего. Спешил... веришь, эти трусы отказывались идти. Мол, море беспокойно! Над душой пришлось всю дорогу стоять.

– Но ты справился, Кристоф. А еще нисколько не изменился. Все так же грозен и шумен.

– А ты – тих и благочестив.

Они обнялись.

Расступились. Столь похожие и непохожие одновременно.

– Рассказывай, – велел хозяин, устраиваясь в низком кресле. Лишенное всяких украшений, как и прочая мебель в комнате, оно меж тем радовало глаз изяществом линий и какой-то необычайной хрупкостью. Впрочем, лишь кажущейся, ибо Кристофа подобное кресло выдержало с легкостью. – Видать, новости важны, если ты решил сам отправиться в путь.

– Важны, Светозарный.

– Перестань, – хозяин поморщился. – Я скоро свое имя позабуду.

– Артан.

– Именно. Артан... а тут – Светозарный да Светозарный. Утомляет. Если бы ты знал, как все это утомляет... – Артан сжал руку в кулак. – Я же что думал? Что, коль приму сан, то... все изменю.

Подали вино в медных кубках.

И деревянные блюда со снедью. Жареный поросенок. Морская рыба, запеченная в соляном панцире. Тушеные с травами перепела. Томленные яйца. Еще что-то, чего давно уж не видывала монастырская кухня. Но Кристоф никогда не являлся с пустыми руками. И ныне в полупустой трапезной наверняка пахнет мясом.

Хорошо.

Слуга поглядел на Кристофа с надеждою и легонько кивнул в сторону Светозарного, который вновь застыл, вперив взгляд в окно.

Темное небо. Черное почти. И оттого узор на стеклах проступает серебряным инеем. Там, за стеклами, мечется ветер. И море продолжает вгрызаться в скалы. А здесь, внутри, тишь да благодать.

Утомляют.

– Ешь, – велел Кристоф, сам наложив в тарелку распаренной каши, которую щедро приправляли медом и изюмом, и еще чем-то. – А то совсем отощал. Силы понадобятся.

– Я не голоден.

– Опять пост блюдешь?

– Я... не знаю, – Артан подвинул к себе тарелку. – Я понял, что ничего не знаю. Я... думал, все будет иначе. А тут... подати, налоги. Прибыли. Расходы. Я надеялся, что буду бороться со злом, а вместо этого считаю, откуда взять денег на починку пристаней. И по чем продавать индульгенции!

– Ешь.

– Ты знаешь, как я к этому относился! А теперь сам продаю индульгенции! А знаешь, почему?

– Почему? – вот Кристоф отсутствием аппетита никогда не страдал и ныне отдал должное поросенку. Запеченный целиком, наштигованный ароматными травами, тот был диво до чего хорош.

– А потому что надо содержать школу! И сиротские приюты. Платить наставникам, ибо далеко не всему могут научить братья. Одевать. Обувать. Сохранять библиотеку. Скрипторий почти не

приносит выгоды. Кому сейчас нужны жизнеописания святых? Да и слышал про эту новую придумку?

– Печать?

– Скоро в скриптории вовсе отпадет нужда. Мы торгуем медом и воском, но...

На островах не так много места, тут не всякие пчелы прокормятся, не говоря уже о скоте. А монахи, пусть даже осененные светом, есть хотят.

Даже стало слегка совестно. Небось, братья в трапезной видят мясо не так и часто.

То-то они всегда Кристофу радуются.

– Пробовал поставить мастерские, но кому в них работать? – Артан вцепился в волосы. – Надо признать, что орден вымирает, что нас с каждым годом все меньше. И в нынешнем уже трое просили избавить их от клятвы.

– И ты?

– Согласился. Еще и подношение принял. Дар в поддержание обители. Я... я себе омерзителен, брат!

Артан все же проглотил ложку каши.

Кристоф покачал головой.

Да уж, все много хуже, чем можно было предположить по письмам. То-то и письма эти стали краткими, сухими, будто чужой человек писал.

– Я всерьез подумываю распустить орден, – произнес Артан тихо. – Но... правда в том, что многим просто некуда идти. И... в прошлом месяце я отпустил наставника по вечному бою. Распродал лошадей. Все равно они бы не пережили зиму. Зерно покупать не за что. Пожертвований давно уже нет. Надо признать, что в нынешнем мире мы никому-то не нужны.

– Погоди...

– Не надо, брат, – Артан покачал головой. – Я знаю. Вера... предназначение... я каждый день говорю об этом. Мальчишкам, которые нашли здесь дом. Им надо во что-то верить. И я просто не могу отобрать еще и это. И не могу оставить все, как есть.

– Погоди. Ешь давай. Я новости привез.

– Это я понял, но что они изменят?

– Все, – губы Кристофа растянулись в улыбке. – Возможно, если не все, то очень и очень многое... а еще привез полторы тысячи золотых. Починишь свою пристань. С индульгенциями и вправду завязывай. Хрень это все.

– И продаются плохо.

– Тем более. Надо о другом думать. Смотри, – на стол легла бумага. – Это копия. Нет, сначала кашу и всю! Вон, вином запей.

– Я не...

– Хорошо, молоком. Молоко-то ты пьешь, верно?

Артан кивнул и послушно взял кубок.

– Вот так... а то тоже мне... Светозарный. Сквозь тебя скоро этот свет проходить станет. И как ты вообще собираешься со злом бороться, если тебя не то, что зло, таракан соплей зашибет?

– У тараканов соплей нет, – Артан слабо улыбнулся.

Но ел.

Хорошо.

Правда, плохо, что лишь сейчас. Хоть ты и вправду оставайся или... нет, нянька ему не нужна. Кристоф знал брата столь же хорошо, как и тот знал его. Не нянька. Дело. Такое, которое настоящее. Которое встряхнет все это застойное болото некогда великого ордена.

– Как там отец? – поинтересовался Артан, подбирая последние крупинки каши. И не стал отворачиваться от перепелок.

– Да все по-прежнему. Считает, что ты дурью маешься. И ждет, когда за ум возьмешься.

Артан подавил тяжкий вздох. Никогда-то он не оправдывал родительских ожиданий. Но письмо легло в руку, взгляд скользнул по ровным строкам и... и быть того не может!

– Серьезно?

– Еще как, – заверил братец, выбирая из жаркого грибы, которых он с детства терпеть не мог. – И, сколь знаю, письма пришли не только в Ладхем.

– Погоди, – Артан нахмурил лоб. – То есть...

– То есть весьма скоро Ладхем, а заодно и Виросса, и степи, и даже Острова отправят свои посольства в Проклятые земли. Повезут, стало быть, девиц на смотр. А он, – Кристоф кивнул на письмо. – Сядет и будет выбирать, которую из девиц взять в жены.

– И... они согласились?

Вот, что никогда-то в голове не укладывалось.

— А то. Я бы сказал, что даже весьма охотно согласились.

Артан затряс головой.

— У всех свой расчет, братец. Ладхему нужны деньги. Пару лет неурожая, долги, того и гляди полыхнут бунт. За вироссцев не скажу, но говорят что-то там им надо.

— А нам?

— И нам, — согласился Кристоф. — Сам по суди. Кому нужен орден, который борется со злом, если зла тут днем с огнем не сыскать?

И в его словах была своя горькая правда.

— Зато там, — он ткнул пальцем в карту, что украшала стену. Карта была белой, а линии — серыми, и потому в полумраке все гляделось одним грязным пятном. — Там зла, говорят, если не с избытком, то всяко в достатке.

Вот уж никогда Артан не думал, что будет радоваться избытку или хотя бы достатку зла.

Хотя радость получалась какой-то...

— Так что тебе нужно тоже собрать посольство, — заключил Кристоф, отбирая листок.

— Посольство?! Да он нас всех на воротах повесит.

— Вешать послов — негуманно.

— Мы говорим о Властелине Тьмы.

— Тоже человек.

— Человек ли?

— Съезди и узнаешь. Или боишься?

— Я жизнь посвятил свержению... — Артан запнулся под насмешливым взглядом брата. — Мы ж его убить пытались.

— Но не убили же, — Кристоф сцепил руки на впалом животе. И как у него получается? Ест в три горла, а живот все одно к спине прилипший. — А что пытались... во-первых, не только и не столько мы. Во-вторых, мало ли, кто там и что пытался. Нет, дорогой братец, пора отбросить стереотипы и взглянуть на ситуацию по-новому...

Артан подавил тяжкий вздох.

Это надолго.

С другой стороны, была в этих словах если не правда, то толика здравого смысла.

— ...и объединить силы, дабы противостоять злу...

Глава 14

В которой даже демонам снятся сны

«Женщина благочестивая не стремится явить миру красоту свою, но в скромности врожденной всячески её умалает, дабы не вводить в искушение мужчин, слабых духом. И оттого с гневом праведным отвергнет таковая, что краски для лица, что притирания, что наряды драгоценные»

«Трактат об женской сущности, писанный аскетом Гонсарием на пятом году поста и воздержания».

Ложусь на новом месте, приснись жених невесте.

И вот кто меня надоумил ляпнуть эту чушь? Она виновата, не иначе. Или сожранная пахлава, которая вдруг осела в желудке тяжелым комом. Или нервы. Или столкновение с местным высоким искусством? Главное, что, стоило мне упасть на кровать, к слову огромную и вновь же видом своим навевающую весьма специфические ассоциации, и глаза закрылись.

Я тонула в перинах.

Тонула.

И тонула. Потом, когда мне это надоело, я тонуть перестала, но оказалась в клетке, которую окружили невесты. Причем были они похожи на себя, рисованных, что две капли воды.

Жуть.

И двигались этак, странно. Как зомби.

– Выбери меня, выбери меня, – сипели невесты на разные голоса и швырялись свадебными букетами. В общем, страх.

Проснулась я, когда один из этих букетов в лоб прилетел. И главное, сон сном, а было больно. Потом уже, проснувшись, я поняла, что боль-то вполне реальная. Не сказать, чтобы сильная, скорее лоб ныл.

Слева.

И справа.

Так нудно тоскливо, как зуб, который предупреждает, что надо бы к стоматологу заглянуть. Пока он только предупреждает.

Я поморщилась.

Стало вдруг жарко до невозможности. И душно. Дышать нечем. Кожа покрылась липкой испариной, а пуховое одеяло, еще недавно уютное, налилось тяжестью. Еле выбралась из-под него.

Я скатилась с кровати и села на пол.

Пусть холодный, но тоже неплохо.

– Ты это... – сказала я замку, который точно за мной приглядывал и с интересом. – Не шали, а? давай жить дружно.

Хлопнула дверь, громко так, издевательски.

– Я, между прочим, гостя. А гостей обижать нехорошо.

Дверь хлопнула дважды.

– Слушай, – наверное, это все-таки своего рода безумие, разговаривать со зданием, но я почему-то пребывала в престранном состоянии, когда все вокруг перестало казаться таким уж лютым бредом. Разум наш – хитрая штука. И вот я почти поверила, что все оно взаправду.

А если взаправду, то... Повелитель смерти, живой мертвец, точнее не совсем, чтобы живой или правильнее не совсем, чтобы мертвец? Не знаю. Главное, разумный Замок в картину мира вполне себе вписывается.

А лоб ноет.

– Слушай, – повторила я, пытаюсь сосредоточиться на мысли. – Я понимаю, что вряд ли тебе нравлюсь, но дело такое... я не сама сюда пришла. Это все твой хозяин. Вызвал. На мою голову.

Боль стала четче.

Ярче.

Я поморщилась. Интересно, у них тут анальгин имеется? Что-то подсказывало, что нет. И вместо него мне предложат какое-нибудь чудо-зелье из мышинных хвостов и глаз особо редкой лягушки. Нет уж, потерплю пока. Я потеряла лоб и пальцы нащупали шишку.

На лбу.

Слева.

И справа вторую, что напрочь опровергала теорию о естественном шишек происхождении. И главное, будь одна, я бы еще поверила, что меня незаметно лопатой огрели. И вправду, чего в жизни не бывает. Но две... два раза незаметно и лопатой?

– Чем скорее я сделаю то, чего он хочет, тем скорее отправлюсь домой.

Снова хлопнула дверь.

– Не понимаю. Давай так... один хлопок – это да, а два – нет. Понятно?

Хлоп.

Один.

Стало быть понятно.

– Вот... значит отправлюсь домой и...

Хлоп. И сразу второй раз.

– Погоди... это значит нет?

Хлоп.

– Да? В том смысле, что да, что не отправлюсь?

Дверь ляснула так, что стены задрожали.

– Потихе, а то перебудишь всех тут, – я поднялась, не отпуская рук от лба. А шишки росли. Вот просто всей своей дурной башкой чую, как они прибавляют. И ладно бы прибавило в каком другом месте.

На всякий случай пощупала грудь.

Нет, тут прибавления не наблюдалось.

– Я хочу домой... – пожаловалась я.

Раздался протяжный скрип, на вздох похожий.

– Значит, я тут насовсем?

Тишина.

Не знает? Ладно, постепенно разберемся.

– Я чего сказать хотела... я тебе не враг. Честно. И... и демон из меня примерно... ну как из твоего хозяина повелитель тьмы.

Где-то в глубинах дома что-то грохнуло.

– Извини. Не то сказать хотела. Я... я вообще понятия не имею, какими они быть должны. Повелители тьмы. У нас они как-то вот не водятся. Но он не похож. Честно. Он такой... такой...

Милый?

Пожалуй. И похож на Пашку, соседа моего, с которым у меня однажды почти сложилось, но не сложилось, а почему – и сама не знаю. Главное, что Пашка был добрым и надежным, и никогда-то ни в чем не отказывал. Помогал. И мы как-то всю ночь в парке прогуляли. Просто бродили от фонаря к фонарю, считали звезды и разговаривали обо всем на свете.

И о звездах тоже.

И тогда я еще подумала, что он классный парень. Но тогда у меня была любовь. Несчастливая и невзаимная, но ведь любовь же.

Вот я дура...

С любовью так и не сложилось, а Пашка женился. И почему-то его жена, очень красивая и столь же стервозная, нашу дружбу не одобрила. Пашку я видела не так давно. Он как-то постарел, помрачнел и выцвел.

Нет уж, я Повелителя в обиду не дам.

Демон я там или кто, но... но жену ему выберу хорошую. Знать бы, еще как.

Дверь появилась в стене. Вот была стена, и нате вам, дверь. Приотворилась так, приглашая. А я задумалась. Верить? А может, эта дверь в подземелье заведет. Или к Легионам Смерти. Или еще куда?

Дверь качнулась.

— Извини. Да. Странно просить о доверии и не доверять, — я поскребла шишку, которая уже не болела, но жутко чесалась. И вторая тоже.

За дверью... комната.

Длинная такая. Узкая. Темная. То есть сперва темная, но стоило мне войти, и вспыхнули огни, один за другим. Надо же...

Сколько их.

Огней. И еще портретов. Портретов больше.

— Это они, да? — я как-то сразу и поняла, куда попала. Оно и понятно. Конечно, можно собирать картины, вот только люди, на них изображенные, очень уж друг на друга похожи.

Семейные черты просматриваются в каждом.

— А начиналось все откуда?

Я огляделась.

Комната была... да, пора привыкать, что здесь вам не там. В эту комнату моя квартира влезет. И не комната, наверное, а зала. Смысл тот же, а звучит солиднее.

Теперь, когда света стало больше, я рассмотрела и паркет из темного дерева. Светлые стены. А главное, никакой позолоты. Картины и те в строгих рамах, и лишь таблички под ними поблескивают.

Я отошла от двери, которая тут же исчезла, правда, запаниковать я не успела, поскольку открылась другая.

– Это вы? – сонно поинтересовался Повелитель Тьмы, который без доспеха выглядел... вот по-домашнему он выглядел.

И совсем даже не смешно.

– Это я, – согласилась я. Он же щурился, и морщился, и прикрывал глаза ладонью. Разбудили? – Извините, что побеспокоила.

– Как вы сюда попали? – он подавил зевок.

– Пришла. В смысле дом ваш привел.

– Замок.

– Замок, – согласилась я, потому как спорить с теплым сонным мужчиной не хотелось совершенно. – Сперва приснилась ерунда какая-то.

Я потерла зудящий лоб и пальцы коснулись чего-то твердого и гладкого. Это же...

– У меня рога режутся? – шепотом спросила я, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не заорать.

– Что?

– Ничего.

– Режутся, – подтвердил наихудшие опасения Ричард. – А не должны?

Я промолчала.

Конечно, не должны! Вот... а если они не уберутся? Потом? Буду единственной в мире рогатой женщиной! Или... я ведь не вернусь. А здесь, глядишь, рогатой женщиной людей не напугать.

– Вы и вправду сможете меня вернуть? – эта мысль окончательно расстроила, потому что если он соврет, то... то кому здесь вообще верить.

– Не знаю, – врать Ричард не стал, но встряхнулся.

Домашний какой.

И босой.

Я вот тоже без тапочек. Тапочек не выдали. То ли забыли, то ли демонам не положено в тапочках. Главное, полы, пусть паркетные, но теплые, будто кто-то заботливо подогревает. А может, так и есть? Стоим вот. Пялимся друг на друга.

А без доспеха он... он и вправду дико на Пашку похож. Не внешностью, скорее чем-то большим, таким вот ощущением чего-то

донельзя близкого и родного. Так-то Пашка был повыше. А Ричард, он не слишком рослый. Средний. Рядом с ним я себе кажусь на диво долговязой и еще неуклюжей.

Крепкий.

И плечи широкие. Эта вот домашняя рубашка натянулась, и тянет пощупать, что под ней. И вообще пригладить светлые вихры, что торчат в разные стороны.

– Я постараюсь. Только... у меня не было толковых учителей. Ксандр что-то умел, но...

Дом заворчал.

Точнее замок. Прости.

– А ваш отец?

– Он... сложно все. Он тяжело переживал смерть мамы. А вы тут что ищете?

– Ничего, – мне показалось, что тема не самая подходящая. О родителях не разговаривают с теми, с кем знакомы пару часов от силы. – Просто вот спросила про Повелителей Тьмы и меня сюда привели. А вы...

– Услышал, что здесь кто-то есть. Живой, – уточнил Ричард. – Решил, что вы заблудились.

– В какой-то мере, – это я сказала совершенно искренне. Я ведь и в самом деле не найду дороги к своим покоям. – Покажете? С кого все начиналось?

– Прошу, – он поправил халат, который лежал на плечах атласным плащом и тут же спохватился. – Вам, наверное, холодно.

И покраснел.

И я покраснела, вспомнив, что стою-то здесь в майке да трусах.

– Холодно, – его халат был теплым и огромным. В плечах. Но от тепла я согрелась, хотя и сама не предполагала, что настолько замерзла. – Спасибо.

– Вы очень вежливый демон.

– Стараюсь.

Я поспешно запахнула полы, перевязав атласным поясом, слишком скользким, чтобы узел вышел надежным.

– Прошу, – Ричард предложил руку. – Знакомьтесь. Мой славный предок Ричард I.

Мрачный.

Вот что сказать. И главное, аккурат он в образ Повелителя Тьмы попал идеально. Тонкие черты лица, аристократическая бледность и выражение лица такое, прехарактерное, то ли запор, то ли родовая гордость наружу рвется.

– На самом деле портрет был создан в гораздо более поздние времена, это уже мой прадед позаботился. А тогда особо не было времени заниматься живописью. От него самого лишь дневники остались. И наблюдения. А это его супруга.

Женщина походила на мужа столь сильно, что поневоле закрадывались нехорошие мысли о родстве чересчур уж близком.

Я покосилась на Ричарда.

– Живописец, – пояснил он. – Очень известный и знаменитый. Он любил писать парадные портреты, но... вон там, взгляните, портрет их сына.

Ага, теперь понимаю. Ребенок с глубокой печатью аристократизма на лице.

– По-моему, он умел рисовать только одно лицо, – сказала я то, что в голову пришло.

– Точно, – Ричард улыбнулся. – А Ксандр говорит, что это я предвзят.

Я фыркнула.

И вот уж кого нам здесь не нужно.

– Ричард I не должен был наследовать, – Повелитель Тьмы вернулся к портрету.

Точно мрачный.

И недовольный. Счастье от обретения титула прямо прет.

– И его отец, и старшие братья, и сестры, почти все погибли, спасая мир от Младшего бога.

Я хотела было задать вопрос, но вовремя прикусила язык. Демонам подобные вещи знать положено. Я так думаю. И начини я вопросы задавать...

– Так и не удалось понять, кто и когда призвал его. И зачем... официально если, виноваты Дети Смерти.

– Это...

– Секта. Они считали жизнь лишь ступенью к чему-то более... – Ричард махнул рукой. – Великому. Бессмертному.

– Душа?

– Душа их не устраивала. Они искали способ достичь бессмертия во плоти. И для этого приносили жертвы.

– Ага.

А что тут еще скажешь. Веселый у вас мирок? Это я уже поняла. И потому промолчала, почесав рог, который уже выпирал на палец. Странно, что я даже не злюсь. Должно быть, шок сказывается.

Точно.

Как отпустит, так сразу истерику и устрою. А пока постою вот, послушаю про сектантов.

– Сейчас сложно что-то сказать... они погибли первыми.

Сами виноваты.

– Дети Смерти вроде как вели изыскания, пытались слиться разумом с демоном, точнее заменить суть демоническую человеческой, оставив, однако, себе мощь и бессмертие. И... наверное, что-то получалось, если рискнули призвать Младшего бога.

Он вздохнул.

– Город был разрушен, а все земли вокруг отравлены тьмой. И единственным убежищем стал Замок.

– Он живой.

– Я знаю, – Ричард неловко улыбнулся. – В нем душа моей прапрапра... бабки. Матери Ричарда. Она успела защитить детей, но только так... сложный ритуал. И теперь она не может уйти.

Как и я.

По спине пробежал холодок. Спокойно. Все может быть не так плохо.

Все может быть еще хуже.

– Это племянник Ричарда, сын его старшего брата.

Снова узкое лицо с характерными чертами. А ведь Ричард совсем на них не похож. Ни на кого не похож!

– Он сумел расширить границы чистых земель. А это его брат... у самого Ричарда была дочь, но о её судьбе ничего не известно. Мой отец, когда... когда была жива мать, пытался отыскать хоть что-то. Он предположил, что девочку переправили через горы, во внешний мир.

И правильно, я бы тоже так поступила, если во внутреннем смерть, страх и разрушения.

– Но возможно, она просто умерла. С детьми случается. Правда, отец утверждал, что в усыпальнице нет её саркофага.

– А должен быть?

– Обязательно, – Ричард остановился перед дамой в столь пышном платье, что оно, казалось, с трудом влезало в раму портрета. – Мы... тоже прокляты. И если не захоронить должным образом, то... вернемся.

– Как Ксандр?

– Именно.

– Погоди... то есть он...

– Он мой... точнее я ему прихожусь правнучатым племянником? Кажется, это так называется. Он был младшим братом моего прапрадеда, – Ричард задумался.

И я тоже.

Выглядел Ксандр довольно молодым.

– А сколько ему...

– Более двухсот лет. Даже триста, наверное. Он как-то... не распространяется.

Понимаю. Меня от мысли, что до тридцати рукой подать, корежит. А тут все триста. С другой стороны, я-то старею, а он?

– Он погиб... трагически. В горах. А вернулся уже вот...

Да уж, неудобно получилось.

Или... с другой стороны.

– А...

– Обычно те, кто возвращается с той стороны, они... не совсем те, кто уходят, – Ричард следовал вдоль стены, останавливаясь то перед одним портретом, то перед другим. А я не могла отделаться от мысли, что все-то они до отвращения одинаковы. Слишком уж одинаковы.

И это было странно.

Ведь даже в одной семье люди все одно отличаются. А они... они похожи. Ненормально похожи друг на друга. И не похожи на Ричарда.

– Когда-то мой... прапрадед... еще до появления Ксандра, решил, что это неплохой вариант. Личи сохраняют разум. Силу. Они почти неуязвимы. Идеальные бойцы.

– И?

– Он поднял своего почившего в бою сына. А тот спустя год вырезал человеческое поселение. Одно из первых. А когда отец попытался остановить, вырвал ему сердце.

Мда.

Так себе вариант.

– Его удалось упокоить, но с трудом. И тогда-то возник запрет.

– А Ксандр?

– Ксандр... сложно. Он ведь не сюда сперва вернулся.

Мужчина. И женщина. Брат и сестра? На нем знакомый доспех, а на ней платье, мало доспеху уступающее. Таблички. Имена. Ни о чем не говорят.

Да и надо ли мне знать?

– Он говорил, что всегда интересно было, что по ту сторону гор. Как люди живут и вообще... вот и ушел. Благо, мертвых Замок не держит.

– А живых?

– Надолго уехать у меня не выйдет.

Понятно, что ничего не понятно.

– Ксандр отправился путешествовать, а вернулся... в общем, мой прадед не стал его убивать.

– Сил не хватило бы, – этот тихий голос заставил меня вздрогнуть. – Не спится?

– И тебе тоже, – проворчала я, запахивая халат.

– Мне сон не нужен, – Ксандр дружелюбно оскалился, и от оскала этого я вздрогнула. – А вы решили заглянуть в прошлое?

– Так уж вышло, – я вцепилась рукой в воротник.

И второй – в руку Ричарда.

Подумалось, что вдвоем-то нам было неплохо. А теперь о душевной беседе и забыть можно.

– Вышло... что ж, история – такая вещь. О том, как правильно её понимать, рассказывают победители. Что же касается меня, то я вернулся весьма вовремя. Роду нужна была поддержка, а твой прадед оказался в достаточной мере разумным человеком, чтобы рискнуть. Мы заключили договор. И я принес клятву.

– Какую?

– Верности роду. Она и ныне со мной, демоница. И не позволит тебе посеять сомнения.

– Сомнения?

– Демоны коварны, мой друг, – сказал Ксандр мягко, ласково даже. – Они умеют казаться понимающими. Умеют слушать. Умеют

говорить. Умеют сеять сомнения меж близкими, заставляя
отворачиваться от них, предавать. Так что будь осторожен.

Ричард, кажется, смутился.

Глава 15

О назревающих переменах

«Красавица, 24 лет, интеллигентная, брюнетка, очень шикарная, прогремевшая в Ирнее и Ладхеме по красоте и нарядам, ищет знакомств, цель – замужество, с состоятельным господином пожилых лет»*

Брачное объявление.

Демоница ушла.

И халат унесла. И стоило подумать, как вспомнились вдруг длинные и на диво ровные ноги демоницы, и наряд её развратный, и вызывающе короткие волосы.

Запах меда и миндаля.

– Этак я начну нехорошее думать, – заметил Ксандр, разрушая воспоминания.

– Что?

– Спать с демоницей – так себе идея.

– Я не собираюсь! – Ричард почувствовал, что снова краснеет. Что за дурацкое свойство! Право слово, имея такую привычку поневоле начнешь ценить надежную сталь шлемов.

– И правильно.

Конечно.

Это и вправду неразумно. В высшей степени. Ему жена нужна, а... какая жена из демоницы? И сама она, небось, не слишком обрадуется. Нет, возможно, не откажет или даже сама попытается соблазнить.

Демоницы коварны.

Сладострастны.

Развратны.

Уши горели совсем уж нестерпимо. И Ричард поспешно почесал левое, пусть лучше будет красным и расчесанным, чем просто красным.

– Думаешь, что-то получится? – поинтересовался он, стараясь не глядеть на предков, что взирали с портретов преснисходительнейше.

– Что-то – несомненно получится, – согласился Ксандр. – Вопрос – что именно. Ты... слушай демоницу, конечно, порой, как ни странно, и она разумные вещи говорит, но думай сам. И вообще... зачем тебе жена?

– Наследник, – вздохнул Ричард, который этот вопрос, о жене, сам себе задавал и не единожды. – Ты знаешь правила. Наследник должен быть рожден в законном браке. Иначе...

– Иначе?

– Прекрати, – Ричард понял, что не в настроении играть в слова. Он, говоря по правде, эту игру никогда-то не жаловал. – Ты же сам мне говорил.

– Ну да, конечно... иначе сила не найдет нового вместилища, род угаснет, а Младший бог восстанет из пепла.

Почему-то это было произнесено с насмешкой.

– Ты в это не веришь.

– Да как сказать...

– Тебе напомнить, кто вообще про женитьбу заговорил? И кто меня убеждал, что уже пора. Давно пора? А теперь, выходит, ты меня спрашиваешь, зачем мне жена?! – на крик все же получилось не сорваться.

– Идем, – Ксандр развернулся, правда, встретившись взглядом с Ричардом I, который вдруг показался чуть более живым, чем это полагается портрету, споткнулся. – Покажу кое-что.

Дверь отворилась нехотя.

Замок Ксандра определенно недолголюбивал, уж не понять, по какой причине, то ли в силу мертвости его, хотя к прочим неживым он относился с полнейшим равнодушием, то ли по старой обиде. Пакостить не пакостил, но двери открывал неохотно, а пути прокладывал по дальним коридорам. И теперь, чувствовалось, сомневался, стоит ли пускать неприятного гостя – а замок до сих пор полагал Ксандра гостем – в библиотеку.

– Прекрати, – попросил Ричард, погладив стену. И вспомнилось, что демоницу-то Замок привел.

Сюда.

В закрытую галерею, в которую и Ксандра пускал через раз, хотя тот и сам не слишком стремился.

А вот и библиотека.

Огромная пустая зала. Характерный запах, который рано или поздно появляется в любой библиотеке. Полки, уходящие ввысь. Молчаливый страж, глаза которого вспыхивают алым. Страж склоняется, признав Повелителя, и отступает.

– Не отставай, – Ксандр ступает бесшумно, и тень его скользит по драгоценным коврам, которые давно пора бы почистить.

Сумрачно.

Шторы задернуты плотно и лунный свет почти не проникает внутрь. А шары вот разгораются, но как-то нехотя, словно Замок дает понять, что сам не отказался бы ото сна.

За первой залой вторая.

И третья.

Здесь хранятся карты того, давно ушедшего мира. И пользы от них – разве что память, но пускай себе. Снова дверь. На сей раз запертая.

– Открой, – это звучит резко, почти приказом, но Ричраду не хочется спорить.

Он устал.

И касается двери, которая отвечает на прикосновение всполохом искр. И открывается. Медленно. Раздражающе медленно. Еще и скрипит, словно вздыхает.

Еще одна зала. На сей раз небольшая и окон нет. Свет загорается не сразу, и здесь он бледный, дрожащий.

Неровные стены. Голый камень. Руны. Руны почти неразличимы уже. Запах пыли резкий, и тянет чихать. Ричард и чихнул. Звук утонул в стенах. А Ксандр поморщился. Его раздражали эти проявления телесной слабости человеческой.

– Смотри, – он поднял со стола стопку листов, скрепленных тонкой проволокой. – Это записки нашего пра... в общем, какого-то «деда». Сделаны лет двести после того, как все случилось. Тогда ситуация более-менее стабилизировалась, как я понял.

Запах крови.

Старый, душный. Он едва различим, но с каждым мгновением, проведенным в этом хранилище, запах становится все более резким. Это раздражало.

Вспомнилось, что некоторые свитки только кровью и писались. Иногда своей, чаще...

– Да взгляни же, – Ксандр едва ли не силой сунул листы. – Вот, что он пишет.

Вязь букв. Почерк аккуратный, как и у всех предков, это только Ричард пишет, что курица лапой. Но ему хроник не оставлять.

Он пробежался по строкам.

Ничего особого. Еще один дневник, правда, этот Ричард прежде не читал. Хотя... все они похожи друг на друга.

Замок.

Прорыв.

Нестабильность. Разлом. Демоны. И твари хаоса. Восставшие кладбища, которых слишком много, да и как оно может быть иначе, когда погибли города.

– Не понимаю, – Ричард прочел дважды.

– Я тоже не сразу сообразил, но вот... смотри, – Ксандр ткнул в строку. – Видишь?

– Вижу. И что?

Кривоватые строки, и идеальный почерк теряет идеальность. Слова, за которыми видится отчаяние. Те люди стояли на грани.

И удержались.

Они смогли. А Ричард? Он даже жениться не способен сам, чего уж говорить о прочем.

– Они устали, Ксандр, – Ричард сложил страницы вместе. – Вот и написал. Ты же не думаешь, что он это всерьез?

...складывается ощущение, что чем больше нас здесь, тем сильнее ярость тварей.

Это просто слова.

Слова и ничего более.

– Я как раз думаю, что всерьез. Смотри, – Ксандр вытащил из-под стола лист. – Видишь? Здесь количество прорывов первого, второго и третьего уровня. А здесь – вы. Точнее мы.

Извилистая линия, пересекающая лист, похожа на змею.

– Времена Сакхара Кровавого. Он сам, трое его братьев, его и их дети. Род на пике силы, и в итоге прорывы случаются едва ли не каждую неделю, причем столь серьезные, что дважды речь заходила о самопроизвольных вратах. Им не позволили образоваться, но ценой жизни трех Архагов.

Точки.

Линии.

Это не может быть правдой.

– Прорывы стали реже. Но они были все еще опасны и унесли жизни многих. Уцелел лишь старший сын Сакхара и его младший брат. Они были юны, но именно в первые годы их власти прорывы практически не беспокоили земли.

Конечно, не может. Совпадение.

Сакхар закрыл врата. Случился выброс энергии в межмирье, а стало быть, и каналы, связывавшие миры, дестабилизировались. Все объяснимо.

– А вот у Эшту появляется жена и дети, и у его брата... – палец Ксандра скользит по линиям. – Они входят в возраст силы и... количество прорывов увеличивается.

Нет. Это... это можно опять же объяснить стабилизацией. Время идет. Остаточная энергия в межмирье рассеивается, а в долине, наоборот, накапливается, ищет выход, разъедая ткань мира, вот и получается, что получается.

Не получается.

– Это невозможно.

– Мне тоже так показалось. Поэтому и молчал. Хотел проверить, но... взгляни. Я восстановил последние три сотни лет. Как только наш род набирает силу, случается беда.

Лист.

И линия змея. И еще лист. Имена. Факты. Ксандр не стал бы врать. Не так. Не с фактами. Факты ведь легко проверить. Но если допустить даже не мысль, тень мысли, что все может быть так, как говорит Ксандр, то... получается...

– Мне нельзя жениться?

– Не знаю, – Ксандр осторожно забрал лист. – Понимаешь, я бы хотел сказать точно. И может, это был бы идеальный вариант. Архаги уходят. А с ними и тьма покидает мир. Демоны остаются вовек по ту сторону его, а здесь наступает эпоха всеобщего благоденствия.

Заманчиво.

Проклятье, до чего заманчиво. Всего-то и надо, уйти. Ведь никто даже не требует смерти. Просто тихая жизнь в старом замке, в привычной пустоте.

И тихая же смерть от старости или по иной какой причине.

– Проблема в том, что... я не уверен.

– Ты же сам мне это показал!

– Показал, – согласился Ксандр. – Но я тоже могу ошибаться. И чего-то не понимать. Недопонимать. Может... может, тьма слабеет сама по себе? Независимо от нас? Или наоборот, мир призывает нас, когда тьма усиливается? Не количество прорывов растет по мере появления новых Архагов, а наоборот? Архагов становится больше, когда крепнет тьма? И да, может, ничего не случится, когда тебя не станет. Или наоборот, все произойдет именно так, как было сказано? И что тогда?

Ксандр сложил бумаги.

– Если бы я был уверен, что наша гибель пойдет на пользу миру, я... нашел бы способ.

И это прозвучало вполне искренне.

– И что нам делать? – Ричард понял, что окончательно запутался.

– Мне? Дальше искать. Я хочу отправиться... туда.

– Нет.

– Ричард!

– Нет! – Ричард потрянул головой. – Это опасно.

– Я мертвый, между прочим. Мне сложно навредить.

– Смотря что считать вредом. Ты мертвый. И ты... создание тьмы. Не мне говорить, как остаточная сила способна повлиять на тебя. Мне бы не хотелось... делать то, что не сделал мой дед.

– А сможешь? – Ксандр оскалился и в какой-то момент показалось, что вот оно, истинное лицо. Лича. Немертвой твари, которая способна с легкостью выдрать глотку человеку.

– Смогу, – Ричард выдержал взгляд. – Но мне будет больно.

– Ты всегда был слишком чувствительным для Повелителя Тьмы.

– И название мне не нравилось, – согласился Ричард. – Какое-то оно... пафосное, что ли? Повелитель... тьмой нельзя повелевать.

Её можно сдерживать.

Если повезет.

Уживаться. Притерпеться друг к другу, как к неудобному, но уже ставшим привычным соседу.

Он вздохнул. И Ксандр тоже.

– Но съездить туда стоит, – сказал он. – Может... отправить кого?

– Кого?

– Кого-нибудь... живого.

– Из живых тут я и демоница. А её, сам понимаешь... я съезжу.

– Нет!

– Почему?

– Это опасно, – Ксандр сцепил руки за спиной. – Ты Архаг и... и тебя почуют. Она обрадуется. Тьма. И твари её. И... мы давно живем спокойно. Легионы, конечно, дремлют и восстанут по слову твоему, но сам знаешь, что от них осталась едва ли четверть.

Ричард подавил вздох.

Верно.

И надо бы заняться. Он давно собирался, но...

– Химеры измельчали и свирепости потеряли.

– Иначе им было бы сложно ужиться с людьми. Ты знаешь.

– Знаю. Это была моя идея, в конце-то концов, но... лошадей и тех мало. Случись что, их даже на один легион с трудом хватит. Нет, Ричи, нельзя. Тебе нельзя.

– А кому можно?

– Не знаю... может, кого из охотников послать? – Ксандр сделал вид, что размышляет, хотя Ричард готов был поклясться, что над этой проблемой он думал давно.

Очень давно.

Но почему бы не поддержать игру.

– Охотник погибнет. Скорее всего. А то и вляпается в остаточное пятно, и оно нам надо, новую тварь выискивать?

– Можно отряд.

– Отряд новых тварей выловить будет сложнее.

Ксандр хмыкнул.

– Говори уже, – Ричард опустил в кресло. В этой части библиотеки кресла были на диво неудобными, словно намекали, что не стоит задерживаться в хранилище, что не предназначено оно для душевных бесед.

– Орден.

– Что?

– Орден Света. Паладины.

– Ты... в своем уме?

– Нет. То есть, да, в своем. Послушай. Это, конечно, звучит довольно бредово. Но с другой стороны они же заявляют, что борются

со злом. Вот пусть себе едут и борются.

– Они, между прочим, тебя злом считают. И меня, – заметил Ричард и подумал, что только кремешной ночью в голову могут забрести настолько странные идеи. И главное, не просто забрести, а показаться вдруг на удивление логичными, даже правильными.

– Это они просто нормального зла не видели, – Ксандр занял второе кресло, где лежала мягонькая подушечка, расшитая лилиями. Стало быть, давно в хранилище ошивается, вон, и подушкой озаботился, что весьма актуально.

Ричард и сам не отказался бы. Кресла в библиотеке стояли жесткие.

– Думаешь, мы им покажем нормальное зло и они усовестятся?

– На это я бы не рассчитывал. С совестью у людей отношения сложные. Но вот попробовать...

– Они меня убить пытались, между прочим.

– Но не убили же!

– И тебя.

– И меня не убили, – Ксандр раздражал своей умиротворенностью. – Сам посуди. Во-первых, они живые. Во-вторых, рыцари, а стало быть, чему-то их там да учат.

– С нами бороться.

– В-третьих, глядишь, и решим... наши неразрешимые противоречия. Надежные люди говорят, что и им в последние годы несладко приходится. Зла-то, почитай, не осталось.

– Такое возможно?

– Ну... как сказать? Люди по-прежнему пакостят. Убивают, грабят, насилуют. Мошенники опять же. Но с этим обычная стража справляется. А вот порождения тьмы – это редкая редкость. Дошло до того, что многие в них и не верят.

Подобное было сложно представить.

– Скажу больше, – Ксандр кривовато усмехнулся. – Многие и в тебя не верят.

– Да?!

Это... это как вообще?

– Точнее верят, что ты существуешь, но... как бы это выразиться... просто как правитель. Обыкновенный.

Ричард подумал и решил, что, возможно, это и неплохо.

– А вот Легионы Смерти – это так, досужая выдумка. И химеры. И врата. Прорывы. Демоны. Времена ныне настали очень уж просвещённые. Кто поверит в демонов?

Тот, кто сталкивался с ними.

Ричарду опять не к месту вспомнилась одна весьма конкретная демоница, которая, как он надеялся, спала. И... и воображение тотчас нарисовало её, спящую, в этой вот короткой маечке, которая пусть и не из шелка, и кружев лишена, но... но уши опять загорелись.

– Поэтому, думаю, и откликнутся на твоё предложение охотно. В конце концов, может, оно и к лучшему. Нам давно пора было повернуться лицом к миру.

– А мы чем повернуты были?

– Сам придумай, – огрызнулся Ксандр. – А что до паладинов, то я серьёзно. Напиши им.

– И что мне им написать?

– Ну... понятия не имею. В невесты, конечно, магистра не пригласишь, – Ксандр хмыкнул, явно представив что-то своё, наверняка, непристойное. – Но говорят, что, в отличие от предыдущего, человек он здоровый и не особо фанатичный.

Это... успокаивало. Хотя не особо.

– Пригласи его.

– Вот так просто?

– Можешь, сложно, но... повод есть. Пусть явится. У тебя вон люди съедутся. Принцессы. С ними компаньонки, подруги, служанки. Сопровождение опять же.

Ричарду подурнело.

– Так что одним человеком больше, одним меньше... а людям понравится.

В этом Ричард очень сомневался. Ему-то казалось, что смерть жениха в преддверии свадьбы – не то, что может понравиться невесте.

Хотя...

– Напишу, – пообещал он. – Завтра.

** На основе реального объявления из «Брачной газеты»*

Глава 16

Где повествуется о теплой встрече родственной, тайнах и заговорах коварных

«Молва глаголит, что стать чернокнижником способен каждый, ежели лишь отринет он благословение светлых богов и душу свою отдаст тьме. Истина же в том, что постижение любых наук магических, будь то светлых или темных, требует дара. А потому человеку, его лишенному, не способны повредить ни погосты, ни черные коты, ни иные, самые верные, тьмы приметы. И путь к ней вовсе не так прост, но, к сожалению, не так и сложен, ибо решение, ступить ли на него, лежит на самом человеке»

«Размышления о сути силы и её применении» за авторством Тадеуша Липника, философа и мага, писанные в год 1734 от великого исхода.

Братец определенно стал старше. Прибавил в росте и плечах, но вот взгляд остался прежним – лихим, слегка придурковатым. Мудрославу он встретил, сгреб, сдавил в объятьях и за щеку ущипнул, отчего появилось стойкое желание отвесить братцу пинка.

Потом.

Позже.

Сейчас-то все смотрят, стоит боярство, шубами друг перед другом хвастается, у кого мех гуще, у кого шелк глаже, у кого каменьев больше. Рядятся, кивают важно, мол, так оно и должно быть.

Прав государь.

– А ты отошчала, – сказал братец громко, и свита его ближняя, что стала в углу палат парадных подхватило сказанное слово, склоняя его на все лады.

Пустобрехи.

– Ничего, откормим. Хотя... может, этот самый, он девок тощих любит, на западную манеру, – государь сделал вид, что задумался. Но

думать ему, как всегда, надоело и он махнул рукой. – Иди, отдыхай, сестрица. После поговорим.

Поговорим.

Всенепременно. Мудрослава ощутила, как закипает внутри ярость. Да как он, пусть и законный наследник, государь даже, смеет обращаться с нею, будто с одной из своих подружек?!

– Спокойно, государыня, – произнес Древояр мягко. – Улыбайтесь. Помните?

Помнила. Еще бы забыть.

Улыбаться.

Отвернуться.

И с видом, будто бы ничего-то не слышала, не видела, вовсе не заметила, удалиться в собственные покои. И там-то, в знакомых до боли стенах, нельзя дать выход ни слезам, ни гневу. Девки суетятся, помогают разоблачиться, скинуть надоевшее дорожное платье. И свербит мыслишка, свербит, что ныне же пойдут гулять по двору слухи, что совсем она бедна, что у иных половых девок наряды краше, нежели у царевой сестры.

Плевать.

Братец объявился к вечеру. Весел. Нетрезв. Слишком уж весел и до того нетрезв, что с трудом на ногах удерживался. От него пахло вином и дымным зельем.

– Славка! – возопил он, сгребши в объятия. – Как я радый, что ты вернулась!

Икнул.

– Сядь, – велела Мудрослава и подтолкнула легко. – На от, выпей.

Перечить, к счастью, не стал. А она взмахом руки отослала девок, что целый день вились, надоедливые, и сказала:

– Как же ты дошел-то до жизни такой, Ярушка?

– Сам не знаю, – братец вдруг сник как-то и разом, икнул, а после его совершенно не по-царски вывернуло, благо, Мудрослава была и вправду женщиной разумной и бадейку поднесла, поставила.

– Что ты мне... налила, – Яр икнул и вытер рот ладонью.

– Ничего особенного. Просто травы.

– Отравить решила? – сказал будто в шутку, а взгляд вот серьезный, настороженный.

– А надо?

– Это ты мне скажи, надо ли. Вона, бояре спят и видят, как бы меня с отцова места скинуть да тебя посадить. Мол, и умна, и рассудительна, не то, что я.

– Больше слушай.

– А другие говорят, что опасно. Что надобно тебя... в монастырь сослать, к жрицам. Или еще куда.

– В замуж?

Братец кивнул.

– Поэтому ты... выбрал? Такого, которого тут в жизни не приняли бы, да?

Яр развел руками.

– Лучше уж замуж, чем в монастырь.

С этим Мудрослава спорить не стала, вздохнула лишь и чашу наполнила.

– На от, полегчает. Когда ты столько пить начал-то?

– Не знаю. Как-то вроде и не собираешься, а начнешь и...

– Идет гульба.

– Точно, – он икнул и поспешно зажал рукой рот. – Отец бы выпорол, да?

– Да, – согласилась Мудрослава.

– И Древояр смотрит так, что... но бояре шепчутся, а... гнать их всех надо было. Теперь уже... поздно.

– Начать думать никогда не поздно.

– Вот. Я себе это тоже повторяю постоянно. Как проснусь. Только все равно думать не получается... говорят, что жениться надо. А на ком?

– У меня спрашиваешь? – вот теперь Мудрослава искренне удивилась.

– Ну... а у кого? Бояре начнут дочек своих пихать, кричать, что надобно смотрины и все такое, по старому обычаю. Друзья... в общем, то же самое. И у них имеются сестры и сородичи. Если подумать, то разница между ними и боярством невелика. Да и друзья ли? Хрен их разберет. Древояр говорит, что стоит подумать и породниться с кем-то из этих, заграничных... а наши будут против. И что делать?

– Думать, – Мудрослава не удержалась и отвесила брату затрещину, легкую, пусть бестолковый, а все одно родной. И обида, что грызла её изнутри, куда-то да подевалась.

– Я думаю, – протянул он обиженно.

– Думай интенсивней, – хмыкнула Мудрослава. – На самом деле Древояр прав. Кого бы ты ни взял жены из наших, то с женой получишь и всю её родню.

– Это да...

Яр тяжело вздохнул.

– Умыться дашь?

– Дам. Сама и полью.

Мылся он шумно, отфыркиваясь, отряхиваясь.

– Прости, – сказал после.

– За что?

– За то, что дурак, наверное. Был и... остался. И останусь. Когда... мне и вправду показалось, что идея-то неплохая. Он же ж не урод был, твой супругник, даже напротив. Ничего такой. И веселый, нравом легкий. И я подумал, что все у вас сложится. А оно вон как получилось.

– Получилось, – отозвалась Мудрослава эхом.

– А потом уже... то одно, то другое. И... ты ведь не жаловалась.

– Надо было?

– Пойми, я не мог тебя вернуть! Просто не мог и все! Сейчас... дай отойти. Все расскажу. Сразу, наверное, надо было. Только я тогда соображал не особо. Тут шептаться стали, обо мне, о том, что если тебе мужа отыскать толкового, то и я не больно-то надобен. О том, что можно даже тебя вернуть, а там... я бы сидел на троне, а ты бы правила.

Воду он пил жадно, крупными глотками.

– Тебя чем-то опаивают, – осторожно заметила Мудрослава.

– Знаю.

– Знаешь?

– Я ведь не совсем дурак, хотя и стараюсь... тут еще когда началось... пока не пойму что, сперва выглядело просто возней, обыкновенною, но потом стало ясно, что дело серьезное. И... ты им не нужна, понимаешь?

– Не совсем, – вот теперь, пожалуй, Мудрослава удивилась.

– Я думал. Долго... много... не смейся только!

– Не смеюсь.

– Кто-то из своих, из ближников, может, еще отцовых. Дурман-траву подсыпать стали еще до твоей свадьбы, сперва крохами совсем... – он вытер лицо и попросил. – Поори.

И сам куда громче сказал:

– Как велел, так и будет!

– Да как ты можешь! – завопила Мудрослава во всю мощь. – Как ты смеешь предлагать мне...

Яр щелкнул пальцами, устанавливая полог.

– Молодец, – он отряхнулся, окончательно скидывая маску. И Мудрослава с трудом сдержалась, чтобы не рассмеяться. Вот, стало быть, как. Всех обманул.

Всех ли?

– Древояр...

– Нет, – брат покачал головой. – Боюсь, что он в этом деле свой интерес блюдет. Насколько глубоко влез, сказать не возьмусь, но влез точно.

Плохо. Настолько, что в горле ком становится. И тут же тает. Ошибся Яр. Не может такого быть, чтобы Древояр предал. А вот Яр ошибиться – вполне.

Он ведь частенько ошибался.

– Началось именно с его желания выдать тебя за этого... как его там...

– Старомысла?

– Да. Сперва я думал согласиться.

– Чего не согласился? – обида всколыхнулась.

– С того, что уж больно уверенно стал вести себя этот вот... Мысл. Не со мною, нет. С прочими. Так, будто бы это он тут за хозяина. А у меня сразу друзья появились. Верные. Да. Вот не было, не было, а они взяли и появились. С вином и девками веселыми, с играми да забавами. Древояр хмурился, конечно, бровями шевелил, но делать ничего не делал. Мол, не может он против меня идти.

На светлых волосах брата блестели капельки.

– Главное, прежде-то он с легкостью убирал тех, кого лишними полагал. Тех, кто не спешил гулять да пить. Потом... потом одного дня я напился так, что... в общем, очнулся в лесу, в избушке одной. Сам сперва не понял, где... там женщина одна.

– Женщина?

– Женщина, – повторил Яр. – Хорошая. Теперь я понимаю. Тогда дураком был, рвался, а куда... все, будто в тумане. Она и сказала, что травят меня. Дурман-зельем. И медленно так, потихоньку, чтоб со стороны незаметно было.

Спина похолодела.

– Ты ей веришь?

– Ей только и верю. Боги меня к ней привели.

– Женись тогда.

– Славка!

– Если боги привели.

– Вообще-то ей семьдесят три, она, конечно, куда моложе глядится, но... дело не в том. Она меня отпоила. И дала кое-что с собой. Только велела осторожнее быть. Я вернулся. И самое интересное знаешь, что? Что никто-то вовсе не заметил, что меня не было! Три дня. А никто и не заметил.

– Как такое может быть? – Мудрослава села.

– А вот так, Славушка. И ты не заметила.

– Нет.

– Вспомни. Это незадолго до свадьбы твоей было. Помнишь? Охота, потом посольство.

Посольство она помнила, но как-то... мутно, смутно, будто сквозь стекло старое глядела. Люди какие-то. Речи. Даже свадьба собственная, словно в тумане.

– И тебя поили. Я как вернулся, так и понял. Потому-то и поспешил со свадьбой, думал, что тебя отправлю, куда подальше, а сам разберусь. А они вон...

– Они?

– Древояр один не справился бы. Не рискнул. Нет, что-то более сложное... может, и он сам замороченный. Не знаю. Я думал сперва, что быстро пойму, да только чем дальше, тем меньше. Приходится вот... играть. Фролушка поит. Мой самый наилучший дружок. Правда, к Древояру захаживает частенько, но о том никто ведать не ведаёт, знать не знает. А в последнее время все стал заговаривать, какая у него сестрица красивая и добрая, вся собою распрекрасная.

– Это который...

– Вышняковский, – подсказал Яр. – С ним еще Лукин и Переславич, но тот в стороне, что подозрительно. Пить почти не пьёт,

а вот дурость всякую придумывать горазд.

– Сдай в Царский приказ, пусть разбираются.

– Если разберутся. Приказом, коль помнишь, ведает Квятин, который на родной сестрице Вышняковского женат.

Плохо.

Очень плохо. Мудрослава попыталась вспомнить, что еще знает и к огромному ужасу своему осознала: пусто в голове. Настолько пусто, что... что это вовсе невозможно.

Первый страх унялся, вернув способность думать.

– Морочник, – выдохнула она, стиснув кулачки. – Кто-то темным ведьмовством пробивается. Вот и... Древояр был нам предан. Иначе невозможно. Его ведь не только слово, но и клятва держит. Ко всему он силен и... случись с нами что...

– Спокойно на трон сядет, иные слова поперек не скажут. А ты знала, что этот твой Старомысл, – имя братец едва не выплюнул. – На самом деле Древояру внуком доводится?

– Нет.

– И ведь славно... тебя вернуть. Замуж выдать. Там, глядишь, детки пошли бы... а я вот шею свернул бы на охоте или еще как. И ты бы на свете этом не задержалась. Горе великое. Но есть дитятко царское крови. А стало быть, и надежда для всех. Надо лишь дитятко вырастить да воспитать. Ты не представляешь, как он мне за этот год надоел. Мол, тяжело тебе там, грустно, нечестно это. Пусть ты и не девка, а вдова, все одно счастья заслуживаешь. И надобно тебя замуж выдать, а там уж спровадить куда подальше...

...чтобы не видела, как родной брат с ума сходит.

– Так что завтра не обижайся, пожалуйста, – Яр поднялся. – Дурковать стану. И в остальные дни... я не хочу, чтобы он заподозрил что-то. Мы с тобой поругаемся.

– По причине? Древояр уже знает, что я не против этого замужества. Что поеду.

– Знает, – согласился брат. – Это он ныне не против. Ты бы слышала, как он перед думой распинался, что, мол, негоже виросской царевне, будто какой-то там девке на смотрины ехать. Да еще к... этому вон.

Его передернуло.

И Мудрослава ласково погладила брата по плечу.

– Не нравится мне все это, – признался он. – Но уж больно случай удобный.

– Удобный?

– Человек, которому... я верю, действительно верю, Слава, он говорит, что тебя собирались выкрасть. Ну, скорее даже побег устроить. В храм. Он устал ждать.

– Древояр?

– Да. Или тот, кто за ним. Не знаю. Я... не уверен. Я думал, что смогу, справлюсь, но выходит, что нет... и помощь нужна.

– Моя?

– И твоя тоже. Прости. Совсем запутался.

Она погладила брата по волосам.

– Что еще ты знаешь?

– Это точно чернокнижник. Сила темная. Одного дурмана мало, а вот если с силой, то заморочить сумеет. Всех. И он таится. Стало быть, не так уж всемогущ, если прямо не действует, а исподволь. А еще он приносит жертвы, Слава.

– Что?

– Три девицы за последний месяц сгинули. Из дворни. Еще пара мальчишек.

– Совпадение?

– Если бы. Я сам... ходил. Кровью пахнет, только так, слабо очень. Он хитрый. И сильный. И... тебя не упустит. Или меня. Но если вдвоем отправимся, то и он вынужден будет за нами пойти, понимаешь?

– Вдвоем?

На губах Яра расплылась предовольная улыбка.

– Вдвоем, Славушка. И никак иначе... мне бы сразу с тобой поделиться, да испугался. Не знал, сколь сильно ты замороченная. А может и вовсе... – он махнул рукой.

– Я клянусь своей силой и душой, что не умышляла против тебя!

И сила полыхнула, отозвавшись. Заколело пальцы. Закружилась голова.

– Глупая. И я дурак, что сомневался. Но... послушай, что я придумал!

Мудрослава поняла, что это ей уже не нравится.

Глава 17

В которой девицы фантазируют, а реальность меняет жизненные планы

«Скромность, несомненно, украшает девицу, но лучше все-таки добавить к этому украшению иные. Для утра лучше всего подойдут жемчуга, ибо они подчеркнут ровность кожи и цвет её».

«Ода прекрасному или же наставление для дев о красоте и блюдении её»

Принцесса изволила пребывать во гневе.

Она швырнула туфлю в старшую фрейлину, но не попала, ибо фрейлина была опытна и ловка и от туфель за годы службы научилась уворачиваться.

– Нет! – взвизгнула принцесса, отправив вторую туфлю вслед за первой. Но и та была поймана и поставлена к первой.

Туфельки, к слову, были прелестнейшими, как и сама Летиция Ладхемская, которая, поймав свое отражение в зеркале, замерла, забывши о том, что злится. Точнее, вспомнивши, что злость может способствовать старению.

Она повернулась одной щекой.

Другой.

Щеки были нарумянены. Кожу покрывал толстый слой белил, отчего та казалась просто-таки неестественно белой. Губы выделялись ярким пятном, а над верхней сидела мушка. Бархатная. Сердечком.

Прелесть ведь!

И главное, что все вокруг то же повторяют. Нет, всех она не слушала, но одного очень и очень достойного человека...

Летиция поправила кружево, которое слегка сбилось. И повернулась к зеркалу боком. Корсет утягивал её, делая вовсе уж воздушной и пышные юбки эту воздушность подчеркивали.

Она осторожно коснулась пуховкой лба.

Потрогала волосы, ставшие жесткими от особого эликсира, благодаря которому пышная конструкция не рассыпалась.

– Вы прелестны! – подала голос фрейлина.

И туфельки тоже подала.

Именно. Прелестна. Очаровательна. Чудесна. Подобна звезде и самой пресветлой Богине, спустившейся на землю, дабы принести людям радость.

Строки сердечного письма согрели, правда, ненадолго, ибо напомнили о причине даже не гнева – раздражения. Летиция хотела было нахмуриться, но вспомнила о пудре.

Румянах.

Краске, что подчеркивала длину ресниц.

И о том, что лоб снова нужно побрить, поскольку пушок отрастающих волос пробивается даже сквозь белила.

– Маменька у себя? – она позволила одеть на себя те самые туфельки с пряжками-бабочками, и чулки поправить. – Передай ей, что я желаю беседовать!

– В том нет нужды, – раздался весьма спокойный голос королевы. – Все могут быть свободны. И, Нисса, пригласи сюда Её высочество.

– Я тут, – сморщила носик Летиция.

– Другое Её высочество, – уточнила матушка, входя в залу. И фрейлины, и служанки, и даже притихший было торговец притираниями, про которого Летиция напрочь забыла, поспешили убраться. И верно. Спорить с маменькой себе дороже.

– Мама! – возопила Летиция, вскинув руки. И широкие рукава скользнули к плечам, обнажив тонкие изящные запястья. Зеркало подтвердило, что трагизма в позе хватает, равно как и красоты.

Но матушка не вняла.

– Прекрати, – сказала она сухо и рукава одернула.

Оглядела Летицию.

Поморщилась.

– На кого ты похожа? – вопрос был произнесен с немалым раздражением. – Помнится, я просила тебя не усердствовать?

Летиция руки опустила. Смысл страдать, когда некому оценить эти страдания по достоинству.

– Я туда не поеду! – сказала она и топнула ножкой.

На фрейлин это действовало, а вот матушка лишь головой покачала.

– Это не обсуждается. Решение принято. Вы поедете обе.

– Обе?

– Матушка, – Ариция вошла в покои.

Потупилась.

Вот уж не было печали.

– Вы звали меня, матушка?

– Проходи, дорогая, – матушка приобняла сестрицу. – Пожалуй, мне следовало поговорить с вами ранее.

А лучше не говорить вовсе.

– Это касается последних новостей? – Ариция присела на край софы и расправила подол простого платья. Лишенное, что кружев, что украшений, оно смотрелась бы бедно, если бы не ткань. Роскошный жемчужно-серый шелк с каким-то невероятным розовым отливом подчеркивал фарфоровую белизну кожи.

А ведь и пудрой она почти не пользовалась.

И мушками.

Скромницу из себя строит. И выглядит также, бледно. Хотя следовало признать, что поклонники у сестры имелись. Но это лишь потому, что она принцесса.

И только.

– Именно, дорогие мои. Как вы знаете, наши планы несколько... изменились.

Летиция фыркнула.

Об этом знали, наверное, даже дворцовые крысы.

– Несчастье, которое случилось с твоим женихом, многими было воспринято, как дурной знак.

О да, а теперь и вовсе заговорили, что он не сам умер, а из-за этого... повелителя. Что будто тот, влюбившись в портрет прекрасной Летиции, взревновал и избавился от удачливого соперника.

Слухи льстили, но...

– Можно подумать, я его в бордель потащила! – вполне искренне возмутилась Летиция.

Матушка поморщилась. Во дворце старались не заострять внимание на обстоятельствах того... несчастного случая.

– Речь не о нем. Речь о тебе. Ирнейцы отказались и дальше вести договор.

Обидно.

Или не очень? Для самолюбия, несомненно, но вот в душе Летиция испытывала лишь огромную радость. От перспективы примерить ирнейскую корону отказаться было бы куда сложнее, чем просто от брака.

– Однако, возможно, и к лучшему, – продолжила матушка. – Мы с отцом обсудили это... письмо. И пришли к выводу, что предложение весьма выгодное.

– Мама!

Выгодное? Ехать куда-то... знать бы еще, куда! Главное, что там мрак и тлен, и разрушения. И мертвецы живые. И еще чудовища. А она принцесса! Она должна блистать при дворе, а какой двор у того, кто мертвецами окружен? Пусть и живыми.

Небось, оживший мертвец танцевать не умеет.

Или умеет?

Летиция помотала головой, отгоняя дурацкие мысли. Умеет или нет, не важно! Она не хочет замуж! Во всяком случае не за этого вот... Повелителя. Тем более она точно, совершенно точно знает, за кого замуж стоит идти. Человека умного, даже остроумного. Веселого. Легкого. Такого, который ценит её, Летиции, красоту.

И особенность.

А еще её любит. Несомненно.

– Нас с Проклятыми землями связывают давние отношения. Однажды уже ладхемская принцесса становилась женой Повелителя, и это принесло многие выгоды.

Началось.

Летиция закатила глаза. Сейчас матушка станет распинаться про торговлю, бюджет, долги... у кого их, если подумать, нет? Долги – это же еще не повод отказывать себе в маленьких радостях жизни.

– Ты знаешь, что мы находимся в довольно непростом положении...

Матушка говорила.

Летиция делала вид, что слушает, стараясь не слишком коситься на зеркало, благо, зеркал в комнатах её стояло много. И еще одно висело на поясе.

Простенькое. В серебряной оправе, но очень и очень миленькое. Пальцы погладили его, и Летиция слегка зарозовела. Он знал, что дарить.

И пусть был робок.

Скромнен.

Но разве это плохо?

– ...и таким образом этот брак позволит упрочить наше положение. Ясно?

– Да, матушка, – сказала Ариция.

Выскачка.

– Да, матушка, – Летиция вздохнула и подумала, что, если все так, то пусть бы дражайшая сестра и отправлялась в эту задницу мира.

Выходила замуж.

И крепила международные отношения.

А у Летиции есть собственные планы на жизнь. И в эти планы никакие там Повелители не вписываются. Матушка, кажется, что-то такое поняла, потому нахмурилась. И посмотрела так, что сразу захотелось покаяться. Правда, Летиция была в достаточной мере умна, чтобы подавить недостойное желание это на корню.

Она потупилась.

Взмахнула ресницами и вид приняла самый невинный.

– Он прислал дары, – произнесла матушка. – Думаю, вам будет интересно.

Интересно?

Разве что самую малость, потому как что может прислать человек, всю сознательную жизнь свою проведший в окружении мертвецов.

...драгоценности.

Такие, каких, наверное, и у матушки не было.

Две шкатулки.

И два ожерелья. Камни синие, словно море, яркие, огромные. И камни зеленые, что листва, но тоже яркие и огромные. Плетение золота, и блеск мелких алмазов, которые казались россыпью инея.

Ахают фрейлины.

Переглядываются.

Перешептываются. И наверняка, пойдут разговоры... пусть идут. Летиция подняла ожерелье повыше, позволяя прочим полюбоваться этой красотой, а для себя отметила, что в обитой бархатом шкатулке нашлось место и для серег, перстней и пары браслетов.

Впрочем, не только в её шкатулке.

Что ж... конечно, замуж она не собиралась, но почему бы не съездить? Хотя бы взглянуть на этого вот... повелителя, в сокровищнице которого водятся подобные чудеса.

– Разве это не мило? – сестрица первой примерила драгоценности, которые, коснувшись кожи, вспыхнули. И камни будто ожили, выпустив сонм пляшущих искр. Сама Ариция окуталась маревом, правда, ненадолго. А придворный маг охнул и не удержался, потянулся было к камням, правда, тотчас убрал руки за спину.

– Что это? – раздраженно поинтересовался батюшка, выпав из обычной своей полудремы.

– Это, ваше величество, защита. Древнее заклятие. Оно считалось утраченным, но... драгоценности отныне защищают Её высочество.

– От чего?

– Почти от всего. От яда. От заклятий враждебных. От стали и огня, – маг облизал тонкие губы. – Не думал, что кто-то сохранил подобное...

– Может, древние? – отец оживился и поманил Арицию. – Подойди.

И братец оживился тоже. Не удержался, ткнул пальцем в камушек и тотчас палец в рот засунул.

– Жжется, – пожаловался он матушке, а та нахмурилась, ибо не пристало принцу и наследнику вести себя подобным образом. Пусть даже в восемь лет.

Восемь – уже много.

– Нет, отнюдь. Работа вполне современная. В прежние времена предпочитали вещи более... массивные, – произнес маг, разглядывая драгоценности.

Или грудь сестрицы, на которой возлежало ожерелье.

Фрейлины шептались, будто бы маг был еще тем развратником. Но место свое он знал.

– Новодел, – подтвердил матушкин секретарь. – Несомненно. Однако весьма... изысканный. Вижу руку самого Феррела Фалийского...

И слова его породили новую волну шепота.

Летиция с раздражением подумала, что это она должна стоять там, перед батюшкой. И милостиво позволять всякие... разглядывания.

И даже слегка смущаться.

Ариция не смущалась. Она была совершенно безэмоциональна. Вот не было у нее способности чувствовать момент. Не было!

Летиция надела ожерелье и тотчас испугалась, что у нее оно будет другим. Но нет. Тело окатило жаром, а вокруг заплясали искры. Синенькие.

– Удивительно! Восхитительно! – придворный маг бросился и к Летиции, но трогать её благоразумно не стал. Только потер потные свои ладошки, верно, в избытке восхищения. – И подтверждает мою теорию! Можно допустить, что имелся в сокровищнице подобный комплект, но вот сразу два... а думаю, и больше!

– Больше? – Ариция примерила и браслет.

И серьги.

Вечно она лезет вперед старших!

– Несомненно. Невест-то больше.

Мог бы и промолчать.

Летиция молча вытянула руку, на которой сияло синим светом кольцо. Над ним плясали искры и это что-то да значило. Она даже ощутила силу, скрытую в предметах, но и только.

Двумя часами позже состоялась совсем иная встреча.

В саду. Благо, сад был в достаточной мере велик, чтобы люди могли в нем встречаться, не мешая друг другу.

– Ах, мое сердце разрывается от боли, – дон Сержио склонился над рукой. И горячий поцелуй его опалил кожу сквозь перчатку. – Стоит мне представить, какая участь ожидает ту, что стала владычицей дум моих.

Он держал руку нежно.

Очень.

И дышал так страстно. А еще стихи читал. От стихов ли, дыхания или еще чего, но в теле возникало престранное томление.

– Я жаждал бы спасти вас! О, если бы я мог... – и кружевной платок трепетал в ладони. От платка и дон Сержио пахло розовым маслом и розмарином. В парике его, весьма роскошном, виднелись посеребренные пряди, что выглядело эффектно и изысканно. Черное кружево подчеркивало белоснежный бархат камзола. И камни в нем сияли искрами.

– Вы можете, – руку Летиция не стала забирать, лишь огляделась воровато, но сад был пуст. Фрейлина, сопроводившая принцессу в сей укромный уголок, благоразумно удалилась.

– Но как? – взвыл дон Сержио. – Скажи, о прекраснейшая, что сделать мне, дабы навеки изгнать печаль из твоих очей?! Они подобны небесам, исполненным лазури...

Все-таки порой он слишком уж увлекался стихами, хотя следовало признать, что читал их вполне вдохновенно.

– Мы сбежим, – прервала его Летиция, поскольку поэма грозила затянуться, и пусть прославлялась в ней она, прекрасная кругом, но все равно стоило сперва о деле поговорить, а уже потом восторгаться.

Дон Сержио запнулся.

– Вечером. Сбежим и тайно обвенчаемся. Тогда я никуда не поеду.

– Но...

– Некоторое время матушка, несомненно, будет сердита. И отец тоже не сразу простит. Дедушка опять же...

Дедушка точно не поймет.

И Сержио он не примет. Ретроград. Да и идеи у него престранные. Все же знают, что благородный человек не может работать. Это честь пятнает в конце-то концов! Вот и Сержио... да и зачем, когда другие работают?

– Поживем год-другой в твоём замке, – Лукреция совершенно успокоилась.

В конце концов, не так она и пустоголова, как матушка полагает. Наоборот. Она все продумала!

Дон Сержио икнул.

– Потом, когда наследник родится... или наследница. Не важно. Нас простят. Матушка всегда так, сначала поругает, но простит всенепременно. Самое большее – пять лет.

Лицо Сержио почему-то вытянулось.

– Да, определенно... так никто и не скажет, что они были мягки и попрали приличия. Конечно, продержаться пять лет вдали от двора будет нелегко, но мы ведь можем создать свой собственный двор.

Сержио что-то булькнул. Наверное, от восторга и перспективы слова растерял.

– Небольшой, но изысканный. Пригласим живописцев, музыкантов. Поставим твой балет. И к нам будут съезжаться люди! О

нас пойдет слава, как о самой прекрасной, самой удивительной паре мира! – она прижала руки к груди и зажмурилась. – О, мы перестроим твой замок... и не только замок. И все земли!

– З-зачем?

– Чтобы соответствовали. Никаких крестьян, полей, пастбищ. Только чудесные лужайки и дивные сады. Назовем их Сады Любви. Тебе нравится?

– Но... это... это неблагоприятно! – выдавил дон Сержио и, кажется, слегка побледнел. Точно, кажется. Пудра такая. Надо будет сказать, чтобы сменил. Слишком уж неестественный оттенок получается. – Ваши венценосные родители...

– Конечно, осерчают. Тут думать нечего. Титулов могут лишить. Меня. Тебя-то не тронут, разве что немного... они же должны всем показать, что брак без благословения. Но не волнуйся, говорю же, это будет ненадолго. Пока мы не покажем всем, на что способна истинная любовь.

Раздался тонкий свист и Летиция поднялась.

– Сегодня, – сказала она строго. – В десять. Я жду тебя здесь. Готовь побег.

И удалилась.

Как прекрасное видение. Правильно. Она действовала именно так, как советовали в «Советнике для дам». Дарила надежду и исчезала, оставив кавалера пребывать в приятном томлении и душевном смятении. Насчет этого Летиция, правда, не была уверена, все-таки вслух дон Сержио не озвучивал ни про смятение, ни про томление, но очень надеялась.

– Дура, – её схватили за локоть и дернули куда-то в кусты. И прежде, чем Летиция успела завизжать, зажали рот. – Это я.

Ариция!

Следила! Вот ведь пакость мелкая!

– Только посмей мне помешать! – прошипела Летиция, испытывая преогромное желание укусить сестру, но та благо разумно руку убрала.

– Не собираюсь. Он не явится. Если осталась хоть капля мозгов в этой петушиной голове.

Летиция обиделась.

– Явится. Он меня любит.

– Тебя? Нет, он любит себя. В этом вы, к слову, похожи, – сестрица отпустила руку. – А еще он любит твой титул и перспективы, которые он открывал. Еще твое приданое. Но если ты сбежишь, то приданое могут и не выплатить, а титула лишат. И что останется?

– Наша любовь!

– Ну-ну, – фыркнула сестрица. – Знаешь, иногда мне начинает казаться, что ты не такая уж и дура. Но потом раз и все меняется. И понимаю, что именно такая... но и к лучшему.

Обидно.

До того, что прямо потянуло вцепиться в лицо этой... этой... слов нет, какой этой! Приличных. А неприличные принцессы произносят лишь мысленно.

– В общем, конечно, попробовать попробуй, но я особо и не рассчитывала бы.

Ариция её отпустила.

– Не донесешь матушке?

– Надо бы, но ни к чему. Спорим, он сегодня же уберется восвояси. Пришлет письмецо, что его домой срочно призывают. К одру больной матушки...

...батюшки.

Письмо доставили спустя четверть часа. И дон Сержио рассыпался в изысканных выражениях, заверяя в своей бесконечной любви, противостоять которой мог лишь сыновний долг.

– Ты... ты... – Летиция поняла, что еще немного и расплачется.

– Не переживай, – Ариция забрала письмо и пробежалась по строкам. – Нужен был тебе этот павлин?

– Кто?

– Яркие перья и пустая голова. Чтоб ты знала, он давно уже живет в долг. Земли заложены и перезаложены, там полнейший упадок. Замок не лучше. Тебе бы там не понравилось. Пусто. Сыро. Даже зимой не топят, берегут дрова. Он и здесь-то все больше по приятелям и в гостях столуется, чем у себя.

– Но... он же...

– Что он тебе дарил?

Пальцы Летиции сомкнулись на зеркальце.

– Что, цветы из матушкиного сада? Почти столь же прекрасные, как ты? – Ариция даже голос передразнила. Получилось очень

похоже. – Все-таки дура ты, сестрица... если где и организовывать свой двор, то там, где не надо зимой на дровах экономить.

– Думаешь?

– Думаю, что тот, кто прислал тебе небесные сапфиры способен и дрова купить. А мне изумруды... интересно, что остальным.

– А... а вдруг он страшный?

– Тогда испугаешься, – невозмутимо ответила Ариция и письмо поднесла к свече. Бумага вспыхнула сразу. – Но хотя бы действительности, а не своих о ней фантазий.

Глава 18

О тяжелой доле девицъей

«Если женщина ожидает ребенка мужского пола, то ее правый глаз будет ярче и подвижнее, чем левый. Правая щека будет румянее левой, да и все ее лицо будет живее, чем ранее. Вынашивая мальчика, женщина будет меньше грустить, чем вынашивая девочку»

«Трактат о женском здоровье и долголети, писанный мудрецом Астотелем в незапамятные времена и переведенный, а тако же истолкованный скромным иноком Спасием Чудоземцем»

Утром у меня прорезался хвост. Будто мне рогов было мало. Теперь зеркало, которое появилось на стене, огромное такое и издевательски точное, показывало, что рогов мне не мало. Были два. Темненьких, каких-то блестящих, словно лаком покрытых.

Остреньких.

Я пальцем потрогала. И даже не удивилась, что ноготь, акриловый, свеженарощенный, стал темным и тоже остреньким. С виду. И не акриловым.

Образ, стало быть.

Мать его!

Осторожнее ображать надо, когда призываешь. А то...

Я повернулась боком. Итак. Хвост. Одна штука. Длинный. И тонкий. Дергается, выказывая глубину моего возмущения. А еще и кисточка на конце, словно пуховка. Я поймала её, потрогала... и вот дальше-то как? Не то, чтобы сильно мешал.

И нервы у меня за ночь слегка окрепли. И разум смирился с неизбежностью, но... вот реально, вчера рога, ночью хвост. А дальше? Чешуя и крылья? И... и буду я вправду Пожирательницей душ. Ага. Вот имя-то матушкино и пригodiлось.

Захотелось всплакнуть над судьбинушкою своею горькою, но почему-то не плакалось. Я постояла перед зеркалом, прижимая хвост к груди, потом повернулась в другую сторону.

И задом.

И за спину попыталась заглянуть.

Крыльев пока не было. Пока... но ладно... вот другая проблема вставала в полный рост, что говорится. Хвост был. А одежды, которая подразумевала бы наличие хвоста, нет.

– Эй, – обратилась я к Замку, который точно за мной приглядывал, но вроде бы уже не зло. Похоже, смирился с моим присутствием. – Может... подскажешь, где здесь одеждой разжиться можно. Такой, ну... чтобы...

Хвост щелкнул.

Ай! Если хвостом и по кровати, то это больно, оказывается. И я на всякий случай снова поймала. Задумалась. Хвост был покрыт мягкой шерстью рыжеватого оттенка, такой короткой, и на ощупь словно бархатный. И кисточка... а ухаживать за ней как?

И за рогами?

Ногти-то подпиливают. А рога? Что делают демоны с рогами? И с хвостом? Его мыть надо? А как часто? И причесывать? И... и ведь следить, чтобы не вляпался там в варенье или еще какую пакость.

Надо будет спросить... если, конечно, Ричард знает.

Зеркало исчезло, убралось в стену, а взамен появилась дверь. В той же стене.

– Спасибо, – я коснулась ручки в виде дракона со сложенными крыльями. Надеюсь, за дверью гардеробная, а не очередная галерея семейных портретов. Ко встрече с благородными предками вот прямо так, с утра, я готова не была.

Но да... гардеробная.

Комната.

Я бы даже сказала, что гардеробная зала, ибо комнатой назвать подобное помещение язык не поворачивался. Огромное пространство, заставленное манекенами. На них – наряды. У стен полки, на них, что характерно, тоже наряды. И в коробках. И на вешалках. И... и нет, не мой фасончик.

Я обошла особо нарядный... наряд.

Как будто на абажур, тот самый, бабкин еще, оставшийся с незапамятных времен великого Союза, когда все-то было лучше и правильней, напялили бархатное покрывало. При том, что сам абажур имел вид слегка сплюснутый с боков, а размер немалый. Покрывало украшала вышивка.

Кружева.

А из него поднималась изысканная броня корсета.

Или корсажа? Всегда путала. Но этакую красоту я обошла бочком, бочком, руки за спину убрав, ибо золотое шитье манило, а голосок внутри нашептывал, что, если один шнурочек тихонько срезать, то с платья не убудет. А у меня мало ли как еще жизнь повернется.

Одинокой демонице в мире чужом несладко.

Совесть, к слову, помалкивала.

Нет уж. Вот до воровства я точно не опущусь. А позаимствовать... я прошлась по этой гардеробной зале. Не то. И снова не то... вот что за мода у них тут была бесчеловечная? Как платье, так на абажуре и даже с виду дико неудобное. Шляпки. Перья. Туфельки, правда, меня очаровали.

Внешне.

Но подошва тоненькая, кожаная, кажется. А верх атласный. В таких только по паркетам и ходить.

Я вздохнула.

– Спасибо, конечно, – я погладила стену. – Ты хотел мне помочь, но... понимаешь... я в этом всем просто утону и...

Я подняла панталоны из тончайшей ткани, украшенные, что кружевом, что жемчугом. Жемчуг на панталонах, надо думать, очень изысканно.

Слишком уж для моей неизбалованной этакою красотой психики.

Замок издал протяжный вздох.

И открыл дверь.

Из залы.

Ага, а за нею и вторая зала, не меньше первой. Это ж... это ж сколько платьев у одного-то человека? Хотя... тут они попроще, что ли? Никаких тебе абажуров. Наоборот, скорее. Прямой силуэт и ткани другие. Совсем другие. Скажем так, если поднять платье и посмотреть сквозь него, то... то видно будет неплохо.

Очень неплохо.

Я хмыкнула.

Миры разные, а причуды моды одинаковые. Я приложила платье к груди. Чувствую, что в таком виде я не за демоницу, а за суккуба сойду. Или суккубицу? Как оно правильно?

Или сначала надо что-то под низ надеть?

Не могли же они в самом-то деле вот так, почти нагишом... хотя... вспомнилась мне вдруг история про кисейные панталоны Пушкина*.

Ага, а вот и еще попроще.

Юбки... и платья. Никаких абажуров, никаких полупрозрачных тканей, навевающих совсем не те мысли. Платье стояло чуть в стороне и выглядело простовато. Узкий лиф, длинные рукава и прямая, в пол, юбка. Правда вот ткань... темная, то ли черная, то ли пурпурная, то ли даже лиловая. Мягкая до того, что я прижала её к щеке и замурыкала от удовольствия.

И примерила.

Правда...

— А хозяйка против не будет?

Замок вздохнул и в этом мне послышалось эхо печали. А я... я вдруг поняла: не будет. Нет её, хозяйки. И о ней Замок тоскует, пусть и понимает, что не вернуть.

— Прости, — я прижала платье к груди. — Я... я постараюсь аккуратно. И верну. Найду какие-нибудь вещи или попрошу. Точно. Попрошу. В конце концов, раз уж вызвал демоницу, так позаботься о ней.

Себя вдруг стало жаль.

И замок.

И платье, повисевшее тут... сколько? Давно. Под платьем обнаружилась нижняя рубаша из тонкого гладкого полотна. А вот панталоны были поменьше и не такими убойно-кружевными, да и без жемчугов. Покрутив, я вернула их на место. Нужда нуждой, но чужое нижнее белье носить — это как-то... чересчур.

Да, сегодня же поговорю с Ричардом.

Платье село, словно шито было именно на меня. И хвост под юбками спрятался, приник к ноге и тут же её обвил. А главное, так естественно получилось, будто у меня всю жизнь этот хвост и был.

Я огляделась.

Чтоб в гардеробной и такой огромной да без зеркал? Но нет, ни одного. Или...

— А зеркало? — поинтересовалась я у замка. И да, тот открыл очередную дверь, стало быть, приглашая. Я же вошла.

Комната.

Комнаты. Вон, двери и слева, и справа, и стало быть, за ними тоже что-то есть. Но двери заперты и, стало быть, меня туда не приглашают. А вот тут... что тут было?

Спальня?

Или, как это... будуар?

Кровать огромная, под балдахином. Ткань присобрали, перехватили шнурами. Кровать стоит на возвышении. А под ней – ковер. Я наклонилась и погладила. Мягкий какой... мебели немного, но она изящная, словно кукольная. Светлая.

И стены светлые.

На них – темные картины.

Пылью... нет, пыли нет. Но запах характерный для нежилого помещения.

Зеркало в дальнем углу. Огромное. В тяжелой раме. И совсем не похоже на остальные зеркала, на те, что висели в моих покоях. Смешно. У меня и покои.

Я подходила к этому зеркалу осторожно. Рама плотная, но лишенная, что завитков, что позолоты. Такая... будто наспех сделанная. Само стекло выглядит черным. И появляется нехорошее чувство, что не стоит в него глядеться.

Что мир-то не простой. И как знать, чего ждать от местных зеркал?

Я остановилась в шаге.

Ничего.

Просто... просто поверхность такая. А отражаюсь я. То есть, пока еще я себя узнаю. Это хорошо. Смешная я. Платье... платье сидит, как должно. Красивое. В той жизни я и мечтать о подобном не могла. И не мечтала. Тогда мне было как-то безразлично, что носить.

Теперь же...

Тоже.

Наверное.

Я повернулась боком. К этому платью еще бы и физию соответствующую. Чтобы не такая мятая и растерянная. Волосы за ночь спутались и потемнели будто бы. Или это освещение такое? Не знаю. Зато вот рога смотрелись вполне себе органично.

Темненькие и блестящие.

Хвост тоже вынырнул из-под юбки, чтобы под нею же скрыться. Вот скажите, зачем вообще он нужен?

Хвост раздраженно щелкнул по ковру.

Ай!

Так, надо успокоиться. Я поняла. Настроение показывает. Надо бы попросить у хозяина не только нижнее белье, но и каких-нибудь местных книг. Что-то вроде «Известные факты о демонах» или «Демонология для чайников». Может даже «Как распознать настроение демона по положению хвоста».

Должно же быть что-то такое?

Момент, когда там, в зеркале, появилась она, я пропустила. Просто вдруг темная поверхность стекла еще больше потемнела. И пошла рябью. Мое отражение сделалось полупрозрачным, и сквозь него, словно сквозь толщу лица, выглянула женщина.

Я открыла рот, чтобы заорать.

И закрыла.

Она... она тоже открыла и закрыла.

Страшная? Нет... обыкновенная. Просто женщина. Красивая? Пожалуй, что нет. Симпатичная. Круглое личико. Мягкие черты. Веснушки... она... она кого-то мне напоминала. И я не сразу поняла, кого именно.

А поняв, удивилась, почему не сразу увидела это вот сходство.

– Здравствуйте, – сказала я почему-то шепотом.

Страх ушел.

Женщина открыла рот, явно желая что-то сказать, но я не услышала. И покачала головой. И медленно ответила:

– Извините, я вас не слышу.

Ее лицо исказилось, а из глаз потекли слезы. В следующее мгновение она выбросила руку, будто пытаясь выбраться из зеркала, и стеклянная его поверхность вздулась пузырем. Показалось, что вот-вот у нее получится, но нет, пузырь опал.

А зеркало погасло.

Только из деревянной рамы медленно вытекла темная алая капля.

Вот и что за хрень-то?

– Эй, – окликнула я.

Капля ползла по стеклу, медленно истаивая. И ни следа, ничего. Я подошла ближе. И еще ближе. И... от зеркала тянуло чем-то... вот как

будто где-то оставили приоткрытой форточку. А из нее сквозило.

Форточку в подвал.

Сквозило гнилью, плесенью и главное, ощущались они не столько носом, сколько всей кожей. Хвост нервно защелкал по полу.

Больно!

Боль и заставила меня отшатнуться. Отступить и... и едва не упасть, зацепившись за складку на ковре. Ну его... мрак полный.

— Это ведь его мать, да? Давай как раньше, один хлопок — это да, а два... или не хлопок, а скрип. Смотри, как тебе удобнее.

Скрип вышел душераздирающим.

— Полегче, — проворчала я, опускаясь на пол. Почему-то дрожали руки. И ноги. И хвост, выбравшись из-под юбок, ткнулся пушистой кисточкой в ладони. Он тоже дрожал. Вот и что я увидела, если даже хвосту страшно? — У меня нервы, между прочим.

Скрип был потише.

— Она была твоей хозяйкой?

Не скрип, а скорее вздох. И тоска. Такая, что у меня на глаза слезы навернулись.

— Ты... это... ладно, я разберусь. Постараюсь. А... ему ты показывал?

Дважды хлопнула дверь.

— Но почему?

Двери хлопнули все одновременно. И те, что слева, и другие, справа... и не понимаю!

— Я не понимаю! — взмолилась я. — Это как-то связано... погоди, ты с ним не можешь говорить?

Мысль бредоватая, если подумать.

Хлопок.

— Значит, не можешь. Или... или он тебя не понимает?

На идиота Ричард не походил, но мало ли, в конце концов, мы не так, чтобы давно знакомы для столь поспешных выводов.

Снова хлопок. И половицы скрипят, будто поторапливают. Намек, что мне пора бы убратся? Я встала. Осторожненько так. Огляделась.

Надо будет вернуться.

Надо...

— Она ведь там? — я указала на треклятое зеркало, которое пыталось слиться со стеной. Теперь оно походило на темное око,

сквозь которое на меня смотрело... нечто.

Двери хлопнули все и одновременно.

– Тише ты! Я поняла. Она там, и её... её надо освободить?

На сей раз Замок справился с собственными эмоциями.

– А... ты знаешь, как?

Молчание.

Неуверенность.

– Или хотя бы, где искать... ну, подсказки там? Где вообще узнать, что это за зеркало...

Что-то подсказывало, что просто отыскать молоток потяжелее и вернуться – вариант не из лучших.

Неуверенный хлопок.

– Вот с этого и начнем, – я вытерла потные руки о подол. – А теперь... теперь ты мне еще покажи, где тут у вас расческа. И завтрак!

В животе заурчало.

Есть захотелось со страшною силой.

** Как-то светило русской поэзии явилось в гости в панталонах из кисеи, причем не надев нижнего белья, чем премного смутило присутствовавших дам. Правда, до сих пор спорят, имела ли место данная история или же является она лишь фантазией.*

Глава 19

О жизненных планах

«Дабы приготовить майские яйца, отварите яйца до мягкости, затем проделайте в каждой яйце дыру с обеих сторон посредством некоего острия... размером с горошину, после чего выдуйте вон желтки, и весьма тонко накрошив петрушку, смешайте таковую с желтками, добавив к тому толку соли и перца; и добавьте к тому же один или же два (вареных) желтка, или же загустите посредством толики белого хлеба, дабы желтки не могли более течь, и с помощью ножа верните желток внутрь яйца. Приготовьте котел с кипящей водой, и положите в него яйца и таковые же сварите вкрутую, после чего выньте их и очистите, и разрежьте каждое из них пополам, и полейте топленным маслом и щавелевым соком»*

«Наставления доброй жене о ведении дома и кухарству».

Завтрак Ричард проспал.

Вот никогда прежде с ним подобного не случилось, чтобы вот так просто взять и проспать. А тут случилось. Главное, что снилось ему такое... непотребное, отчего проснулся он с горящими от смущения ушами и пониманием, что от демоницы надо бы держаться подальше. Умывание ледяной водой помогло, но... стоило её увидеть, и сон вдруг вспомнился во всех подробностях.

Проклятье!

Ричард поспешно занял место во главе стола и впервые вдруг показалось, что стол этот чересчур уж велик. И сама столовая. Она ведь рассчитана не на двоих.

Тишина дерет нервы.

— Доброго утра, — поздоровался Ричард вежливо, и демоница, презадумчиво созерцавшая тарелку вздрогнула и, казалось, только сейчас поняла, что не одна.

Знакомо.

Ричарду тоже случилось впадать в задумчивость.

— Доброго, — сказала демоница, подавив зевок. — Как ваше самочувствие?

– Спасибо. Прекрасно. А ваше?

– Тоже неплохо.

Ричард замолчал.

О чем дальше-то говорить? О чем вообще говорят с демонами? Как-то вот прежде нужды не возникало. Демонов, если и вызывали, то для дела. Там горы подвинуть, армию изничтожить, тварей тьмы побороть. Куда тут до бесед-то?

– Погода ныне... – Ричард вдруг осознал, что понятия не имеет, какая там, за стенами замка, погода. – Чудесная. Не желаете ли прогуляться?

– Да как вам сказать, – демоница вновь уставилась на тарелку. – А, собственно говоря, почему бы и нет? И... извините, должна спросить.

– Да?

Демоны никогда не извинялись.

Даже тот, который подвинул горы не в ту сторону, снеся пару поселений. Демоны извиняться не умели. Низшие. А вот коварству высших, кажется, можно было лишь удивиться.

– Вы не против, что я вот так... платье вот... – она подняла руку и теперь Ричард понял, что показалось ему немного странным. Если так можно было бы выразиться в отношении демоницы.

Платье.

На ней была не вчерашняя развратная одежда, а платье.

Роскошное, правда, кажется, из каррейской тонкой пряжи, крашенной в цвет черного пурпура.

– Моя одежда, как мне показалось, не совсем подходит к случаю... – демоница играла смущение и делала это столь умело, что прямо захотелось ей поверить. – К вашему миру. Может быть воспринята, как бы это сказать...

– Превратно?

– Именно. Люди порой бывают...

– Очень нервными.

Особенно, если речь заходит о тварях с той стороны.

– Точно. И я спросила, а дверь открылась. Замок... привел. И там гардеробная. Я вот и присмотрела.

– Тогда все в порядке, – Ричард отодвинул тарелку. Есть совершенно не хотелось.

– Да?

– Замок лучше знает, – он пожал плечами.

– А... вы его слышите? – поинтересовалась демоница осторожно так. – Замок?

– Иногда. Редко. Возникает порой чувство, что еще немного и пойму, но нет. Мой отец тоже не слышал. Не слишком хорошо. В старых бумагах я читал, что когда-то владельцы замка могли общаться с духом, но потом все изменилось.

– Интересно, – произнесла демоница, вновь уставившись на тарелку, а потом решительно встала. – Покажите мне его.

– Кого?

– Замок.

– Но... – мысль о том, что придется и дальше оставаться с ней наедине, – и куда подевался Ксандр, когда он так нужен? – одновременно и пугала, и притягивала. – Если нужно, он сам вас выведет, куда вам нужно.

Получилось донельзя косноязычно.

– А если не нужно, то не выведет, – закономерно подытожила демоница. – Но все равно, проведите экскурсию для дамы, что ли? Хотя бы для того, чтобы понять, как тут все сделать.

– Что сделать?

Ричард слегка напрягся.

Почему-то каждая фаворитка рано или поздно решала Замок преобразить. Ричард понятия не имел, почему это происходило, что вообще двигало женщинами в столь странных их желаниях, и зачем ему перестраивать Замок, тем паче, тот не желал перестраиваться категорически.

Замку было плевать на моду.

На открытые галереи

Подвесные мосты.

И крыши в циньском стиле, но чтобы всенепременно с черепицей темно-красной. Или синей. Или еще какой-то. Шелка на стены.

Бархат.

Жуть.

И ладно, с фаворитками Ричард и Замок как-то справлялись. Но демоница – это ведь совсем другое дело!

– Для начала убратъся.

– В замке чисто!

– Не сомневаюсь, – она сама взяла Ричарда под руку и глянула этак, печально. – Но вот где вы их поселите?

– Кого?

– Невест, – с бесконечным терпением пояснила демоница. – Вы не забыли? К вам придут невесты. И вряд ли одни. Они же принцессы. А значит, что?

– Что?

От демоницы пахло... цветами. Станный, неуместный даже запах. Но приятный. И напоминает что-то, а что – не понять. Воспоминание ускользало водой сквозь пальцы.

– Значит, что с принцессами придет и свита. Фрейлины там.

Ричард подавил стон.

– Служанки. Слуги. Охрана. Их всех где-то надо разместить. Добавим, что принцессы – народ капризный...

И вот надо оно ему было? Ведь на самом-то деле, какая разница? Закрыв шкатулки, перемешал, выбрал наугад и все. А ему захотелось чего-то эдакого.

Теперь вот думай, куда деть этих... невест.

С фрейлинами вместе.

– Их опять же придется кормить, – продолжала демоница. – Развлекать. Устраивать балы.

Стон уже не давился.

– Бальная-то зала имеется?

– Зачем?!

– Сложно устроить бал без бальной залы, – демоница огляделась. – Нет, можно, конечно, и тут... стол к стеночке сдвинуть.

– Его от сотворения Замка не двигали!

– Да? Ну ничего, как-нибудь если вместе взяться...

– Есть! – рявкнул Ричард. – Есть бальная зала!

А то ведь с нее станется прямо сейчас стол и к стеночке. Замок этого не оценит. И...

– Вот и отлично! Оценим состояние. Посмотрим, как и чем украсить. Вы знаете, как в вашем мире принято украшать бальные залы?

– Нет, – Ричард понял, что попал.

Что он идиот.

Что...

– Может, – робко поинтересовался он. – Вы как-нибудь сами? На свой вкус?

– Уверены? – взгляд демоницы вернулся к картине.

Пожалуй, идея и вправду была неудачной. Все-таки вкусы у демонов и людей несколько различались.

– Нет, не стоит... может... может, нанять кого? – Ричард с облегчением понял, что это и вправду неплохая мысль.

Есть же люди.

Специальные. Для особых поручений. Тот же Гроббе. На пиратов он с легкостью вышел. И с прочими тонкими делами справлялся. Вот пусть Ксандр и поручит ему всю эту... ерунду. А Ричард, может, действительно куда-нибудь уйдет.

В поход.

Именно.

Подумалось, что если уйти в совсем дальний поход и очень героический, скажем, лет этак на пару, то и проблема исчезнет. С залой. А вот с невестами как быть? Помнится, леди Низалия, умудрившаяся пробыть в фаворитках два с половиной года, весьма жаловала балладу о верности одной девицы.

Рыцарю.

Тот в поход ушел. Дальний. Как подозревал Ричард, движимый все той же надеждой, что девице надоест ждать. Но нет, не надоело.

Она ждала и страдала.

Страдала и ждала.

И так всю длинную-длинную балладу, под конец которой Ричард неизменно засыпал. Вот даже сейчас, стоило вспомнить, и на сон потянуло. Он отряхнулся и представил, что в Замке его тоже будут ждать. И не одна невеста, а...

Спать перехотелось.

В поход тоже.

– Нанять – это правильно, – демоница ничего такого не заметила. Или виду не подавала. – Нанять определенно понадобится.

– Кого?

В столовую вошел Ксандр. Был он до отвращения бодр и подозрительно доволен собой.

Вырядился опять же.

Рядом с ним Ричард остро ощутил собственную неказистость.

– Во-первых, дизайнера, – демоница загнула палец с тонким острым на вид когтем. – Во-вторых, прислугу.

– Тут есть прислуга, – возразил Ксандр.

– Она... уж простите... какая-то совсем неживая.

– Я старался, – Ксандр шаркнул ножкой и изобразил поклон, который показался весьма даже издевательским.

– Это отратно, но... понимаете, как бы это выразиться... ваши потенциальные невесты привыкли немного к другому. И то, что они увидят, может испугать.

Это точно.

Та же леди Низалия, помнится, долго отказывалась принимать местных слуг, все норовила своими обойтись. А те визжали, кричали и одна, особо нервная, даже кинула в Ричарда ночным горшком. Потом оправдывалась, что, мол, приняла его за умертвие.

Ричард, конечно, объяснил, что здешние умертвия безопасны, а против нездешних горшок не поможет. Но осадочек остался.

– Да и в целом... мы же решили образ менять, – демоница так оживилась, что даже приплясывала, а из-под юбок выглянул хвост.

Хвост?

Точно.

Хвост.

Такой вот... темный и тонкий. С кисточкой на конце, по которой искры пробегали. Тотчас захотелось хвост потрогать, но Ричард сумел справиться с недостойным этим желанием.

Вряд ли демоница поймет.

Хвост спрятался под юбками. И... как он там? А главное, удобно ли... с хвостом жить?

– Еще понадобится флорист. Распорядитель праздника. Повара... боже, – демоница закатила глаза. – И подарки... мы забыли про подарки!

– Кому? – поинтересовался Ксандр устало.

– Невестам, – демоница повернулась к Ричарду. – Сначала подарки, а потом все остальное...

...я слышала, что в нормальных замках имеются сокровищницы, но бывать в них вот как-то не доводилось.

Мы спускались.

Куда-то.

Узкая лестница. Серые стены. Глухой камень, навевающий мысли о вечном. И ощущение бесконечности. Спускаться ладно, но как я подниматься буду? Первым шел Ксандр, который сегодня вырядился в престранный наряд. Пышные короткие штаны темно-синего цвета были расшиты голубыми лентами. На лентах виднелись кружевные розы. В центре роз – крупные жемчужины.

Там, где заканчивались штаны, начинались чулки.

Такие вот, облегающие. Очень даже облегающие. И позволяющие оценить крепкие мускулистые ноги нежити. Наряд дополняла короткая куртка со странными рукавами, сквозь которые торчали куски ткани рубашки. Потому кружевной воротник колесом смотрелся даже гармонично.

Ну да не о нем речь.

В затылок сопел Ричард.

Сосредоточенно.

Он, к слову, был одет вполне по-человечески. Никаких тебе чулок и штанов фонариками. Нормальные брюки, белая рубашка и... халат вернуть надо бы.

Не хочется, конечно.

Он тепленький. И мягонький. И пахнет вкусно. Вчера я в нем так и уснула, а сегодня на всякий случай под подушку спрятала. Пригодится. Нет, решено. Возвращать не стану. У него, небось, еще есть. А я бедная и несчастная, обездоленная демоница.

Где-то над головой что-то ухнуло. И от неожиданности я присела, а хвост тотчас щелкнул по ступеньке. Больно же! Надо что-то с этими эмоциями делать, а то так и до перелома недолго. Хвост в гипсе как-то вот не вдохновлял.

Я взяла хвост в руки, чувствуя, что юбки несколько задрались.

И белье опять же.

Точнее полное его отсутствие.

– А тут магазины есть? – шепотом поинтересовалась я у Ричарда.

– В замке?

– Или поблизости.

– В деревне были лавки. Кажется. А зачем?

– Мне купить кое-что надо.

Лавки. А в лавках, надо полагать, тот самый суровый кружевной ужас, который я имела счастье лицезреть утром. Что-то подсказывало, что вряд ли на Проклятых землях найдется приличный магазин нижнего белья. В моем понимании приличный. Подозреваю, у местных будет несколько иное восприятие.

– Можно позвать торговцев сюда, если нужно.

– Надо бы, – я погладила кисточку. – Заодно и оценить. Предупредить... а то ведь скоро приедут.

При упоминании о предстоящем визите Ричард как-то погрузнел. Мне даже жаль стало человека. Живешь тут, живешь, а потом раз и долг с предназначением на плечи валятся, к женитьбе скоропостижной принуждая.

Тьфу, скоропалительной.

– Прошу, леди, – Ксандр остановился перед дверью. Ну... что сказать.

Серьезная такая дверь. Темная. Пусть дерево, но перетянутое железными полосами. А охрана где? Хотя... зачем охрана, если красть некому?

Замок, правда, имелся.

Навесной.

Амбарный, который видом своим напрочь убивал всякую мысль о солидности. Я даже подумала, что ждет меня глубокое разочарование, но нет.

Ключ в замке повернулся.

Ксандр отступил в сторону, позволяя Ричарду подойти к двери. И уже он положил на дерево ладони и тихо произнес:

– Откройся.

Дверь с едва слышным щелчком приоткрылась. Вот тебе и местные нанотехнологии. А Ксандр так может? Сомневаюсь. Он бы не отказался. И главное, на Ричарда смотрит так... нехорошо смотрит.

Или это просто тени на лицо ложатся?

На долю мгновенья показалось вдруг, что выглянуло из Ксандра то самое, нечеловеческое, мертвое, пугающее. Выглянуло и сгнуло без следа.

Я моргнула.

А Ричард дверь открыл и рукой махнул, мол, проходите. И... и как-то желания не возникло.

– Боиш-ш-шься? – просипел Ксандр, вдруг облизав ставшие такими длинными зубы.

– Боюсь, – страх был иррациональным, причем, как перед дверью, за которой притаилась тьма, так и перед Ксандром.

– Прекрати, – Ричард произнес это строго. – Иди наверх.

– Оставить?

Глаза сощурились. И красным полыхнуло. И я... я оскалилась! Я, цивилизованный человек, дитя эпохи гуманизма, оскалилась, как... как демоница!

А из горла вырвался клокочущий рык. И такой, что у самой волосы на затылке зашевелились.

От удивления.

– Оставь. Леди Пожирательница, прошу простить Ксандра. Ему тяжело находится здесь, – и вот теперь я поверила, что этот парень и вправду Повелитель.

Тьмы.

Ибо от голоса его вдруг стало очень и очень не по себе. Рык в горле застрял, я даже чуть не закашлялась. И захотелось спрятаться.

Куда-нибудь.

– И вправду, – кривовато усмехнулся Ксандр. – Что это я в самом-то деле... прошу прощения, леди.

Ножкой шаркнул и был таков.

Нет, вот только что стоял, паялился этак, с прищуром, полыхал демоническим огнем в глазах, а тут раз и нетушки. Сгинул.

Как это вышло-то?

– По легенде здесь хранится вместилище Духа, – Ричард распахнул дверь. – Сама суть Замка. А он Ксадра недолюбливает.

– Почему?

– Скорее всего потому, что он лич.

Логично.

– Мои предки всегда боролись с нежитью. А теперь нежить живет в замке.

– А...

– Ксандр не способен причинить вреда кому бы то ни было. Из тех, кто мои гости или друзья.

А у него друзья есть?

– Если бы у меня они были, – исправился Ричард. – Он опутан многими клятвами. И Замок его принял. Все-таки по крови он нашего рода. А еще порой мне и вправду кажется, что Замок весьма разумен.

– Не кажется.

– Думаете?

Я пожала плечами.

Замок... недолюбливает Ксандра, но терпит его. И ко мне приглядывался. И затащил туда, в запертые комнаты, которые, как понимаю, принадлежали покойной матушке Ричарда. И...

– Что случилось с вашей матерью? – тихо спросила я. И тут же прикусила язык. Не здесь. Не сейчас. Подобные вопросы не принято задавать малознакомым людям.

Ричард вздрогнул.

– Извините. Просто... те комнаты, которые заперты. Они ей принадлежали?

– Да.

А тьма за дверью отступает. Медленно, словно сквозь силу, вспыхивают камни. Один за другим. Их много. И свет их отражается в зеркалах. В какой-то момент этого света становится слишком уж много.

Я закрываю глаза.

* Рецепт из книги «Приглашение на кухню» (Франция, начало XVI в.)

Глава 20

В которой демон добирается до сокровищ

«Соедини три грана железа, вареного в крови крепкого жеребца, гран белого металла страны Ину и полграну звездного серебра. Добавь жабьей слизи, настою из помета летучих мышей, волосы ведьмы и сизый мох, который собирать надлежит кромешною полночью с молитвой и благословением. Когда меч будет выкован, опусти его в купель, наполненную вытяжкой из указанных ингредиентов. Однако ежели желаешь, дабы оружие твое обрело истинную силу и разум, добавь в купель крови демона»

«Трактат о сотворении оружия, писанный неизвестным мудрецом, утерянный и найденный силами ордена Света».

Сокровищница.

Это и вправду сокровищница, пусть совсем не такая, как представлялось. Никаких треснувших сундуков, никаких россыпей золота под ногами. Скорее на кладовую похоже. Хотя, если подумать, кладовая и есть.

Сундуки, к слову, тоже наличествовали. Солидные такие. Железом окованные, с покатыми крышками. Я погладила ближайший?

– Можно?

Ричард кивнул и, как показалось, с немалым облегчением. Кажется, он ждал расспросов. Но... и вправду не здесь и не сейчас.

Сначала нужно понять, что там за зеркало такое.

И вообще...

Я попыталась откинуть крышку, но не получилось.

– Позвольте, – а вот Ричард поднял одной рукой.

В сундуке обнаружились длинные ровные свертки, чем-то на колбасу похожие. Я пощупала одну. Монеты.

– Возьмите, – Ричард вытащил колбаску. – Если вам нужно что-то купить...

Нужно.

И... и это как-то не совсем правильно, деньги принимать. Просто так. В подарок. Не более неправильно, чем в душу лезть. Но мне и вправду нужно обзавестись и не только бельем. От зубной щетки я тоже не отказалась бы.

И от прочих важных вещей.

И...

И он ведь меня выдернул из родного мира. Так что, может, и не совсем правильно, но и не сказать, чтобы совсем неправильно. Этак я совсем запутаюсь.

Я взяла колбаску.

– Спасибо.

– Не за что. Мне самому стоило бы подумать. Извините.

– Не стоит...

– Отнюдь...

Мы замерли, уставившись друг на друга. А я подумала, что сейчас, вот так, он... он симпатичный даже. И ничуть не забавный.

Уставший.

Одинокий. И вызывал демона не потому, что так уж сложно выбрать жену, просто... просто устал от одиночества. Живому тяжело среди мертвецов, даже если ему кажется, что он привык.

Молчание затягивалось.

И... неловко так становилось. Я не выдержала первой.

– Покажите. Пожалуйста.

– Что?

– Сокровищницу. Сокровища. Никогда раньше сокровищ не видела.

Ричард огляделся так, будто и сам здесь оказался впервые.

– Несколько залов, – произнес неуверенно. – Здесь на текущие расходы. В основном монеты. Золото. Серебро. Медь на мелкие расходы держим наверху. Монеты чеканят на монетном дворе.

– Как неожиданно, – буркнула я, чувствуя, как отступает эта самая, неправильная, неловкость. Со мной она случалась и прежде, но... как-то вот.

Не вовремя!

Я тут демоница, между прочим, а не просто так погулять вышла. И... и у меня рога. Хвост. А ему нужна принцесса с хорошей

родословной. Так что, Жоржетта, выбрось эту дурацкую мысль из головы.

Да.

Так будет лучше для всех.

– Поставили его лет десять тому. Ксандр присоветовал. И организовал он, – Ричард потер лоб и вдруг признался. – Порой мне кажется, что я ему и вовсе не слишком нужен. Он бы и сам со всем справился. Да и справляется. А я...

– А ты?

– А я так. Для наличия.

– Бывает, – я вздохнула и потянула за руку. – А там что?

– Там... идем.

Мы пошли. Мимо сундуков. Мимо полок, на которых лежали ровные блестящие слитки золота. И не слитки – пруты. Серебряные тоже. Я даже потрогала один. Из любопытства.

– Это для монетного двора. Его порубят на куски, а из кусков отчеканят монеты, – пояснил Ричард. – Здесь еще золотой песок. И слитки, которые на переплавку, если вдруг понадобится. Золотой лом.

– Лом?

– Старая посуда, не представляющая особой ценности. Монеты разные, в основном ладхемские, но в последнее время Ксандр говорит, что в них стало слишком мало настоящего золота. Поэтому и собирает отдельно, как-то там очищать собирается. Необработанные камни.

На стекло похожи. Мутное. Грязное какое-то и не сказать, что вот это – алмазы.

Нет, такое дарить точно не стоит.

– Здесь уже то, что представляет и какую-то художественную ценность, – Ричард пропустил меня вперед. – Расставлено в хронологическом порядке. Чем дальше, тем более старые вещи.

– А...

– Есть еще зал с ценными артефактами. И... с особо ценными, но, извини, – он развел руками.

Ну да, не стоит ждать, что меня допустят к особо ценным.

– Вот, – Ричард подвел меня к одной из дюжины витрин. Стекланные дверцы распахнулись, стоило коснуться, и он вытащил шкатулку. – Посмотри.

Я посмотрела.

Отчего б не посмотреть.

Красиво.

Нет, серьезно, красиво. Темный бархат. Или это не бархат? Главное, темный, чтобы отразить все великолепие камней. Словно россыпь огоньков разноцветных.

Я не удержалась, потянула змейку ожерелья.

Теплая какая.

И будто живая, так и ластится к пальцам. Я приложила к шее, огляделась... зеркал нет. И ладно. Проще будет расстаться. В конце концов, все это – не мое.

И не для меня.

– И у вас наберется таких штук пять?

– Таких? – Ричард задумался.

– Девушек пять. И подарки надо делать, если не одинаковые, то равнозначные. Лучше пока никого не выделять, а то могут возникнуть... недоразумения.

– Вы правы. Спасибо. Сам бы я не понял.

Я не без сожаления вернула ожерелье в шкатулку.

– Что ж, пожалуй, найдется... камни разные будут, но сами комплекты схожи весьма, – шкатулку Ричард держал в руках. И смотрел почему-то на меня.

Ждал, что попрошу?

Я вдруг поняла, что да. Ждал. И что не отказал бы. Что отдал бы и её, и вообще все, что мне захотелось бы, во всяком случае, из этой залы. Но... но нет.

Я никогда и ничего не выпрашивала.

И не собираюсь.

Деньги? Деньги – это другое. Это... это чтобы белье купить. И платьишко, а то ведь принцессы нагрянут, а я тут так... демоницею торчу.

– Показывай, – я старательно сделала вид, что прямо сгораю от нетерпения.

Сгораю.

Ричард молча вернул шкатулку и достал следующую.

– Огненные опалы.

Камни и вправду пламени окаменевшему подобны.

– Сапфиры...

Вторая шкатулка, которая похожа на первую, как две капли воды. Только вот ожерелье внутри с темными, что морская глубина, сапфирами.

Изумруды.

И темно-красные рубины. А напоследок – розовые алмазы, баснословной, если подумать, стоимости. Но почему-то именно эти камни не вызывали в душе ничего, кроме восхищения работой мастера.

– Есть еще с жемчугом, хризолитами и чем-то там еще, не помню, честно. Когда-то я сделал большой заказ одному мастеру. Так, на будущее. Говорят, он стал весьма известным.

Наверное, это хорошо.

Но почему-то горько и даже обидно. Мне никогда не дарили ожерелий. Да что там ожерелий, колечек и тех... и не колечек. Разве что цветы на восьмое марта и то, потому что принято.

Вот ведь.

– Очень удобно. Есть просто браслеты там или серьги, или еще что-то для обычных подарков, – Ричард подошел к шкафу. – Фавориткам.

Захотелось огреть его шкатулкой по белобрысой макушке.

– А вот когда приходит время... расставаться, – он почему-то запнулся и слегка покраснел. – Я делаю подарок.

– Ксандр научил?

Ричард кивнул.

Правильно, кто ж его еще плохому-то научит?

– А... как ты поняла?

– Ты слишком порядочный, чтобы самому додуматься.

Почему-то он покраснел. Ну да, сомнительный комплимент, если подумать. Он же Повелитель, чтоб его, Тьмы. Зло воплощенное. Какая тут порядочность?

– Хорошо. Я думаю, подойдет...

Может, конечно, принцессы и капризничать станут, но что-то я сомневаюсь.

– Сегодня отправим и приглашение повторим. Вдруг кто не получил.

– Получили, – Ричард вновь помрачнел.

– Послушай, – смотреть на него было больно. – Но ведь тебе не обязательно жениться? Вот прямо сейчас. Что случится, если ты не женишься?

– Ничего. Только род прервется. И не останется живой крови, на которой держится завет. Оно ослабнет. И Младший бог пробудится ото сна.

А... это не то ли чудовище, лицемерие которого весьма способствует поддержанию диеты?

– Он воспрянет и пойдет по миру, повергая его в прах.

В общем, да.

Определенно аргумент.

Ричард перенес шкатулки к небольшому комоду, в который их и сунул.

– Наверх поднимут, – пояснил он, видя мой растерянный взгляд.

– Только их?

Кажется, понял. И улыбнулся так, лукаво.

– Лестницу эту создали давно, еще до того, как замок стал Заком. Если вдруг кто и проникнет в сокровищницу, то вряд ли сумеет многое из нее вынести.

Это да.

Какие сундуки с золотом, если я, чувствую, пролете на десятом просто лягу.

– Одно время я подумывал перенести все, но это долго и сложно, да и артефакты требуют особого хранения.

– Тогда да.

И мы снова замолчали.

А потом Ричард слегка откашлялся и сказал:

– Хотите, я вам покажу семейные реликвии?

– Хочу.

В моей семье реликвий не было. Не считать же таковой древнюю панцирную кровать или тот старый табурет, который маменька все грозилась выкинуть, но никак не выкидывала.

Почему-то при воспоминании о нем стало грустно.

Ну да, у кого-то табуреты, а у кого-то... что? Золото? Бриллианты?

– Это меч моего прадеда, – сказал Ричард, когда мы оказались в еще одном зале. Сколько их тут? Этот зал небольшой. И какой-то

темноватый. Но ни шкафов, ни витрин, ни полок. Стена. Алый бархат. Темное оружие. – Он сотворен из звездного металла и закален в крови демона.

Тут Ричард, кажется, сообразил, что сказал что-то не то.

– Извините.

– Ничего, – махнула я рукой. Демон... ну демон... когда это было.

– Это булава его брата...

Огромных размеров дубина тихонечко притулилась в углу. Я попыталась представить человека, который мог бы её поднять... воображение засбоило.

– Лук прапрапрабабушки...

...и кинжал, и снова меч, на сей раз огромный и изогнутый, таким только нежить и гонять. От меча тянуло чем-то недобрым, и я отступила, спряталась за Ричарда.

– На его счету пять демонов. Во времена прежние прорывы часто случались, и некоторые создания вашего мира попадали сюда. Они были не слишком дружелюбны.

Я думаю.

Это ж демоны. Какое, к лешему, дружелюбие.

– А почему оно здесь? – спросила я отчего-то шепотом. И руки не выпустила. И... и это же ерунда, да? Просто за руку подержаться.

Может, ностальгия проявляется.

Может, моя женская глубокая неустроенность, которая накопилась и теперь вот... может, просто неуютно мне в этих подземельях.

– Когда оружие оживает, оно привязывается к хозяину. И редко бывает такое, чтобы оно приняло еще кого-то.

– Да?

– Это старые клинки. Секрет их создания давно утрачен. Ксандр полагает, что все дело в крови демонов. Что рано или поздно, но любой из них, – Ричард обвел рукой экспозицию, которая сделала бы честь и музею. – Он убивал демона. И получал часть его силы. А с нею некое подобие разума.

– Ага.

А что еще сказать?

Только вот шевельнулся в душе нехороший такой червячок. Прямо-таки предчувствие. Я ведь тоже демон. И кровушка во мне имеется. И... и не станет ли с этого вот, рыцаря благородного, ткнуть

в меня какой-нибудь железкою? Потом, когда перестану быть нужна? Оно-то, конечно, клятва имеется. Однако вдруг да клятвы, демону данные, считаются недействительными?

Я покосилась на Ричарда. Тот признаков агрессии не выказывал, но стоял, разглядывал все это стальное великолепие.

– Иногда мне начинает казаться, что я совершенно ни на что не годен, – сказал он вдруг.

– Почему?

– Мои предки воевали. Сражались с тьмой, с её созданиями. А я?

– А ты?

– А я просто сижу вот в Замке. Иногда выхожу на охоту... только в местных лесах давно уже нет никакой нежити. Легионы и те в сон отправил. Большею частью.

Он вздохнул.

А я осторожно погладила по плечу.

– Ты... не спеши. Может, все еще будет?

– Может, – согласился Ричард, но как-то без энтузиазма. И протянул руку, коснулся темного, угольно-черного клинка. – А может, мы и вправду больше не нужны этому миру. И тогда я буду последний в проклятом роду.

– Ну нет, – захотелось пнуть его.

Терпеть не могу страданий на пустом месте.

– Не дожدهшься, – сказала я, уперши руки в бока. – Я тебе невесту обещала? Обещала. Вот будет невеста, будут дети...

И горько вдруг стало.

Так горько, что язык к нёбу прилип. А тоска-то, оказывается, заразна.

– Идем, – я потянула его за собой. – У нас еще дел много... залу бальную готовить, комнаты. Прислугу искать. И...

Я старательно перечисляла все то, что нужно сделать, стараясь говорить бодро, радостно.

Только на душе кошки скребли.

Ну или демоны.

Глава 21

Где еще одна невеста готовится обрести личное счастье

«...кавалер, желая понравиться даме, должен привести в порядок платье, освежить исподнее и сбрызнуть тело ароматною водой. Костюм же надлежит велеть слугам почистить, дабы не осталось на ткани ни конского, ни собачьего волоса, ни дурных ароматов. Особое внимание след уделить парикку, кое надлежно иметь в разных видах, сообразно случаю, и лицу. Следует помнить, что избыток пудры столь же вреден, как и полное её отсутствие».

«Советы галантному кавалеру».

Ладью собирали всем миром.

Новость быстро разлетелась по Острову, что в общем-то понятно. И... и на Брунгильду косились. Издали. С опаской. С сочувствием. С откровенным страхом. И думать нечего, скоро заговорят, что, мол, сама-то она виновата, а может, даже не в том, что письмо это принесли.

Может, даже это он, Проклятый повелитель, насылал несчастья.

Глупость, конечно. Какое этому повелителю дело до Островов? И в вулканы Брунгильда верила куда больше, чем в козни Повелителя тьмы.

Она вышла к берегу.

Отец вздыхал и стыдливо отводил глаза. По вечерам теперь он сживал с этим, с пришлым, о чем-то говорил, верно, о козах, которых все одно привезут, да только Брунгильда не увидит.

Ни коз.

Ни новых кораблей. Ни сетей из тонкого шелка, который привезли на пробу, и женщины, которые сели вязать, шептались, будто бы он легок и прочен.

Хорош.

Но стоило подойти, и они замолкали, отворачивались. А Тровэ, которая Динный язык, не удержалась, прямо сказала:

– Иди, нечего тут дурным глазом смотреть.

И прочие, которые еще недавно Брунгильду привечали, называя подругою, закивали, соглашаясь, что да, таки нечего.

Детей от нее стали прятать.

Тошно.

– Простите, – робкий голос заставил вздрогнуть. – Извините. Я не помешаю?

Племянник.

Интересно, кого за него выдадут? Аульху Светловолосую? У которой косы до земли и волосы, что мед липовый? Кожа бела. А глаза прозрачны, небу подобны. На нее многие заглядываются, потому как хороша и крепка, и отец обещает отдать за Аульхой плащ из шкуры морского змея.

И золото.

Обещал.

Раньше.

Ныне золота на Островах не осталось. Да и не нужно оно. Этот и без золота заберет. Стоит, улыбается так, робко, виновато.

Или Брудин? Она старше и не так красива, зато мастерица, каких поискать. И умеет предвидеть погоду, заговаривать ветер и сети. Её тоже многие не отказались бы привести в свой дом.

Да только...

– Нет, – сказала Брунгильда. Нехорошо говорить с чужим женихом, пусть даже она не знает, кому он назначен, но все одно нехорошо.

Плевать.

Её уже похоронили.

И ладью покрасят в белый цвет. А щиты на борта повесят алые. И на каждом будет руна обережная. Расстелют меха, которые еще остались. Брунгильду усадят, положат на колени топор, дадут копье, и лук, и стрелы. Разве что поджигать не станут, но...

Не важно.

Она для всех все одно будет мертвой.

Луны не пройдет, как и имя её потеряется. Его и детям-то давать не станут, ибо дурное. Несчастливое. Так что ж уже.

– Я представлял это место иным, – тщедушный южанин кутался в свой тонкий плащик, силясь укрыться от стылого ветра. Он был все

так же бледен.

И одет нелепо.

Как в такой одежде по горам лазать? Зато лицо чуть загорело и даже сгорело. А чужие волосы, которые он раньше носил, исчезли. Собственные его были коротки и торчали в разные стороны, что трава сухая.

Брудин.

Пусть это будет Брудин. Она мудра. И не станет обижать слабого мужа. А вот Аульха – другая. С нее станется сравить несчастного с кем-то, кого она сочтет более достойным своей красоты.

И вызова.

Убьют.

Авиар не поймет. И все снова станет сложно. Надо будет сказать отцу, если, конечно, он будет слушать ту, которую за спиной уже называют Проклятою.

– Каким? – неожиданно для себя спросила Брунгильда.

– Я читал об Островах. О том, что здесь природа столь сурова, что справиться с нею могут лишь особые люди. Что живут здесь великаны. И воины. И пираты.

– Живут, – улыбка тронула губы.

– Там, – он указал на море. – О вас складывают легенды. Об отчаянной храбрости и свирепости.

Слышать это было приятно.

– А теперь мы будем строить козлятники. И легенды изменятся.

– Это вряд ли, – он умел улыбаться. И даже удержался, когда ветер толкнул его в грудь. И на кипящее море, что злилось, вгрызалось в камни, смотрел без тени страха. Скорее с детским любопытством. – Нет ничего более живучего, чем легенды.

– Идем, – Брунгильда сама протянула руку.

А он спорить не стал.

Ладошка у него по-женски узкая, хрупкая даже. Такой не удержать ни весла, ни топора. Какой из него муж? Никчемный.

– Я покажу тебе одно место, – она потянула Никаса за собой, вверх по тропе, которая змеилась, впиваясь в каменную плоть горы.

Он шел.

И руку не выпускал. Пока мог. Сопел. Пыхтел. Упал однажды, рассадив эти белые ладони о камни, и Брунгильда молча протянула

ком сизого мха. Благо, мох рос везде. А он также молча прижал к ране.

Не застонал.

Не пожаловался. Не попросился назад. Упрямый. Это хорошо? Или нет?

Её ли это теперь дело?

Главное, что шел.

И дошел.

Узкий уступ, по которому можно пройти, лишь прижимаясь спиной к стене. Пропась под ногами. Чернота. Ветер. И острый едкий запах моря. А потом – провал пещеры.

– Здесь ветра нет, – Брунгильда снова протянула руку.

– Мне кажется, что можно было бы найти другое укрытие, – осторожно заметил Никас и пошевелил пальцами. – Надо же, не болит. И кровь не идет.

– Он хорошо кровь останавливает. И да, боль тоже забирает. А еще такие раны не гноятся.

– Интересно, – он поднес руку к самому носу. – Очень интересно... а его здесь много?

– Хватает. Туда посмотри.

Из пещеры открывался вид на море.

Темное, почти черное.

Белые бусины островов. Низкое небо, которое, казалось, выгнулось под тяжестью солнца. Свет его, слепящий, заставлял жмуриться, щуриться, но Никас смотрел.

Смотрел и из глаз его текли слезы.

А он все равно смотрел. И слез не стеснялся. Долго. Кажется, вечность. И только, когда сама Брунгильда почти устала от ожидания, выдохнул.

Сказал:

– Спасибо.

А потом добавил:

– Оно того стоило.

– Не страшно?

Об этой пещере знали многие. Сюда, во времена незапамятные, когда она, Брунгильда, даже кос не плела, её привел старый Ворон. И он же сказал, что именно здесь мир и море слышны, как нельзя лучше. И тогда они долго сидели и глядели на бездну, что открывалась под

ногами. На солнце, которое тонуло в кипящей морской воде. На камни. И воды.

И вот теперь этот странный человечек в глупых одеждах сел на краю. Неловко так. Скособочился. Вздыхнул.

И замолчал, уставившись куда-то далеко.

Надо будет сказать отцу, чтобы приглядел. Предупредить.

Жаль будет, если с ним что-то да произойдет.

— Здесь и дышится иначе. Вы... позволите? А то сюртук очень уж тесный.

Он расстегнул пуговку.

И вторую.

Повернулся так, боком, чтобы Брунгильда такой вольности не увидела.

— Да хоть вовсе разденьтесь, — хмыкнула она и достала из тайника кусок горючего камня, клочок мха да огненную иглу. Тронь такой камень, даст искру.

Костерок заплясал, наполняя пещеру рыжими всполохами.

— Это слишком невоспитанно даже для меня.

В полутьме его лицо больше не казалось таким уж уродливым. Непохожим, конечно, на те, привычные Брунгильде лица. Тонкий нос. Хрупкие какие-то женские черты.

— Мне будет не хватать этого места, — она села на шкуры.

Здесь были слишком стары и изношены, чтобы можно было выменять их. Да и в пещеру давно уже никто не подымался. От шкур пахло морем, солью и тоской.

— Возможно, там, куда вы отправитесь, будут и другие места? — заметил Никас осторожно.

— Думаете?

— Почему нет? Мир чудесен и многообразен. Дядя это знает. И я... и... вы не станете возражать, если я попрошусь в сопровождение?

— Что?

— В сопровождение, — терпеливо повторил Никас. — Вас ведь будут сопровождать?

— Я... не знаю.

Почему-то этот вопрос озадачил.

Будут.

Конечно, будут.

Во времена иные, когда дева рода благородного отбывала к мужу, её сопровождали. Четыре женщины знатного рода, замужние и детные. Четыре девы. Четыре служанки, которые останутся с невестой и помогут ей. Рабы и рабыни из числа молодых и крепких.

Когда еще на острове держали рабов.

А... Брунгильда? Кто будет сопровождать её?

Женщины? Не согласятся. Девы тем паче. Разве отпустит кто-то дочь или сестру в Проклятые земли? Чтобы там, коснувшись тьмы, она навеки запятналась ею.

– Я что-то не то спросил? Вы извините. Мне всегда не хватало чувства такта.

– Все хорошо. Я не буду возражать.

Воины?

Кто-то отправится. Быть может, старый Ворон. Он недавно крепко с отцом поругался, с той поры вовсе ушел в море, и уж третий день там.

Вернется, конечно.

Кто еще? Кто-то должен. Сесть на весла. Встать у руля. Довести корабль, если, конечно, отец не решит, что проще отдать её, Брунгильду, в жертву морю, как это случалось в прежние славные времена, нежели проклятому.

Или... он тогда потребует кого-то еще в жены.

Нет, морю её не отдадут.

– Спасибо.

– Вы так радуетесь?

– Почему бы и нет, – Никас все-таки стянул свой сюртук, оставшись в белоснежной рубашке, слишком тонкой, чтобы она могла согреть. Но Никас будто и не ощущал холода. Он поднялся, встал на самом краю и раскрыл руки, сделал глубокий вдох. – В конце концов, это тоже новая земля.

– И?

– Мой предок... давний предок... он был из числа людей, которым не сиделось на месте. Однажды он покинул дом своего отца, чтобы сесть в лодку и уплыть туда, где рождается солнце. Так утверждает семейная легенда. Его долго почитали умершим, но он вернулся. И не один. Он привел корабль, каких не видели на нашем берегу, и людей, чья кожа была желта, как золото. И золото тоже. И шелка. И многие

невиданные товары, которые продали с большой выгодой. Потом он еще не раз уходил, и не раз возвращался, множа благополучие рода. С него-то мы и начались. Торговцы и... путешественники. В этом мало кто признается, но мы даже скорее путешественники, нежели торговцы. Мой дед ходил к краю мира, где лежат вечные льды. Он видел, как люди в кожаных лодках охотятся на китов. Он жил в их ледяных домах и ходил с оленьими стадами. Мой отец сгинул где-то в Огненном крае, пытаясь добраться до затерянного города, который, как говорили, построили давно и строители канули в небытие. Про этот город много рассказывали местные, однако никто не мог сказать, существует ли он на самом-то деле.

— Ваш отец его нашел?

— Не известно. Я думаю, что да. Последнее письмо он отправил из лагеря, накануне того дня, как лагеря не стало. Там... не нашли никого живого.

Брунгильда поежилась.

— Дядя бывал там. Он был привязан к брату. Но не решился пойти его дорогой. А мой старший брат твердо намерен отыскать и город, и отца.

— Думаете, он жив?

— Вряд ли. Прошло более десяти лет. Но узнать, что с ним случилось, мы можем.

Да.

Наверное.

— А вы...

— Брат пойдет. Если он не справится, тогда будет моя очередь. На самом деле я, как бы это выразиться... не самый лучший представитель семьи.

Кто бы сомневался.

Кто ж отправит самого лучшего дикарям-островитянам козлятники строить?

— Я слабый. И рассеянный. И до недавнего времени вовсе предпочитал сидеть дома. Еще я трус.

— Трус? — вот тут Брунгильда удивилась и подошла к краю.

Все по-прежнему.

Пропасть. Море где-то там, глубоко внизу. Ветер пронизывающий.

– Да. Я... много боюсь. Боли вот. Ран. Болезней. Еще я слишком... как бы это сказать... меня пугает сама перспектива жить где-то среди клопов и без горячей воды.

– И поэтому ты отправился на Острова, где клопов полно, а воды – так наоборот? Горячей?

– Дядя сказал, что и от меня может быть прок. Но... знаешь, там, в море, мне казалось, что я умру. Меня выворачивало первые недели две. И так, что даже дядя испугался, выживу ли.

– Выжил ведь.

– Это да. И как-то привык. К одному. И к другому. К кораблю. К еде. К людям. А потом вдруг увидел все это. Ты знала, насколько красивы ваши острова? Мы подходили на рассвете. Туман. И море. И зелень. И это чувство, когда вот-вот увидишь нечто... не знаю, как сказать. Чудо?

А увидел её вот.

Брунгильда на чудо совсем не похожа.

– И теперь ты хочешь отправиться дальше?

– Да. Наверное.

– А твой дядя?

– Смеялся. Много. Он... хороший человек. Он ищет выгоды, это да. Но человек хороший. Поверь. И не станет вредить. Он надеется, что вы договоритесь, что мы станем партнерами. С нашей семьей многие находятся в добрых давних отношениях. И вы тоже.

– Хорошо, если так.

– Еще дядя сказал, что, если бы знал, вытащил бы меня из библиотеки раньше.

– Библиотеки?

– Это такое место, где много книг. Очень много. У нас она огромная. Не рода, но города. Хотя и основана нашим предком. Туда свозятся книги со всего мира. Я люблю читать.

– Я умею, – зачем-то сказала Брунгильда. – Свитки. И руны. Старые. У нас хранятся. Их надо чистить.

– Покажешь? – глаза заблестели.

– Если отец разрешит.

А он разрешит. Он в этих свитках вовсе смысла не видит. Хранит, ибо положено. А читать... кому вовсе интересны древние сказания?

– Так вот, – Никас отступил от края и подошел к огню, который горел ровно и ярко. – Там я читал о многом. В том числе о Проклятых землях.

– И?

А вот это было интересно.

Отец... он ничего-то не знал. Только то, что и прочие. Проклятые. Земли. Стало быть, людям в них места нет. Стало быть, живут там лишь нелюди, а правит ими проклятый Повелитель тьмы. И не понятно теперь, то ли он вправду жениться захотел, то ли решил Брунгильду в жертву принести.

Кто их, нелюдей, знает.

– На самом деле достоверной информации не так и много. Да и не особо они меня интересовали. Скорее уж я древней историей увлекался. Когда-то существовала Империя. Огромная. Она растянулась от края до края моря, – Никас взял сюртук, который накинул на плечи.

Брунгильда молча подала плащ.

Пусть старый и поношенный, с коркой соли поверху, но всяко теплый.

– Благодарю, – отказываться Никас не стал. – Так вот, в Империи этой правили одаренные. И не только правили. Они использовали силу. Поворачивали реки, сдвигали горы, сотворяли равнины, полные плодородной земли. Они возводили города удивительной красоты. И много что делали. И мой дядя полагал, что те, затерянные города, суть отголосок тех времен.

– И что стало?

– Для многих деяний, которые не в силах человеческих, они вызывали созданий иного мира, которых мы знаем, как демонов.

Сказал и будто похолодало.

– И однажды случилось, что, то ли призванный демон оказался слишком силен, то ли маги не рассчитали, но он вырвался. И ярость твари иного мира обрушилась на город. Произошло то, что древние историки нарекли Прорывом Тьмы. Они писали, что миры смешались, что тьма заполонила наш. И не стало чудесного города, а еще магов, что призывали демона. Погибли многие люди, а те, кто остался жив, бежали в ужасе. Но тьма коснулась и их, и они стали меняться, превращаясь в чудовищ.

Брунгильда сидела, не смея дышать.

– Тогда-то на пути их и встали самые сильные из магов. Они сумели сделать так, что горы поднялись, отрезая Проклятые земли от прочего мира, запирая их надежно... ну, не совсем надежно, тьма, как выяснилось, имеет обыкновение расползаться и проявляться самым неожиданным образом.

Он выдохнул.

– Главное, что потом наступили так называемые Темные времена. Империя рассыпалась. Провинции её, получив независимость, ввязывались в войны, за земли, за людей. За власть. И многие не чурались использовать силу...

Странно.

Брунгильда знает имена всех двухсот сорока пяти своих предков. И о том, что происходило на Островах сотни лун тому, но вот про другой мир... выходит, он тоже есть.

И был все это время.

– В тех затянувшихся войнах погибли почти все маги. Кто-то в боях друг с другом, кто-то силясь удержать тьму, кто-то стал чернокнижником. После уж возник Орден Света и как-то все улеглось.

– А... Проклятые земли?

– Было не до них. Но все меняется. И они тоже. Первое упоминание о том, что кто-то пересек горы, я встретил в воспоминаниях моего прапрадеда, пусть и не по прямой линии. Он рассказывал о том, что встретил человека, который отправился по реке в поисках древних сокровищ.

– Сокровищ?

– Демонам не нужно золота. А древний город славился богатством. Вот и находились желающие прибрать его к рукам.

Это да.

Таких желающих и на Островах довольно.

– Тот человек не только ушел, но и вернулся. Потом... людей стало больше. Появились целые артели, которые и рассказали, что там, за горами, все не так и жутко. Что хватает, конечно, тварей, но с ними вполне можно справиться. Что среди гор, над всеми землями, стоит огромный замок, а в нем живут люди, которые правят мертвецами. Так мир узнал о Легионах смерти.

Брунгильду передернуло.

– Они и вправду мертвые?

– Те, кому случалось столкнуться, утверждают, что да. Что состоят они сплошь из мертвецов. Однако...

Он покосился.

– Что уже?

– Случалось мне встретить одну рукопись... довольно старую и, как сказали, не представляющую особой ценности.

– Но?

Вот что из него каждое слово вытягивать приходится.

– Это записки некоего купца, дерзнувшего пересечь горы и начать торговлю. Так вот, он писал, что и по ту сторону гор обитают люди. Что живут они также, как иные. Возделывают землю, разводят скот. И что сами они тоже весьма обыкновенны. Думаю, поэтому рукопись и сочли не представляющей интереса.

– Почему?

– Если бы он написал о чудовищах или ужасных злодеяниях, что творятся там, о запретной магии...

– У нас тут тоже сплетни любят, – сказала Брунгильда.

Огонь согревал.

И успокаивал.

– Именно. Еще он писал, что был удостоен высокой чести подняться в Замок. И что не видел места более удивительного. Что живет там человек, вполне обыкновенный с виду, разве что одаренный. И семья его тоже обыкновенна. Жена и дети. И что он, как любой другой, любит и жену, и этих детей.

Выходит... выходит, что её, Брунгильду, вовсе не за мертвеца отдадут?

– Он писал о том, что бессмертность Повелителя Тьмы – суть выдумка, что просто род сей давний и живет, отрезанный от прочего мира. Что жизнь свою те люди посвятили аккурат борьбе с отродьями Тьмы, коих ему показывали. Это было вовсе не то, о чем следовало писать.

– Что с ним стало? С тем купцом?

– Понятия не имею. Мне не удалось найти ничего, но... я знаю, что торговлю с Проклятыми землями ведут и довольно давно. Правда, о том не принято говорить вслух. К тому же жрецы Светлых сестер берут свою долю и немалую, но... тем интересней.

– Интересней?

Вот чего Брунгильда понять не могла, так это интереса. Одно дело рисковать, ибо такова судьба, и совсем другое – интереса ради.

– Само собой. Я хотел бы взглянуть на то, каково там. На самом деле. Возможно, поговорить с людьми, которые там живут. Увидеть. Их. И горы. И земли. И чудовищ, если они еще остались. Встретиться с Повелителем Тьмы. И тоже, если выйдет... написать свою книгу.

Он замолчал и тихо добавил:

– Если позволят.

– Кто ж тебе запретит?

– Жрецы Светлых Сестер сильны.

– Там, – Брунгильда махнула рукой. – За краем моря. А тут ни одного нет.

– Так уж и ни одного?

– Приезжали как-то. Отец пытался договориться, чтобы зерна купить. А они потребовали, чтобы мы сперва от старых богов отрелись. Храмы построили. Нам есть нечего было. Какие храмы? Ну и... не сложилось.

Никас хмыкнул.

– К счастью, – произнес он.

– Почему?

– Если бы сложилось, твой отец не обратился бы к моему дяде. Он бы не придумал, что делать, и я бы не оказался бы здесь... всего остального тоже не было бы.

Наверное.

Хоть кто-то был бы доволен.

Глава 22

О цветах пустыни и высокой моде

«Есть некоторые, кто считает, что держать козла в своих домах — это великое средство защиты от ядовитого воздуха, потому что дом, заполненный сильным запахом, посланным козлом, запрещает вход зловещему воздуху...»

Трактат о суевериях и болезнях, от них происходящих, писанный профессором ладхемского университета и великим магом Ациусом.

Отец сам усадил Теттенике в повозку. Заботливо набросил на колени покрывало из тончайшей шерсти. Отступил. И вдруг обнял.

— Не возвращайся, девочка моя, — произнес он на самое ухо. — Пока она жива, не отпустит.

— Почему?

В чем провинилась Теттенике перед старухой, которая не вышла проводить. Она вдруг словно бы позабыла о том, что Теттенике существует на свете. И даже когда встречалась с нею, делала вид, что не видит.

И от этого почему-то тоже было больно.

— Когда-то давным-давно я обещал её отцу взять её в жены. Но это было до того, как в ней проснулся дар. Мне предложили другую женщину. Её сестру. С этим она еще смирилась. И... мы долго были вместе. Обычай того не запрещает.

Да.

Вокруг шум. Посольство собирается великое.

Отец дал за Теттенике сотню жеребцов цвета сухой травы и еще столько же кобылиц, тонконогих и легких, что ветер. Он велел собрать повозки, чтобы никто не сказал, будто бы дочь великого кагана пришла в дом жениха голой и босой.

И грузили на арбы посуду тонкой чеканки.

Шкуры.

И кость древних зверей, которую иные люди ценили паче золота. Собирали рабынь и рабов.

Воинов.

Только от этой суеты становилось лишь страшнее.

– Трижды Великая мать давала ей благословение. И троих дочерей родила она. Но ни одна не дожила до рассвета.

И такое случается. Мать Степей берет свою дань, и с мужчин, и с женщин. С мужчин кровью пролитой, с женщин – жизнью отнятой. О том не принято говорить. Но так есть.

– Потом наши пути разошлись. Она сама оставила меня, выбрав другого мужчину. Но когда я привел в свой шатер новую жену, обиделась.

Отец обмакнул пальцы в кровь молодой кобылицы, которую убили на рассвете, испрашая благословения. И коснулся ими лба. Пальцы были теплыми. Кровь, смешанная с золотой краской – тоже.

– Когда же появилась ты, она пришла и потребовала отдать тебя. Сказала, что такова воля Матери Степей, но я отправился к старшей их ахху. И она, услышав про то, крепко разозлилась. Так разозлилась, что побила... да, не важно.

Важно.

Потому как понятным становится многое. И шипение змеиное, и щипки, и вечное ворчание, что все-то она, Теттенике, делает не так, неверно.

– Потом твоя матушка заболела. И болезнь была так сильна, что никто-то не способен был справиться с нею. А следом заболела и ты. Горе мое было столь велико, что я согласился бы на все, лишь бы спасти вас. Тогда-то она и появилась вновь. Постаревшая. Сильная. Старшая. И сказала, что может излечить тебя, если я соглашусь на сделку.

– И ты...

– Согласился. Она сказала, что если ты отыщешь себе мужа, значит, такова воля Матери Степей. И я понадеялся, что шанс есть. Что силы и богатства моего довольно, чтобы справиться с такой малостью.

Пальцы скользнули по переносице.

Тронули щеки, оставляя ало-золотые полосы. Коснулись губ. Отец поднес к ним чашу, позволяя пригубить невыносимо сладкий напиток.

– Я отправлю с тобой Танрака, – сказал отец. – Он поможет. И... как бы ни повернулось там, не возвращайся. Мир велик. В нем найдется место тебе.

Страшно.

И страх сжимает сердце ледяными пальцами.

– Я написал письмо. Если тот, кто ныне сидит в Замке, подобен своему прапрадеду, он не причинит вреда дочери союзника. Но поможет.

Поможет ли?

– Танрак поднесет ему особый дар...

Какой?

Отец улыбнулся, поняв, пусть даже и не было сказано ни слова.

– Увидишь. Ему понравится.

– Спасибо, – только и смогла шепнуть Теттенике.

– Половина табунов твои. Наши лошади стоят дорого. И золото. И меха. И кость мертвых зверей. Этого хватит, чтобы ты не нуждалась, где бы ни решила жить. Просто... помни, что возвращаться опасно.

– Спасибо.

И она часто заморгала, сдерживая слезы. А потом сделала то, что не решалась прежде – обняла. И руки отца сомкнулись за спиной надежным кольцом. Губы его коснулись макушки.

– Иди.

Он первым разжал объятия. Хорошо. У Теттенике не хватило бы сил. И она со вздохом осела на подушки. Девушка-рабыня поспешно набросила на голову Теттенике алое обережное покрывало. Возложила драгоценный венец, который, оказалось, весил столько, что и головы не повернуть.

Теттенике сидела ровно.

С прямою спиной.

Задернулись занавеси, ибо никто-то из живых не мог глядеть на ту, что более не принадлежала дому отца. На ту, что уходила, унося с собой кровь степи. На ту, что весьма скоро назовется мертвой.

И заплакали, застонали рабыни.

Заговорили старухи, перечисляя имена предков, умоляя их принять невинную душу, оберечь, защитить. Засвистели возницы. И кони пустились в бег, спеша убратся подальше от таких шумных людей.

Теттенике сидела.

Неподвижно.

Закрыв глаза.

Стараясь отрешиться от всего-то. Губы шептали молитвы Матери Степей, а руки вдруг заledenели настолько, что она, Теттенике, перестала чувствовать пальцы. И показалось, что это неправильно.

Уезжать.

Будь она по-настоящему храброй, хотя бы на сотую долю столь же храброй, как отец, она бы осталась. Она бы позволила нарядить себя в драгоценные одежды, чтобы выйти к людям, чтобы сесть на мертвую кобылицу. Она бы приняла дурманный напиток из рук старухи.

И исполнила бы долг.

А она... трусиха!

Ехали долго. Очень долго. Она уже успела и передумать все. И снова испугаться. И наново переиграть ту, другую жизнь, которой еще не было. Рабыня сидела рядом, как мышка. А после вовсе заснула. Наверное, и сама Теттенике могла бы прилечь, благо, повозку услали мешками с овечьей шерстью, поверх которых набросали шкуры, а на них – подушки. И места хватало, но сама мысль о том, чтобы уснуть, показалась стыдной.

Разве так положено вести себя дочери великого Кагана?

Остановились на отдых уже под вечер. И тогда-то занавеси одернулись и Танрак подал руку. Теттенике оперлась на нее и едва не упала. Упала бы, если бы не брат, ее подхвативший. Ноги свело судорогой, и с трудом получилось сдержать стон.

– Ты что, так и сидела? – брат поставил её на ноги и ощупал, бережно так. – Этак, сестренка, ты живой не доедешь.

– Я...

Из глаз вдруг хлынули слезы. От боли, которая вдруг появилась в ногах. От страха. От того, что она снова не смогла с ним справиться! Права старуха, ни на что Теттенике не способна!

Никчемная она.

Лишняя.

– Ну, успокойся, – Танрак обнял, как всегда делал, защищая её от змеино-го шипения. – Тише. Ты бы знак подала. Я решил, что ты отдыхаешь. Давай, пойдем. Шаг. И еще шаг. Вот так, потихоньку. Это просто затекли они, сейчас пройдет.

Он обвел её вокруг костров. Степь полыхала. Суетились люди, спеша распрячь, растереть лошадей. Где-то далеко, в сумерках, виднелся табун и табунщики с огромными лохматыми псами. Один за

другим вырастали шатры. И тот, алый, драгоценный, в котором предстояло жить Теттенике, уже стоял.

Но брат повел не к нему.

Прочь от лагеря.

В темноту.

– Старуха с нами, – сказал он, вытирая лицо Теттенике мягкой тряпицей.

– Что?

– Просто появилась. И сказала, что духи велели ей проследить, дабы тьма не коснулась тебя.

Сердце застучало быстро-быстро.

– Я тут кое о чем порасспрашивал. Ввиду новых обстоятельств. Так вот, наша ахху давно уже не ходила к Белым камням. Все время посылает к ним кого-то из младших. И родников она не открывала. И благословения не давала.

Даже думать о таком страшно.

Но Теттенике думает.

– Она...

– Она давно утратила свою силу. Пусть и скрывает это. А стало быть, она подобна змее, что лишилась ядовитых зубов.

– Но... но если сказать... рассказать людям.

– Не поверят. Верно. И кроме того, боюсь, что она все еще опасна. Так что, пусть едет. Я постараюсь сделать так, чтобы она к тебе не подходила. А ты постарайся не оставаться одна.

Он вытер руками лицо.

– И не плачь. Пойдем. Тут кое-что передали. От твоего жениха, так сказать... знаешь, может, все не так и плохо?

В этом Теттенике пыталась убедить себя, глядя на драгоценности, которые разложила перед ней рабыня. Девочка что-то щебетала, веселое, радостное даже, а Теттенике глядела на золотые камни и думала, что стоят они, верно, дорого.

Но хватит ли этих денег, чтобы выкупить жизнь?

Старуха же сидела у костра, окруженная воинами. И стоило Теттенике подойти, как все-то вдруг вскинулись, обрывая беседу, повернулись к ней, вперились взглядами. Почудилось в том недоброе.

И страх кольнул сердце.

Но Теттенике гордо подняла голову и шагнула вперед.

Она дочь кагана. И сколь бы ни боялась, она не покажет страха. Постарается не показать.

А в шатре, на мехах, взбитых рабынями, лежал цветок. Самый простой, каковые появляются в огромном количестве после дождя. И был он хрупок до того, что в руки взять страшно.

Но Теттенике взяла.

Поднесла к губам.

Цветок? Какая глупость... но стало теплее. Там. Внутри.

Я смотрела на мрачную рожу знатока высокой моды. Что сказать. Оно, конечно, каков мир, таковы и знатоки. Но глядя на нынешнего, руки сами собой к веревке тянулись, чтоб петлю сплести.

На всякий случай.

– Дэр Гроббе – отличный специалист, – сказал Ксандр, отодвигаясь от этого самого специалиста на шаг. И руки за спину убрал.

А упомянутый дэр Гроббе поклонился и ножкой шаркнул.

– Он отлично справляется со всеми... сложными вопросами.

Ага.

Почти поверила.

А что рожа разбойничья и шрамом перечеркнута, так это... это имидж такой. Сам дэр Гроббе был невысок, худощав и обряжен столь ярко, что я даже почти поверила в его чувство стиля.

Узкие панталоны алого цвета. Пурпурные штаны, которые заканчивались где-то на ладонь выше колен, а из них выглядывали другие, золотой парчи.

Розетки из розовых лент.

Камушки в центре.

Кружево.

Атлас и снова кружево.

Но вот рожа как-то выбивалась из общей благостной картины. И на меня этот самый дэр Гроббе поглядывал с некоторым опасением, будто пакости ждал.

– Стало быть, – он крутанул тонкий ус и дружелюбно осклабился. Правда, шрам, перекосивший лицо, придал улыбке некий совершенно убийственный шарм. Да и золотой зуб сместил акценты. – Вам нужен...

– Дизайнер. Стилист. Флорист.

Взгляд дэра Гроббе метнулся к Ксандру, но тот лишь пожал плечами.

– Мы ждем невест.

– Вы?

– И я в том числе.

Подумалось, что прозвучало несколько... вольно. С другой стороны, мало ли, какие у демонов порядки? И вообще, не о моем моральном облике речь, а о замке.

– Пять девушек, – продолжила я, стараясь подражать Антонине Егоровне. Уж она-то умела к каждому подход найти. И этого, шрамолицего, очаровала бы.

Очарование.

Улыбаться.

Смотреть на собеседника. И улыбаться. Искренней. Радостней. Так, будто всю жизнь только и мечтала, что о встрече с ним. И наклониться немного.

Почему-то дэр Гроббе слегка попятился.

И сглотнул.

– И свита. Это же принцессы, куда они без свиты. Понимаете?

Я выползла из-за стола, за который забралась солидности ради. Но стол был огромным, и за ним я себя чувствовала дурой, а еще самозванкой, которой, собственно говоря, и являлась.

Дэр Гроббе кивнул.

Как-то мелко. Нервно.

– И нужно, чтобы они чувствовали себя, как дома.

– Здесь? – уточнил он на всякий случай и сделал маленький шаг к двери. Ну уж нет! От меня так просто не уйдешь. И я быстро, пока этот стилист с большой дороги не сбежал, подхватила его под руку.

Рука дернулась.

И человек тоже.

Замер. Уставился на меня круглыми глазами.

– Конечно, здесь. Где мы еще можем невест разместить? Согласитесь, будет неудобно, если оставить их там, – я махнула рукой в сторону окна, за которым на фоне прозрачного неба высились синие-зеленые горы. – Это же принцессы...

– Д-да... неудобно получится, если сожрут, – согласился дэр Гроббе.

– Кто?

– Да мало ли кто... была бы принцесса, а кому сожрать всегда найдется.

Прозвучало довольно-таки философски.

– Вот видите. А нам оно надо?

– А надо?

Показалось, что дэр Гроббе не удивится, если окажется, что да, что надо, что всех принцесс для того и пригласили.

– Не надо! – резко ответила я. – Нам жениться надо.

– Вам?

– Не мне!

Он издевается?

– Повелителю, – я выдохнула и успокоилась. – Ему приспичило жениться.

– Бывает, – понимающе кивнул дэр Гроббе и чуть тише поинтересовался. – А он уверен?

– К несчастью, да.

– А то ведь как... иной раз и вправду, лучше бы сожрал кто. В смысле, жену любимую, чтоб ее... – тяжкий вздох явно свидетельствовал, что личная жизнь глубокоуважаемого дэра Гроббе слегка не задалась. – Слуги понадобятся.

Он отряхнулся.

– Слуги... рабы?

– Рабство запрещено, – лениво протянул Ксандр, о котором я даже несколько позабыла. – Высочайше.

– Это он тоже зря, – дэр Гроббе высвободил руку. А я поинтересовалась.

– Не сбежите?

– Куда мне, – тоскливый взгляд уперся в скалы. – Там жена...

– А...

Он отряхнулся.

– Так чего менять будете? Обои там. Или обивку? Потолки красить? Росписи расписывать?

– Росписи не успеем, да и не нужен тут глобальный ремонт, – я огляделась. – Разве что по мелочи. Кое-где обивка и вправду затерлась.

Тебе же лучше будет. Станешь снова красивым, как некогда... а так...
полы в отличном состоянии. Где-то мрамор, где-то наборный паркет.
Панели тоже не испортились со временем.

Я пошла к двери.

Дэр Гроббе за мной.

А Ксандр, стало быть, следом. Вообще-то я бы предпочла
Ричарда, но тот почему-то уж третий день кряду избегал меня.

Дела у него.

Ага.

Я даже почти верю...

Глава 23

В которой происходит почти несчастный случай, а демоница знакомится с местным населением

«Керот, который если наносить ежедневно, придает лицу белизну, получают так. Фиалковое или розовое масло и куриный жир надо поместить в глиняный сосуд и довести до кипения. Растопить белоснежный воск, добавить яичный белок и смешать с порошком из истолченных и просеянных белил, поварить немного, процедить через полотно и к сцеженному прибавить камфару, мускатный орех, две или три гвоздики. Все это завернуть в пергамент».

«Ода прекрасному или же наставление для дев о красоте и блюдении её»

С галереи Ричард наблюдал за демоницей.

Та вышла во двор и теперь стояла, что-то весьма энергично рассказывая. И показывая. Тонкие руки вырисовывали в воздухе одну фигуру за другой. Но понять, о чем шла речь, не удавалось.

Наверное, можно было спуститься.

Нужно было.

И... и кого ей Ксандр привел?

Гроббе? Старого мошенника? Пирата, который от веревки спасся единственно своей полезностью? Наемника, разыскиваемого в трех королевствах? И во всех трех вовсе не для того, чтобы к награде представить. Хотя...

Ричард покачал головой.

И почти решился спуститься, когда сзади раздался тихий скрежещущий звук.

Этот звук заставил замереть. Да быть того не может...

Тишина.

И Замок молчит. Показалось? Конечно. Здесь, в галерее, ветрено. Ветер же горазд играть со звуками.

И нервами.

Цок.

Ричард медленно потянулся к клинку.

Очень медленно.

Цок-цок.

Пальцы распрямились, готовые обхватить рукоять. И снова тишина.

Цок-цок-цок. На сей раз слева. И тут же протяжный скрежет справа. Молчание. Клинок в ладони. Сердце ухает.

В спину пыхнуло жарким зловонным дыханием, и Ричард упал, уходя от столкновения. Он перевернулся, выбросив руку вперед. И длинное змеиное тело насадилось на клинок. Тварь заверещала. Тонко. Жалобно. Короткие когтистые лапы завозились, пытаясь дотянуться до человека.

Ричард вскочил и стряхнул кригу, чтобы следующим движением клинка снести ей голову.

Откуда она взялась?

Ладно бы там, внизу, за стенами Замка. Но и там криг давненько уже не встречали. Длинное тело еще дергалось, когда над ухом раздался протяжный полный гнева вопль.

Еще одна?

Ричард едва успел увернуться.

Быстрая.

И старая.

Крига ушла от клинка и, взобравшись на перила, вцепилась в них. Она выгнула спину, распрямила куцые крыльца и плюнула в Ричарда едкой желчью. На сей раз почти попала. Желчь расползлась по доспеху, а крига радостно заухала.

Все-таки они туповаты.

Ричард махнул клинком, но удар пришелся по спине.

Взвизгнув, крига распрямила когти и... полетела вниз. Во двор. Прямо под ноги одной демонице, которая как раз указывала в сторону башни...

Мы прошли по замку.

К слову, зря я. Дэр Гроббе в ближайшем рассмотрении оказался человеком весьма разумным. И вкусом, как выяснилось, обладал

неплохим.

И... и Замку его предложения понравились. Может, оттого, что и сам Замок устал от тишины. Я просто кожей ощущала его нетерпение.

Предвкушение.

Понимаю. Тоскливо вот так, стоять веками, даже не имея возможности обивку сменить. Сменим. И обивку. И картины дэр Гроббе обещал, а то ведь нынешняя глобальная brutality любую принцессу в тоску введет.

От радикальных перестроек мы решили отказаться.

Картины.

Ковры, которые, как мне намекнули, должны быть где-то там, в сокровищницах, равно как и вазы цветочные. Правда, на вопрос о цветах дэр Гроббе не сразу ответил.

– Понимаете, добрая госпожа, – он упрямо именовал меня доброй, отчего становилось несколько неловко. – Здесь нет сада.

Это я уже заметила.

Кое-какая зелень наличествовала, в частности с одной стороны к замку подбирался мрачного вида лес, при виде которого желание прогуляться напрочь отбивало, с другой по отвесным скалам карабкался нарядный зеленый плющ.

– И цветов нет? – вздохнула я, прикидывая, что бы в вазы сунуть, чтобы без цветов обойтись.

– Если только местные устроят...

Я подумала и решила, что не настолько капризна. И вообще, ромашки с васильками – это даже мило. Будем упираться на сельскую простоту и провинциальную неприязнательность.

В контрасте с остальным.

Но за вазами Ричард сам пусть отправляется. Я второго подъема из сокровищницы просто-напросто не вынесу. Я с прошлого раза полчаса отдышаться пыталась. А оно все не отдышивалось.

Зато дэр Гроббе пообещал договориться с местными.

И о цветах.

И о прислуге, правда, предупредив, что опыта ей будет недостаточно и, скорее всего, принцессы явятся со своею, ибо ни одна приличная дама не отправится к жениху, не прихватив с собой дюжину служанок, куафера, модистку, аптекаря и пару белошвеек.

Так, на всякий случай.

Действительно, как можно жить без пары белошвеек-то?

А вот на кухне помогать если и так, уборку делать, то местные справятся.

Это меня вполне устраивало.

Мы вышли во двор, который был просторен и пуст, и оттого весьма себе уныл. Серый камень. Сизоватое небо, затянутое тучами – никак дождь собирается. И горы вокруг, ну, там, за стенами, довлеют, действуют на психику.

Дэр Гроббе вдохновенно что-то такое рассказывал, а я смотрела на горы.

Замок.

И думала, что хорошо-то здесь. Дышится. Я и вдохнула полной грудью, когда где-то наверху раздался протяжный тоскливый вой. А потом что-то кувыркнулось в воздухе.

И шлепнулось.

Прямо под ноги.

А потом опять завыло, заскрежетало и плюнуло. В меня! Вот взяло и плюнуло какой-то мерзостью вонючей. Я хотела завизжать, но из горла донесся низкий рык. И тварь, что рванулась было ко мне, вдруг распласталась на камнях, а после и вовсе попыталась развернуться. Она была мелкой, уродливой и неуклюжей.

А еще такой вдруг медленной.

Воздух сгустился. Застыло перекошенное лицо дэра Гроббе. Я видела уродливую пасть твари, полную мелких острых зубов. Видела горбатую спину.

Куцые крылья.

Чешую.

И пламя, что взметнулось по щелчку хвоста. А потом все вдруг опять изменилось. Дэр Гроббе выхватил меч, тварь ожила, покатила клубком, пытаясь сбить пламя. Взлетел клинок. И дальше катились уже две половинки твари.

Неодинаковые.

Они остановились и осыпались кучками пепла.

– А знаете... – в голову вдруг пришла на диво логичная мысль. – Нам ведь развлечения понадобятся.

– Что? – у дэра Гроббе дернулся уголок рта.

– Развлечения, – я судорожно пыталась вспомнить, чем во времена давние народ развлекался. – Не знаю там... цирк.

– Цирк?

Проклятье. До цирка они тут еще не доросли, похоже. Надо как-то проще сформулировать. Понятнее. И я вздохнула.

– Силач там, чтобы гири кидал или поднимал тяжести всякие. Еще фокусник...

– Фигляр?

– Вот-вот... акробаты там. Акробатки... музыкантов бы тоже. Не помешают. И певца.

В голове что-то щелкнуло.

Точно! Я ведь читала, что в средние века певцами были кастраты. Самыми лучшими. Певцов стало немного жаль, но что поделаешь, дикие времена, нравы не лучше.

– Певца найдете? – я строго поглядела на дэра Гроббе. – Кастрата? Почему-то он слегка побледнел.

На «Веселой Магде» пахло деревом и солью, и запахи эти привычные не приносили успокоения. Дэс Гроббе нервно расхаживал по палубе, а команда, самые верные, надежные люди, молча ждали, когда капитан соберется с духом.

Он же, остановившись, обвел их взглядом.

Всего-то дюжина осталась.

Тех, кто ушел от варрейской эскадры. Тех, кто поднимался в священные горы Ахха, а после бежал оттуда с драгоценным убором Немой богини. Тех, кто заглядывал в Темные воды, чтобы там, на белом-белом берегу сразиться с темнокожими ниму. И в честной схватке добыть зубы мертвого зверя.

Тех...

И может, уйти? «Магда» – кораблик небольшой, оно, конечно, тяжело будет, но до моря выведут, а ищи ветра среди волн. Только... потом куда? В море их ждут. С пушками и радостной готовностью пустить на корм акулам. Да и на берегах не лучше. На всех, кроме здешнего.

Тут он как-то поприжился даже.

Дэс Гроббе отер пот.

– Ты, – палец уперся в грудь Большого Дука, который и вправду был большим. Сказывали, что матушка его, родом из Северных лесов, согрешила с хозяином этих самых лесов. Оттого и был Дук велик да волосат безмерно. – Силачом будешь.

– Эт как? – брови его мохнатые сошлись над переносицей.

– Не знаю. Придумай сам чего-нибудь. Такого, чтоб благородным девам показать.

Дук ослабился. Он точно знал, что можно показать девам. Даже благородным. Надо сказать, что обычно девы были и не сильно против, но это явно не тот случай.

– Не то, о чем ты подумал, – Гроббе присел на край ящика. Кажется, того самого, в котором они выносили золото с «Пресветлой Анны». – Принцессы-таки.

– И чего?

– Невесты. Самого, – он мотнул головой в сторону.

Отсюда Замка почти и не видать. Так, полупрозрачное, почти размытое пятно.

Дука заворчал, но Юнни положил ладонь на огромное плечо.

– Я знаю, что надобно, – сказал он.

– А ты фигляром станешь. Трюки всякие показывать. Сумеешь?

Юнни пожал плечами. В отличие от кровного братца он был худощав и невысок, верток, что уж, и весьма пронырлив. Оттого и сумел выжить на самом днище благородного Лакхема, где и рос, и вырос, и жил, причем весьма неплохо, промышляя благородным искусством потрошения чужих кошельков.

– Ты и ты... – Гроббе указал на парочку, столь похожую друг на друга, что их часто принимали за братьев. – Акробатами будете. Это которые по канату ходят.

Брав хмыкнул.

Шин сплюнул.

– Сумеете?

Шин хмыкнул. Брав сплюнул, но тотчас затер плевков ногою. И верно, нашли, где плевать. Может, «Веселая Магда» давненько в море не выходила, но как знать, как оно еще повернется.

Нет, лучше не думать. Справятся.

Тем, кто в бурю по снастям лазит, как-нибудь по обычному канату пройдет.

– Осталось последнее, – Гроббе тяжело вздохнул и обратил взгляд на человека, который держался поодаль. Облаченный в бархат и шелк Антонио казался здесь и сейчас случайным гостем.

Тонкое лицо.

Изящные черты. Белая кожа. Золотые волосы, уложенные аккуратными локонами... и главное это вот, вдохновенное выражение, за которое так и тянет дать в морду. Абсолютно, к слову, беспричинно.

Но сильно.

– Ей понадобился певец.

Антонио приподнял бровь.

– Спою, – сказал он спокойно. И Гроббе не усомнился, что споет. Петь он умел. И политесам всяким был обучен. Даром, что младший, незаконнорожденный, хотя и признанный сын некоего дворянина, о котором Гроббе было известно лишь, что зря он так.

Что «так»?

А хрен его знает. Но зря.

Из Вередии Антонио пришлось бежать. И весьма споро, ибо суд скорый, хотя и не всегда праведный, приговорил бедолагу к виселице.

Пару лет он скитался, переходя из одних нежных рук в другие, пока вновь же не влип в историю, где были тесно связаны юная супруга, престарелый богатый муж и некое вещество, поспособствовавшее встрече одного мужа с богами.

В общем, вот с этого места все и пошло не по плану.

Да...

Зато та история, уже давно забытая, помогла Антонио открыть в себе некие таланты, весьма спорные с точки зрения общественной морали, но оцененные некоторыми людьми. И жил он дальше тихо, неплохо, пока один клиент не решил отправить Антонио вслед за недавно почившим любимым двоюродным дядюшкой одного клиента. В общем... тоже зря.

– Это-то да... это-то конечно, – дэр Гроббе отер лоб. Антонио он, говоря по правде, сам побаивался. Было в этих светлых полупрозрачных глазах что-то этакое, заставляющее задуматься о смысле жизни и вечном. – Но вот... тут такое дело... ей кастрат нужен.

Стало тихо.

Только слышно было, как в этой тишине звякнула струна.

– Кому? – холодно осведомился Антонио.

– Демонице, – дэр Гроббе потер переносицу. – Так и сказала, чтоб всенепременно кастрат.

– Почему? – впервые Антонио, пожалуй, утратил свою хладнокровность. И удивление его было столь явным, что даже на душе потеплело.

– Так... это... не знаю, – он развел руками. – Демоница же ж. Кто ж их ведает-то?

И откашлялся.

В горле запершило. А заодно уж перед глазами встала тварь, испепеленная демоницей. А ведь сперва-то решил, что обманывает старый... нет, не приятель. Скорее уж партнер. Давний. Надежный. Такой, который не отвернулся, как иные. Мол, времена ныне не те.

Опасно.

Узнает кто про тебя...

Кто тут, в Проклятых землях, чего узнать может? И ведь место-то, если подумать, неплохое... тихо, спокойно. Горы вон стоят. Море имеется. Дела какие-никакие, пусть тоже далеко не те, которые прежде. Но и сам дэр Гроббе тоже не тот, который прежде.

Повзрослел.

Постарел.

Ума набрался. А с ним и желания зажить тихо, спокойно. Вон, он и дом уже поставил, такой, о котором в детстве мечталось, каменный и со ставенками резными. С красною крышей. С балкончиками и чтоб розы в ящиках. Матушка их выращивала. А потом продавала. Так и жили.

Гроббе продавать не станет.

Хотя, конечно, розы в здешних краях получались не те, но и ладно. Он же ж не привередливый. Еще бы жену отыскать, чтоб было кому и за домом, и за розами приглядывать.

А там...

Воображение рисовало картину за картиной, и не только у него. По остальным тоже видно, что приспокоились они, улеглась дурь молодецкая вместе с удалью. И души тишины просили.

Вот и глядели все на Антонио с тоскою.

Если выставят прочь, то... это смерть. Пусть и не сразу, но всенепременно кто-то да где-то узнает, прослышит, донесет. И тогда

ждет дэра Гроббе не дом с розами, а пеньковая вдова. Или честные глубины.

– Думаешь, проверять станет? – уточнил Антонио.

Он прикрыл глаза.

И только тонкие пальцы подрагивали на струнах кифары.

– Не знаю.

– Что ж, – Антонио кривовато усмехнулся. – Будем надеяться, что нет.

Глава 24

Где цесаревна получает наставления

«И явилась тогда пред ним дева, красоты невиданной. И принялась она соблазнять златом, серебром да посулами сладкими, обещая весь-то мир отдать во власть, лишь бы назвал её законною женою. Но не послушал благородный Ортан, но взял меч свой и снес ведьме голову».

«О деяниях благородного Ортана, великого воина и аскета»

Накануне отъезда не спалось.

Все-то ныне дома казалось иным, и было удивительно, как Мудрослава прежде не замечала. Чего? Как шепчутся девицы, поставленные в услужение? Как выются они, слишком уж услужливы, чересчур суетливы, и мерещится за всею этой суетой желание...

Затуманить разум?

А веселье гремит, звенит и даже здесь, в покоях Мудрославы, слышна, что музыка, что крики пьяных. И это раздражает.

До головной боли.

– Подите прочь, – она отобрала щетку у девицы, которая застыла с каким-то совершенно коровьим выражением лица. Будто забыла, для чего она вовсе тут поставлена.

Разве что на окрик вздрогнула.

Повернулась.

Пошла. А вот дверь за собою не заперла. И сердце оттого екнуло, растревоженное. Но испугаться Мудрослава не успела. В дверь постучали.

– Войдите, – она запахнула полы теплого домашнего халата, подумавши, что не след принимать гостей. Но и гостям то понимать надобно.

Раз уж пришли.

Древояр.

И не один.

– Прости, доченька, – Древояр поклонился. – Но иначе не выйдет поговорить. Разом донесут.

– Я понимаю, – улыбка получилась кривоватой.

И сердце забилося всполошенно.

Он ли?

Человек, который всегда-то был рядом, близко? Заботился. Оберегал. Утешал. Никогда-то не полагал, будто бы она, Мудрослава, слаба или недостойна. И как поверить, будто бы он, такой надежный, предал?

И как поверить будет кому-то еще, если и вправду предал?

Оставаться наедине было слегка... боязно.

Древояр прикрыл дверь. И родственник его встал подле, закрывая проход. А ведь он хорош собой. Нет, не так, как Медоуст нет в нем сахарной красоты. Но высок. Статен. В плечах широк. Волос светлый. Борода коротка, стрижена аккуратно. Черты лица правильные.

Глаза ясные.

И будто бы в самое сердце глядят. И Мудрославе становится жарко. Холодно. Пальцы вдруг подрагивать начинают. И не выдержав взгляда, она отворачивается.

Мелькает мысль, что Яр ошибся.

Что... что придумал себе. Он всегда был выдумщиком знатным. Или нашептали. Конечно! Люди горазды сочинять. Вот и вложили в уши ложь.

А он и рад.

Мудрослава ущипнула себя за ногу, и наваждение схлынуло, оставив горькое послевкусие. Ей словно бы... жаль? Несомненно. Она ведь молода. И живая.

И хочет любви. Самой любить и чтобы её тоже. И...

– Как ты, девонька? – заботливо поинтересовался Древояр.

– Неплохо, – Мудрослава сумела улыбнуться, только отражение в зеркале показывало, что улыбка эта вышла донельзя растерянною, будто она и сама в сказанное не верила. – Здесь... шумно.

– Это да. Пиры. Гуляет. Молодой еще, – Древояр произнес это с легким укором. – И не понимает, сколь все серьезно. Но я не о том. Подводы собраны. Повезем и меха...

...шкурки соболиные, числом дюжина дюжин, еще чернобурки и норки, и иного зверя драгоценного. Самой Мудрославе брат дорогой шубу поднес песцовую, легкую да жаркую.

– Атласа три штуки, бархату... – Древояр принялся занудно перечислять все то, что должно было бы составить её, Мудрославы, приданое.

И вдруг обидно стало.

Первому мужу она принесла не меньше. Но куда все подевалось-то? Свояченица вечно приходила жаловаться на бедность да скудность, на то, что дров уходит много, и воду слуги греют часто, не говоря уже о прочем.

– Посуда золотая и серебряная... – Древояр словно ощутил, что говорит в пустоту и замолчал. – Сама-то ты как?

– Пожалуй, что... он подарок прислал.

Драгоценности, которые ей показали, но унесли, отговорившись, что будто бы в храм их должно отправить. Отмолить. Убедиться, что нет на чудесных камнях проклятья.

Вернут ли?

Или же одна из девиц, которые, позабывши про стыд, рядом с Яром крутятся, себе оставит? И вновь горько. А на душе тоска такая вдруг, что хоть ты волком вой.

– Видел. Изрядно. Я уж озаботился, чтобы уложили.

– Спасибо.

– Не за что, девонька, не за что. А то ведь жениху всяко приятно будет свой дар на невесте узреть.

Да, пожалуй.

Логично.

И все одно тоскливо. И слезы на глаза сами наворачиваются. Впору разрыдаться, что жизнь у нее, у Славы, этакая... неудалая.

– Еще кое-что из матушкиных камней, ибо не дело это, если виросская царица хуже прочих окажется.

– Спасибо, – вымученно получилось.

– Ты не бойся, девонька, – Древояр погладил по плечу, успокаивая. – Не бойся. Чай, поглядишь, каково там, подумаешь... авось и глянется. Нет, то неволить тебя никто не станет.

– Так уж и не станет?

– Не станет, – жестче произнес Древояр. – Один-то раз уж позволили твоему брату глупость совершить, и что толку-то? Кому с того браку хорошо стало? Только на шею дармоедов посадили. Вона,

родня новообретенная, каждый месяц письма жалостливые шлет, денег просит. И главное, сколько ни отправь, а все мало.

– А отправляли?

– Само собою. На твое содержание по тысяче рублей в месяц велено было выделить.

И вот куда эти тысячи девались? Мудрославе вечно заявляли, что ничегошеньки от Вироссы не получают, что она-де живет из милости почти.

И...

И не боялись же.

Сволочи!

– Так что, коль там не сложится, домой возвернешься. И будем твоего братца в разум приводить. А жениха и тут подыщем... мало ли у нас добрых молодцев?

– Мало, – согласилась Мудрослава. – Если добрых.

– Порой и от злых польза быть может, – усмехнулся Древояр. – А на всякий случай отправлю я с тобой своего сродственника. Приглядывать станет. И приглядываться. Если вдруг чего не так, то к нему иди.

– А вы... разве не поедете?

– Собирался, – Древояр развел руками. – Да ныне твой братец меня к себе вызвал. Втемяшилось ему по святым местам отправиться, молиться за успех сего дела. И благословение испрошать.

Сказано это было по-старчески брюзгливым тоном.

Нарочито даже.

– А мне велено Вироссу блюсти да за Думою приглядывать.

– Не вовремя он.

– Может, и так. А может, наконец, понимать чего начал. Вот аккуратно вместе выезжаете. Пойдете разом до Судацкого скита, он там у мудреца и останется.

...не останется.

– А главное, все одно к одному. Вона, и грамотка пришла от тамошнего... владельца. Сколько лет никому не приходило, я уж, грешным делом, подумавши был, что помер он. Ан нет, живой... да, живой... и брата твоего видеть желает. Вот тот и загорелся мыслью.

Древояр покачал головою, явно не слишком довольный поворотам.

– Во главе же ж посольства ставят Ижицкого. Он боярин добрый, разумный и дело свое знает. Коль чего не так, то к нему иди. А ежели и он слушать не станет, то не чинись, говори, как оно есть. Старомысл всегда сподмогнет.

– Спасибо тебе, дядюшка, – и Мудрослава, повинувшись порыву, обняла старого боярина. Только коснулась, как будто... обожгло, опалило жаром. И щека Древоярова дернулась, а в глазах мелькнуло что-то этакое, то ли тоска, то ли обреченность.

Не радость никак.

– Ты, девонька, главное, помни. Ты – виросская цесаревна. И не чета каким-то там ладхемским купчихам, как бы те ни пыжились.

Яр заглянул незадолго до рассвета. Мудрослава долго ворочалась, вдруг стали казаться перины комковатыми, пуховые одеяла – жаркими, а воздух в тереме родном спертый, затхлым.

Сопели девки на соломенных матрацах.

Сладко похрапывала пожилая боярыня, приставленная в комнатах следить за порядком. И храп её доносился сквозь стены. Тоненько повизгивала собачонка, которую боярыня с собою носила. И в этой, наполненной звуками, ночи, никак не находился сон. А уж когда за окном посерело, Мудрослава и вовсе поняла – не уснет.

Много всего.

Мыслей. Сомнений. И непонимания, как оно получилось. Почему, стоило закрыть глаза, пред ними вставали такие яркие синие очи Старомысла. И как же вышло, что ее, Мудрославу, тянуло заглянуть в эти сами очи. Увидеть свое в них отражение.

Услышать, как повторяет он имя её.

Снова и снова.

Она в раздражении садится.

Взмокла. И волосы тоже спутались. Коса растрепалась, соскользнула лента, и теперь она, Мудрослава, верно, страшна. Заодно уж стыдно. И за мысли свои, и за томление в груди.

Она встала.

И огляделась.

Девки спят сном крепким, ни одна не шелохнулась, пусть даже пол скрипнул. И боярыня только громче всхрапывает, губами шлепает во сне, будто жалуется, а собачонка подвывает жалобам этим.

Появилось вдруг желание уйти.

Выйти.

Из терема. Хоть бы и в сад. В сад же можно? Конечно. Ночь. И никто не увидит. И... и Мудрослава набросила на плечи халат. К двери она кралась, и там уже, за дверью, почти не удивилась, увидав спящую стражу. Только сердце кольнуло тревожно.

Не должно так быть!

Не должно.

Но сердце металось, требовало скорее... в сад... и она почти бежала, босая, простоволосая, будто не царевна, а девка какая, гуляющая. И уже там, в саду, где пахло землей и цветами, она как-то успокоилась. И огляделась, пытаюсь понять, как же так вышло?

– Мудрослава? – тихий голос был слаще меда.

И кровь прилила к лицу.

– Пришла?

Вдох. И выдох. Горячо-то как. И стыдно. И сладко. И ничего-то дурного она не делает. Просто... просто сад. И ночь лунная.

– Я ждал.

Ночью цвета глаз не разобрать. Луна вон за облаком спряталась, скрылась.

– Я пришла, – губы сами шевелятся, слово говорят.

– Я знаю. Спасибо.

– И тебе.

Пальцы у него горячие. И жар этот пробирается в тело.

– Долго не выйдет, но я хотел тебя увидеть. Ты стала еще краше, хотя вовсе такое, казалось бы, невозможно.

Слушала бы.

И слушала.

А он пальцы к губам подносит. И целует. Один за другим, один...

– Только о тебе и думал. Только о тебе и тосковал. Света белого не видел, не желал видеть. На кой мне свет белый, когда тебя нету?

– Я тут.

– И надолго ли? – теперь чудится укор. – Завтра отправимся...

И горько от того.

– Я...

– Ты и я, Мудрославушка, Славушка моя, солнце мое, сердце мое...

Никто и никогда прежде не говорил ей слов подобных. И никто-то не скажет. В груди стало горько, больно, будто яду она испила. А может, и вправду?

Уж лучше отравы, чем жизнь такая.

– Убежим, – и решение вдруг показалось правильным, единственно возможным. Конечно. Как иначе-то? Она, Мудрослава, заслуживает счастья!

Разве нет?

Почему другим, тем же девкам санным, позволено любить, а виросской царевне неможно?

– Убежим, – заверили её. – Всенепременно. Но потом. После.

– Почему?

– Не время сейчас. Неможно.

– Почему? – мысль всецело завладела разумом. – Сегодня же. Убежим. Обвенчаемся. И никто-то нам не указ.

– Нет, – и слово это он произнес так, что собственная душа Мудрославы в пятки ухнула. – Нельзя. Я же говорю, еще не время. Терпения наберись.

Как будто... как будто не было слов.

– Мы обязательно будем вместе, – он вновь смягчился. – Но не как тати, закон и слово государево порушившие, клятву предавшие. Нет. Мы обвенчаемся ясным днем, пред всем людом. И только так смогу назвать тебя своей женою.

– Мой брат... не дозволит.

Все одно страх остался там, внутри. И страх, что сейчас он обозлится и уйдет, бросивши Мудрославу, и страх, что останется, ибо его она теперь тоже боялась.

Да что с нею происходит?

– Сегодня – нет. А завтра – как знать... надобно исполнить волю его.

– И выйти замуж за другого?

– Нет. Ты не одна там будешь. И другие тоже. Лакхемцы, островитяне, даже степняки, как слыхал, свою девку пришлют, – это было сказано раздраженно. – Пускай выбирает. А ты мне поможешь.

– В чем?

– В малости одной, – ее щеку погладили. – Не откажешься ведь?

– В малости?

– В ней, Мудрославушка... надобно будет отыскать одну вещицу. И тогда ни твой брат, ни кто бы то ни было вовсе в мире сущном, не посмеет мешать нам.

По спине будто холодок пополз.

– А теперь иди, – лба коснулись холодные губы. – Не то еще застудишься.

И снова не посмела она перечить.

Очнулась уже у дверей, и не удивилась, что стража по-прежнему спала, как и девки, и боярыня, и собачонка её. А на кровати сидел Яр.

– Ну что? – спросил он, отерев лицо Мудрославы простым полотенчиком. – Убедилась?

– Вот... дерьмо.

Наваждение схлынуло.

А память осталась, подтверждая, что и вправду оно так, как Мудрослава сказала. Дерьмо. Полное.

Глава 25

В которой добро готовится ко встрече со злом

«И нет хуже дурного глаза, ибо многие беды несет он. Однако же защититься от него просто, о чем многие не ведают. Доволи снять штаны или же поднять юбку, показавши глядящему голый зад, от коего дурной глаз отразится, словно бы от зеркала серебряного»

«Сто верных способов уберечь себя от напастей, собранных и записанных скромным студиозусом Ветраковым по поручению славного многомудрого магистра Луциуса»

Артан Светозарный дважды перечитал письмо.

И трижды.

И подумал, что, верно, не он один сходит с ума, если все и вправду так. Мысль неожиданно успокоила и даже как-то примирила с действительностью. Оно и вправду, вдвоем безуметь как-то веселее.

– И что пишут? – поинтересовался Кристоф, пытаясь разжевать кусок мяса. Мясо было жестким, но приправлено щедро, особенно красным перцем.

Брат-кухарь искренне полагал, что достаточное количество красного перца способно исправить любые недостатки исходных продуктов. А если не исправляет, стало быть, перца мало.

– Приглашают, – меланхолично отозвался Артан. – В гости.

– Тебя?

– И меня.

Перца в обители было много. Как-то, лет пять тому, один весьма благочестивый купец пожертвовал пять бочонков молотого. То ли излишки образовались, то ли еще что случилось, главное, хватит еще лет на пять.

К сожалению.

– Вот так прямо? – Кристоф и жевать прекратил, но к вину потянулся, осушив кубок одним глотком. – Чтоб тебя...

– Не меня.

– И не тебя. Постоянно забываю, до чего у вас тут все... суровое.
Он икнул.

И протянул руку. Пробежался взглядом по строкам. Хмыкнул.

– И что делать будешь?

– Не знаю, – Артан отобрал письмо у брата. – Надо ответить? Или нет? И что сказать? Оно как-то... понимаешь... так вот...

– Противоестественно?

– Именно. Чтобы он и меня... и... и благословения?

– А тебе что, жалко?

– Благословения? – уточнил Артан.

– И его тоже. Сам подумай, что ты, в конце концов, теряешь?

Остров. Унылое существование. Дни, похожие один на другой. Заботы обыкновенные, привычные. О том, что делать со старыми конюшнями, какие каминные заслонки закрывать, потому как слишком много уходит дров на отопление. А дрова дороги. На острове лесов нет. О том, что в классах холодно. А лечебница пустует. Что сырость подбирается к библиотеке, того и гляди тронет древние хрупкие манускрипты, уничтожит то, что до Артана бережно хранилось столетиями.

О том, что в скриптории закончилось сусальное золото, и минералы для краски. Что почерк у нынешних писцов не тот, да и внимания им недостает, вот и допускают ошибку за ошибкой.

О том, что пергамента почти не осталось.

И заказов.

Кому ныне нужны истории о житиях святых да подвигах? Только глупым мальчишкам, которые, и повзрослев, не могут расстаться с безумной идеей о спасении мира.

Артан вздохнул.

Прав брат. Со всем этим и без него справятся. Найдется кому и за кухней приглядеть, и за конюшнями, и за библиотекой да прочим невеликим хозяйством.

– Отправимся. Встретишься. Поглядишь. Может, потолкуете о том, о сем...

– О чем мне с ним говорить?

– О природе зла? – предположил Кристоф. – Да и вообще... там будут вироссы, и ладхемцы, островитяне...

– Язычники.

– И что? Им это жить не мешает. Как и степнякам.
Да, пожалуй.

Жрецы пресветлых Сестер время от времени писали письма, в которых укоряли Артана за мягкосердечие и нежелание использовать дарованные свыше силы во благо мира и приведение диких народов ко свету истинной веры.

Артан письма пускал на растопку каминов.

Вера... вера верой, орден не для того был создан. И может, именно это вот упрямство, нежелание поклониться, признать над собой руку Верховного жреца, и привело к нынешнему плачевному состоянию?

Ему намекали, что нужно быть мягче.

Гибче.

Понятливей.

– Вот. Я не о том, – Кристоф подцепил еще кусок мяса. А ведь на его корабле нашлось место и бочонкам с солониной, и зерну, и вину, и прочим, весьма нужным вещам. – Там будут не только принцессы. Они же ж не поедут сами собой. С сопровождением. А кто станет сопровождать?

Зато море почти успокоилось. И переливается то синью, то зеленью. Дразнит.

И душа рвется... куда?

– Понятно, что люди серьезные, доверенные... с которыми не помешает пообщаться. Не поверишь, но многие полагают, что орден давно уж исчез.

Артан потер щеку.

– А если...

– Думаешь, заманит в ловушку? И зверски убьет?

– Да... не то, чтобы... просто... вдруг все решат, что мы сговорились?

– Всенепременно, – заверил Кристоф. – Вне закона не объявят, потому как побоятся. Хотя... ты им давно поперек горла встал. Заменят с удовольствием, если повод дашь.

А разве можно желать повода лучше, чем встреча с Проклятым?

– Тебе решать, – Кристоф посерьезнел. – Тебе и только тебе...

«...и с тем предлагаю отринуть былые обиды ради новых свершений...»

Остаться.

Еще на год. Или два. Сражаться с тоской. И длить агонию славного ордена, который, быть может, просуществует куда дольше, чем Артан смеет надеяться.

«...ибо нет смысла в войне, когда есть возможность заключить мир к обоюдной выгоде».

Смириться?

Написать покаянное письмо Верховному? Попроситься под руку его? Там, под рукой, найдется место и старой крепости, и обитателям её. Там будет сыто и спокойно. А что до остального, то... многое можно перетерпеть. Даже то, что Артана отставят.

Верховный злопамятен.

Зато орден будет жить. Но... останется ли он орденом? Не по имени, но по сути своей?

«...молва и невежество извратили суть того, что происходило и происходит на землях, подвластных моей руке. И дабы развеять их, дабы уверить, что древнее зло имеет множество обличий, но все они отличны от моего, я, прозванный в мире людском Повелителем Тьмы, приглашаю тебя...»

– Я... – Артан закрыл глаза. – Я поеду.

И едва не согнулся от мощного дружеского хлопка.

– Не сомневался! Завтра выходим!

– Завтра?!

– А ты что думал? Поспешать надобно, а то же ж, сам понимаешь, дорога ложка к обеду. К слову, про обед если, ты не намекал своим поварам, что не нужно сыпать такое безумное количество перца?

Ночью меня разбудил хлопок дверью. Громкий такой.

Я села на кровати, сонно хлопая глазами, пытаюсь сообразить, что происходит. Ничего. Тишина. Пустота. Только зеркало на стене появилось. А в нем я, как есть, с перекошенным лицом, растрепанная и рогатая. В общем, красавица такая, что не каждое сердце встречу с этой красотой выдержит.

– Что? – сипло поинтересовалась я у Замка.

А то кто еще тут дверью хлопать станет.

И зеркало убралось. Начинаю привыкать, даже почти и не жутко. Удобно. Дом-трансформер в лучших традициях киберпанка или чего

там? Главное, что и интеллект имеется.

Скрипнула дверь, приотворилась, приглашая на прогулку.

А вот спать мне когда?

Или сон демонам не очень нужен? Дверь качнулась. И кровать подо мной пришла в движение, намекая, что расставание наше неизбежно. Временное.

Исключительно временное.

— Да встаю я, — я выбралась из-под мягкого пухового одеяла.

А прохладненько.

Очень так прохладненько. Я бы сказала даже холодно.

— Куда?

Дверь распахнулась. Не та, что вела в коридор, но та, которая соединяла меня с чужой гардеробной. Ныне в ней было жутковато. Света почти нет. Силуэты роскошных нарядов видятся темными горами. Пахнет пылью и лавандой. И вообще не отпускает ощущение, что кто-то да за мной следит.

Кто-то на редкость недобрый.

И от этого взгляда кожа становится гусиной, а хвост мелко-мелко подрагивает.

Спокойно, Жора. Дышим глубже и улыбаемся. Кому? Собственной паранойе. И идем, идем... на полу проступает мерцающая дорожка. Замок заботливый. Очень опасается, как бы я с пути не сбилась.

А вот и комната.

И зеркало, которое выглядит черным, гладким. И я отвожу взгляд, потому как жутко становится. По спине холод бежит, а хвост и вовсе нервно ногу обвивает.

Дорожка...

Ведет дальше.

И дальше. Мимо зеркала. И мимо кровати, на которой тихо спит женщина. Я останавливаюсь. Ненадолго. Я понимаю, что вижу то, чего больше нет. Но вижу... она почти как настоящая.

Красивая.

Светлые волосы растрепались, и белая кожа в полумраке светится, кажется вовсе полупрозрачной. Дыхание женщины спокойно, но вот она вдруг открывает глаза. И улыбается. Садится, протягивает руки.

– Что? Испугался? Иди ко мне... папа скоро вернется, а пока давай ты будешь охранять мой сон. Ладно?

Я вижу тень, что забирается на покрывало и все исчезает.

А дорожка света на полу дрожит, переливается. Зовет. Куда? Иду. Ступаю. И следы мои отпечатываются темными пятнами. Один. И другой.

Третий.

Снова дверь.

И галерея.

Узкая такая. Темная. Я даже теряюсь от этой темноты.

– ...ты уверен? – голос резкий, раздраженный. И незнакомый. Еще один призрак?

– Сколько их у тебя? – шепотом спрашиваю я у Замка. Он вздыхает.

Много.

Он очень старый Замок, вот и накопилось.

– Нет, мне кажется, ты ошибаешься, – теперь в голосе звучит сомнение. – Он, конечно, весьма своеобразен, но все объяснимо. Все-таки возраст. Характер. Дурной характер – это еще не признак безумия.

Я стою.

И дышу-то через раз. Почему-то кажется, что эти видения слишком хрупки. И в то же время важны. Не будь важно, меня бы не подняли посреди ночи.

Но кого я вижу?

Мужчину.

Он выступает из темноты так резко, что я едва успеваю отступить к стене. Стена кажется ледяной. И не кажется. Её покрывает изморозь. И я вздрагиваю от прикосновения. Мужчина же идет мимо. Он мрачен. Задумчив. А еще я его, кажется, видела.

Точно видела.

Темные волосы. Тонкие черты лица. Нос с характерной горбинкой. Резкая линия скул. И шрам на щеке. Помню. На одном из портретов был этот, со шрамом.

– погоди, – второй тоже выступает из темноты и он похож на первого, как брат. А может, брат и есть? Точно. – Ты не можешь отрицать очевидного!

– Я и не отрицаю.

– Он уничтожил ту деревеньку!

– Знаю.

– И? Ты и вправду веришь ему? Веришь, что их коснулась тьма? Что люди были заражены? Все, до одного?

– Может, и не все, – тот, который со шрамом, остановился. И закрыл лицо руками. – Скорее всего, что не все... но как определить? Как понять, кто изменится, а кто останется прежним?

– Подождать.

– Чего? Когда люди начнут превращаться в тварей? Когда станут пожирать друг друга? Когда... когда кто-нибудь прорвется сквозь оцепление и понесет заразу дальше?

Тишина.

Бьет по нервам. А я понимаю, что то, что случилось, это было давно. Очень давно. Задолго до появления Ричарда на свет.

– Он подарил им быструю смерть. И безболезненную. Это уже много.

– Да, но... – тот, второй, мнется. – Я осматривал тела.

– Ты?!

– Я. Осматривал. Я... понимаю, но... я должен был убедиться!

– Скажи, что ты не прикасался?

– Нет, конечно! Я... я знаю. Понимаю. Я защитил себя, но... дело в том, что я не нашел.

Молчание.

Вздых.

– Она всегда оставляет отметины. Но я не нашел. Ни одной! Ни на ком! – и это почти крик, он срыгается, тонет в коридоре. А тот, второй, зажимает брату рот.

– Тише. И... и это еще ничего не значит. Выброс был. И тот бродяга тоже, который добрался до деревушки. И туман поднимался. Туман сползал в долину. Деревня стояла на его пути. Так что или так, или этак, но заражение произошло. Да, возможно, что симптомы не проявились.

– Ты пытаешься меня успокоить? Или себя? Или, может, все иначе? Дело не в них, не в людях, а в нашем отце? Что если тьма коснулась не их, а его?

– Это невозможно.

– Почему? Да, кровь защищает нас, но... её слишком давно не обновляли.

И видение тает.

Последнее, что я слышу:

– Мы должны остановить его...

И тишина.

В этой тишине громко колотится сердце. Мое сердце. А на стенах тают белые узоры инея.

Глава 26

Где принимается важное решение

«А наглавейшим признаком одержимости девы, ежели в том есть подозрение, является то, что обретает сия дева преудивительную красоту, устоять пред которою мужчине не по силам...»

«О ведьмовстве, одержимости и прочих женских недостатках»

Ксандр, опустившись на корточки, обнюхивал плиты. Действие это вызывало какое-то престранное чувство неправильности. На плитах еще остались темные пятна крови, которую долго не выйдет смыть. Останки твари убрали, да и галерею осмотрели сверху донизу, но ничего не нашли.

А ведь тварь крупная.

Твари.

Пара.

Парой они сходятся лишь по осени, когда начинают строить гнезда. Да и то выбирают места подальше от людей, норовят подняться повыше, найти какую-нибудь трещину поглубже, так, чтобы другие криги до яиц не добрались, да и кроме криг хватало желающих на легкую добычу.

А эти в замке.

Парой.

И без гнезда.

Ксандр тоже нахмурился и лоб потер.

– Не понимаю, – признался он.

Редкий случай.

– Может, случайно забрели? – предположил Ричард, сам понимая, сколь нелепо это предположение. Замок закрыт щитами и заклятьями, и ни одно творение тьмы не способно проникнуть внутрь.

Кроме тех, кого призовут.

Но...

– Знаешь, если бы я хотел убить тебя, я бы выбрал тварь поопасней. Криги... они агрессивны, но туповаты, да и не сказать,

чтобы быстры.

– Я ничего такого не думал! – Ричард с тоской понял, что снова краснеет.

– Брось, – отмахнулся Ксандр. – Это вполне нормально.

– Подозревать друга?

– И друга, и недруга... и вообще. Но это и странно, что напрочь лишено смысла. Допустим... допустим, кто-то хотел тебя убить.

– Кто?

– Кто-то, кто знает Замок. Знает хорошо. Настолько, чтобы быть уверенным, что этот Замок примет его хозяином.

Ксандр разогнулся и заложил руки за спину. Он подошел к краю галереи и выглянул вниз.

– Это невозможно, – Ричард покачал головой. – Я последний в роду. Ты сам говорил.

– Говорил. И скажу. И поэтому вопрос надо решать поскорее, – Ксандр смотрел вниз, на опустевший двор. В сумерках тот казался совсем уж огромным.

И тоскливо-пустым.

А ведь когда-то, если верить записям, в замке жили люди.

Двор.

И свита.

И те, кто сражался бок о бок с прадедом и его семьей. Их семьи. Дети и дети детей. Слуги и служанки, тоже живые. Куда все подевалось? Как вышло так, что ныне замок пуст? А Ричард остался... нет, не один.

Почти один.

Сейчас это вот одиночество ощущалось особенно остро. А ведь, казалось, привык. Приспособился. Научился жить в этой звенящей тишине. И даже тосковать не тосковал.

К чему?

А тут навалилось.

– Возьми наложниц. Пока. Двух или трех. Да хоть десяток. Поручи Гроббе, он поищет. Он знает, где искать. И справится раньше, чем эти твои... невесты тут появятся. Заделай детей. Столько, сколько сможешь, – Ксандр вцепился в край галереи и показалось вдруг, что тонкие пальцы его того и гляди сомнут камень. – И принцесс оставь. Всех.

– Это и звучит-то погано.

– Плевать. Можно подумать, если ты станешь вдруг хорошим, кто-то это оценит. Скорее уж решат, что ты слаб. А ты слаб. И я. И все-то... идем.

Ксандр развернулся.

Злится? Или скорее встревожен. Таким его Ричард давно не видел. А потому спорить не стал. Все одно не услышит.

Идти недалеко.

Глубоко.

Здесь, на нижних уровнях, еще тише, чем наверху. И огненные камни горят ровно, наполняя каменные залы желтым густым светом. От него Ксандр морщится.

– Смотри, – он махнул рукой.

– Смотрю.

Пыль. Почему-то на нижних уровнях ее особенно много, словно она стекает сюда сверху. А может, так оно и есть. Пыль ложится под ноги пушистым серым ковром. И каждое движение поднимает её. Пылинки пляшут в воздухе, свиваются невиданными узорами.

Из-за них все кажется серым.

Узкие каменные короба. Грубые с виду. Испещренные символами, которые, правда, тоже затянуло грязью, а потому прочесть написанное невозможно. Оно и к лучшему. Ни к чему.

Ксандр идет.

От короба к коробу. На колонны похожи, только обрубленные.

И снова пыль.

От нее першит в горле.

– Смотри! – Ксандр остановился в центре залы и, раскинув руки, повернулся. – Их осталась едва ли треть!

– Знаю.

Короба пусты.

Два из трех. Три из четырех. Пыли много. Она проникает и внутрь, обволакивая тела мертвецов паутиной. Липкая, она намертво въедалась даже в заговоренный доспех, и исконная чернота его обретала странную пятнистость, будто этот доспех побилو ржавчиной.

Придется чистить.

Скоро.

Еще две луны и настанет время менять. Те, кто ныне охраняют покой Мертвого города и людей, вернутся, дабы восстановить силы. И скольких из них придется отпустить навсегда?

Даже бессмертные легионы подвластны времени.

И снова тоска наваливается. Она тяжела, и Ричард, не способный с этой тяжестью справиться, опирается на колонну. Появилась мысль, что, возможно, Ксандр прав. Тьма ушла, а с ней и перестал быть нужен Ричард. Замок. Легионы. Все вот это вот... какой смысл цепляться за прошлое?

Следовать обычаям?

Кому они нужны?

С кригами люди и сами справятся. И с змееволками. И с прочими тварями, которых в окрестных горах было множество, но за века они стали привычным, обыкновенным даже, злом.

Так чего ради цепляться-то?

– Их надо восстановить, – Ксандр постучал по ближайшему саркофагу, и мертвец в нем открыл глаза. – Спи еще.

Глаза закрылись.

– Зачем?

– Чтоб были! – голос его отразился от стен и вновь же увяз в пыли. – Ричард, мне не нравится твое настроение.

– Мне тоже, – признался Ричард и потер переносицу. – Такое чувство, что... не знаю. Все это зря? Ты не думал об этом?

– О чем?

– О том, что по сути я на цепи сижу. В Замке вот. В долине. В горах. И ничего-то помимо них не видел. Что... я бы отправился по миру.

Ксандр вздохнул и присел на низкие ступени, что вели к возвышению. Там, в саркофаге, украшенном серебряными накладками, спал тот, кого не пробуждали к жизни пару десятков лет. И Ричард искренне надеялся, что и не придется.

Бессменный Командор славился на диво дурным нравом. И даже смерть его не смягчила. Хотя... если вспомнить, что смерть эта была медленной и довольно мучительной, то становилось очевидным, что смягчения ждать не след.

– Ничего там хорошего нет. В мире.

Ксандр вытянул ноги.

Откинулся. Закрыв глаза.

– Но ты хотя бы его видел.

– Видел, – признал он. – Знаешь, я тоже когда-то... казалось до жути несправедливым. Люди свободны. Приходят. Уходят. Они слабы и ничтожны. Мой отец повторял это, как заклятье, что слабы и ничтожны, что без нас они не справятся. Еще говорил про долг.

– И предназначение.

– Именно. Видишь, ты все знаешь. Я сперва слушал, а потом... после смерти уже понял, что он тоже завидовал.

– Кому?

– Людям. Которые слабы и ничтожны, но свободны. А мы и вправду на цепи. Я ведь и при жизни пытался сбежать. Это ведь казалось не таким и сложным. Если люди могли преодолеть путь, то почему я не смогу? Но стоило подойти к перевалу, как... мне становилось дурно.

– Все-таки на цепи?

– Именно, – глаза Ксандра в полутьме светились красным. – А потом я умер. И понял, что свободен. Удивительное чувство. Я не хотел ни крови, ни чьей-то жизни. Только уйти. Туда. Посмотреть, каков мир и вообще... и уехал. И не возвращался, хотя тянуло. С каждым годом все сильнее. Я сопротивлялся. Как же. Я ведь свободен. А оказалось, что ее не существует, этой свободы. И вот я здесь. С тобой. Все на той же цепи.

– погоди, – Ричард опустился рядом.

В зале было довольно тепло, и пыль больше не раздражала. Напротив, она показалась вдруг донельзя уютной, как старая перина.

– Если ты не смог выйти, то как тогда мой предок, тот, который ходил к Ладхему, вообще до него добрался? И другой, что Вироссу воевал? С островами опять же?

– Не знаю, – Ксандр задумчиво потер переносицу. – А ведь и вправду. Интересный вопрос. Очень интересный. Но с легионами делать что-то надо.

– Наверное.

– Не наверное, а точно. Знаешь, у меня такое чувство, будто что-то происходит, а я понять не могу, что... – он покачал головой. – Иногда накатывает вот...

– Тоска?

– Она самая.

– И на меня. Такая, что... не знаю.

– Сдохнуть охота?

– Именно. Только это не нормально ведь, верно?

– Не знаю. Я уже давно не человек и забыл, как им быть.

– Лукавишь.

– Если и так, то самую малость. Знаешь... потом вроде и прихожу в себя, и не понимаю, что тут не так, и... вообще все это как-то... неправильно, – Ксандр описал в воздухе полукруг. – Это или с нами что-то. Или с Замком. Если он пропустил криг...

– Или не он?

– Кто тогда?

Ричард не ответил. Замолчали оба.

Молчание длилось и длилось. И Ричард сперва пытался думать. О невестах, но о них думалось тяжело, со скрипом, о легионах Смерти, которые и вправду тают, что весенний снег. О кригах. Замке.

Демонице.

О ней думалось как-то совсем даже легко. И улыбка сама собой появлялась на губах. А ведь не испугалась... хотя, конечно, это же демоница. С чего ей бояться какой-то там криги?

Испепелила.

И ладно.

И хорошо.

– Возможно, стоит вернуть старый обычай? Тот, что еще мой дед ввел? Он покупал тела. Не всех. Сильных молодых мужчин. И не только тела. Но покупать рабов и делать из них тела ты не согласишься.

– Не соглашусь, – подтвердил Ричард.

– Вот. А покойников можно. Если предложить неплохие деньги, то люди будут рады. Поставим пару дюжин стазис-камней. Ты получишь материал для восстановления Легионов, а они – деньги. Сплошная взаимная выгода.

Думать о покойниках не хотелось.

Или это все демоница мешает? Никак не уберется из мыслей Ричарда.

– Да и этих надо бы поднять.

– Всех?

– Всех. А то ведь гости... все такое...

– Не любишь ты гостей, – Ричард скатал из пыли пушистый ком.

– Было бы за что любить, – хмыкнул Ксандр. – Сначала припрутся, натопчут, а потом глядь и серебряные ложечки кто-то спер.

Ричард глянул на друга с укором.

– Это же принцессы...

– Вот-вот. Никогда не знаешь, чего от них ждать. А впечатление производить придется. Честное слово, лучше бы ты и вправду себе кого купил...

Впечатление – это да.

И...

– А если, – мысль показалась неожиданной. – Убивать не хотели?

– Кого? – уточнил Ксандр.

– Меня. Кригой. Напугать.

– Тебя кригой?

– Демоницу?

– Визжала она громко, но потом помнишь, что было?

Куча пепла, которую и убирать не пришлось, ветер так разнес.

– А если не демоницу? Если бы на месте её была, скажем, принцесса? Или кто-то из свиты?

Ксандр задумался.

– А ведь и вправду... нормальных людей крига, пожалуй, испугала бы, – согласился он. – И да... если что-то подобное случится, то скандал выйдет. И немалый. А если, не приведите боги, что-то с невестами твоими...

Он замолчал, позволяя Ричарду самому додумать.

Тот и подумал.

Подумал еще раз.

И... может, ну его, с женитьбой этой? Или поздно уже надеяться?

– Так что... давай... поднимай, – Ксандр встал и похлопал по саркофагу. – И его тоже.

– Может... обойдемся? – пробуждать к жизни Командора желания не было.

Никакого.

– Нет. Нам понадобится кто-то с опытом. И мозгами.

Ксандр тоже вздохнул и потер затылок.

– А характер... как-нибудь перетерпим. В конце концов, это ты Повелитель Тьмы.

Да, только Командор никогда не обращал внимания на подобные мелочи.

Глава 27

О вещах серьезных

«И коли вселяется в бабу дух нечистый, то становится та баба зело сварлива и говорлива, да так, что никому-то от ней покоя нет ни днем, ни ночью. Тогда-то и остается человеку доброму, что палку брать да колотить бабу покамест дух зловредный из ея рота не выскочит. И сделается тогда баба ласковою».

«Народные суеверия, собранные и записанные со слов старца Казима, сына Пруткина, из села Заколье студиязусом Арвентом Благим».

Я нашла их.

Тех призраков.

В смысле, их портреты, которые обнаружились, вот диво дивное, среди прочих портретов, вот как раз на дальней стене. Солнце падало, отчего лица давно умерших людей казались какими-то бледными, размытыми даже. Но я их узнала.

И... дальше-то что?

— Дальше-то что? — поинтересовалась я вслух у Замка, который, казалось, потерял всяческий интерес к делу нынешнему.

Ну да, преобразования начались.

Уборка.

Чистка.

Мойка ковров, которые, может, и являли собою немалую историческую ценность, но уж больно пыльную. Еще были паркеты, которые требовалось отмыть и натереть. Шпалеры.

Окна.

Шторы.

В общем, много чего, чем занялись молчаливые мрачного вида люди. Людей привел дэр Гроббе, почтительно со мною раскланявшийся, и заверивший, что все-то будет исполнено.

И певца нашли.

Кастрата.

Заверил даже, что лично проверил. Я как-то постеснялась уточнять, что именно там проверялось, способности к пению или другое чего. Кивнула так важно.

И ушла.

Оно еще Антонина Егоровна говаривала, что хороший начальник знает, когда надо убратсья, дабы не мешать людям работать. А что присутствие мое несколько смущало местных, так это я шкурой чуяла.

Да.

Вот и нашла себе занятие.

Стою. Портреты разглядываю. Коготь покусываю. Думу думаю, понимая, что как-то оно с другим не вяжется.

– Доброго дня, – сказали мне отчего-то шепотом.

– Доброго, – также шепотом ответила я.

Ричард зачем-то оглянулся, после чего вошел и дверь за собою запер. И еще спиной к ней прислонился. Стало быть, для уверенности.

– Прячетесь? – поинтересовалась я, ибо выглядел Повелитель тьмы на редкость несчастным. Волосы его торчали дыбом, особенно слева. Справа на скуле наливалась нарядной синевой гематома. Да и челюсть он осторожно поглаживал.

Ричард кивнул.

– От кого?

– Да... так... пришлось вот... – он вздохнул. – Поднять Командора.

На всякий случай я цокнула языком, выражая что-то этакое, вероятно даже сочувствующее.

– У него характер сложный.

– И кулак крепкий? – уточнила я.

– Что? А... это он случайно, – Ричард потрогал скулу. – Не разобрался сразу, кто перед ним, вот и...

– А потом?

– Потом разобрался, конечно, – он потер шею, на которой тоже проступали синюшные отметины, будто кто-то огромный взял да схватил Ричарда за шею. – Просто мы раньше не встречались.

И тихо добавил:

– Слава богам...

– А тут встретились?

– Пришлось. Надо... безопасностью заняться.

– Похвально.

Он отступил от двери, осторожно так, не сводя взгляда.

– А вы тут...

– Так. Развлекаюсь.

Ричард огляделся. Ну да, довольно странное место для развлечений, если, конечно, не развлекаться дорисовыванием портретам благородных предков рогов, хвостов и прочих пакостей.

– Скажите, – мысль вдруг настолько захватила, что я поспешила подхватить Ричарда под руку. – А вы случайно не знаете, кто это?

И указала на портрет.

Того, который со шрамом.

Ричард моргнул.

– Знаю. Случайно.

– И кто?

Вот что, каждое слово из него тянуть приходится.

– А вам... собственно говоря, зачем?

И что ответить? Что рожа у него интересная? Да такая же, если подумать, как у остальных. Вот реально, они все тут, ну, кроме Ричарда, копия друг друга. Ну и в остальном как-то врать не хотелось.

Совершенно.

– Тут такое... дело вот... может, конечно, примерещилось, но я его видела. Ночью. Его и вот его, – я ткнула в соседний портрет.

Ричард слегка напрягся.

– То есть не совсем их, а будто... призраков? Точно не материальных.

– Это память.

Ричард подошел к стене.

– Замок порой запоминает. И показывает. Я читал о таком. Редкое явление, и не каждый способен увидеть. Я вот, выходит, не способен.

И столько тоски в голосе. Понимаю. Обидно. Живешь тут, живешь, хранишь честь предков, из шкуры вон лезешь, соответствовать пытаешься, а редкое явление какой-то залетной демонице показывают.

– Это братья моего деда. Кафир и Нашияр.

– Погоди, это...

– Когда-то они восстали против власти своего отца. Тогда пролилось много крови. И тьма почти восстала из пепла.

– Так... – я потерла лоб и, не удержавшись, поскребла ноготком голову. Пробившиеся рога зудели. Надеюсь, не оттого, что росли. Не надо им расти! Лучше бы чего другое выросло! Или нет? Так, Жора. Аккуратнее с мыслями. А то ведь тоже... вырастет и что тогда?

И что вырастет.

И какое?

Выдыхаем и успокаиваемся, сосредоточившись на портретах.

– Если остался этот эпизод, значит, он важен, – Ричард коснулся портрета и замер. Я же мысленно прокручивала подслушанный разговор. – Но чем... знаешь, это надо не здесь. Это надо...

...в библиотеке.

Библиотека тут была.

Огромная.

Мне как-то сразу вспомнилась наша, университетская, по прежней жизни казавшаяся большой. Но и она меркла по сравнению с нынешней.

Необъятных размеров зала.

Сводчатый потолок где-то там, в невообразимой высоте. Узкие арочные окна, сквозь которые проникал свет. Рассеянный, он скользил по полкам из темного дерева, ласкал корешки книг, спускался на каменный пол. И белый мрамор наполнялся им.

Уютно.

Огромные бронзовые чаши. Кристаллы в них.

Столы.

Запах пыли и книг. То самое сочетание, которое и в той жизни просто-напросто сводило с ума.

– Это... – я осторожно коснулась полки и тут же убрала руку. А ведь библиотеку он мне не показывал. Почему? Может, решил, что демоны читать не умеют.

– Первый зал открыт, – сказал Ричард. – А вот второй защищен.

Сказал и смутился.

– Я дам вам доступ.

– А здесь... – книг было не просто много. Очень и очень много. На полках.

На столах.

На специальных подставках.

Я подошла к одной. Огромная. Толщиной с мою руку, с ту, которая от кончиков пальцев до локтя. И прочие размеры... удивляют.

– Это книга Темного исхода, – сказал Ричард.

Черная кожа. Заклепки. И три замка.

– Многие полагают, что здесь сокрыт секрет врат, способных соединить наш мир с миром демонов. И потому когда-то книги эти были уничтожены. На самом деле ничего там такого нет. Так, пространные размышления о сути мира, зле и добре.

– И как?

– На редкость занудно.

– А ты все тут читал?

Вторая книга не меньше первой, только обложечка посветлее и замки ржавчиной не тронуты.

– Не все, но многое. Мой отец... он предпочитал заниматься делами. А я вот... здесь на самом деле довольно тоскливо. Из развлечений – бестиарий и библиотека.

Тихий вздох.

– Некоторые читать пришлось. «Демонология».

Книга сама скользнула в руку и призывно распахнулась. Зашелестели страницы, с которых на меня скалились уродливые рожи.

Мерзость какая!

Разнообразная.

– Здесь повествуется о демонах низшего звена, – Ричард книгу забрал, не позволив увлечься созерцанием особо отвратной хари. – О правилах вызова. Ограничениях. И уничтожении.

Как-то это он тихо произнес, в стороночку.

– Меня ты тоже уничтожишь? – поинтересовалась я, вытащив очередную книженцию, на сей раз тонкую, но в роскошном переплете, украшенном камнями.

– «Жизнеописание святой Индельгарды», – Ричард скривился. – И нет. Вряд ли получится, даже если бы я захотел.

– А ты не хочешь?

– Знаешь... есть легенда... старая, что давным-давно, когда род был силен, то мужчины брали в жены девиц.

Я вспомнила пару гравюр и от души посочувствовала тем мужчинам. И даже восхитилась ими. Это ж какие нервы иметь надо! А

заодно и несокрушимую потенцию. Или очень и очень извращенные вкусы.

Не хватало только.

– Правда, – Ричард покосился на книгу в руках, которая так и норовила погрузить в мир демонов. – Я думаю, что это только легенда.

Ну да.

– Хотя...

– Что?

– По одной из версий именно кровь демонов и стала причиной того, что произошло.

– Это ты про того... младшего бога?

– Именно. Когда-то давно наш род правил Империей. Не буду врать, что мудро и справедливо, – Ричард криво улыбнулся и засунул трепыхающуюся книгу на полку, придавивши той, другой, которую я держала. – О том времени сохранилось не так и много сведений. Но... не особо я верю в мудрых и справедливых правителей.

– А сам?

– Какой из меня правитель, – он махнул рукой. – Я так... за порядком приглядываю и только. Ну и смотрю, чтобы люди не лезли туда, куда не след.

– А лезут?

– Это же люди. С каждым годом все больше. Как пошел слух о сокровищах, так каждый год находится кто-то, желающий проверить. А это опасно.

– Гибнут?

– И это тоже. Но если бы только сами, то и ладно.

Он прошелся вдоль полок и вытащил огромную книгу, не такую, как та, что спала на подставке, поменьше, но все одно солидную.

– Моя любимая. «Бестиарий». О тварях естественных и сотворенных.

– И такие есть?

– Мало. Сейчас уже никто не помнит, как создать живое существо. Жизнеспособное. А во времена Империи бестиаров хватало.

Книга легла на стол.

– Ихкар, – существо на картинке походило на ящерку с крыльями. – Домашний дракон. На самом деле и близко не дракон, но название прижилось. Ихкары тоже. Их вывели, чтобы охотится на

крыс, с которыми не справлялись кошки. А потом кто-то решил, что они довольно милы. Их кары стали весьма популярны. Их часто можно встретить на старых портретах.

Тварь была ярко-синей с розовыми пятнышками на чешуе. Куцые крылья. Длинный хвост. Вытянутая морда... нет, кошки все-таки лучше.

– Навус, – Ричард перевернул следующую страницу. Это создание походило на весьма уродливую собаку. – Незаменимый сторож. Они весьма умны. Привязаны к хозяевам. Неутомимы. Неустрашимы... жаль, что вымерли.

Ага. Мне тоже.

Наверное.

Все-таки, мечтая о собаке, я представляла себе нечто менее... ужасающее.

– Так что там с сокровищами? Они есть? – я листала книгу, разглядывая удивительных существ, некоторые прямо-таки просились на страницы «Демонологии».

– Есть, пожалуй. Дворец был заражен тьмой, а стало быть, и все, что в нем находилось, осталось. Как и в верхнем городе. А там стояли дома весьма состоятельных людей.

В которых найдется чем поживиться страждущему.

Я вздохнула.

– Опасность в том, что тьма, она... не сказать, чтобы разумна, это будет неправильно. Скорее уж она похожа на яд. Или болезнь? Я об этом много думал. И человек, который её коснется, он не сразу умрет. Он может даже не заметить...

– Как в той деревне? Из беседы?

– Именно, – Ричард убрал книгу на место. – О ней я тоже где-то читал. Должен был. Сейчас... идем.

Идем. Я ж не против.

Второй зал меньше первого, но в целом похож. Тот же мрамор пола. Те же потолки. Узкие окна, правда, без витражей. Свет. Пыль. И ощущение заброшенности.

– Мертвым сюда хода нет, – сказал Ричард и чихнул. – Кроме Ксандра. Он же с уборкой как-то не ладит.

– Будь здоров.

– А у меня вечно руки не доходят... это семейные архивы. Открытые.

То есть, где-то там имеются и закрытые? Впрочем, чего это я. Естественно, имеются. И чувствую, что мне туда надо.

– Когда тьма затопила долину... это случилось в день свадьбы. Аравен Иберийский, наследник престола империи, сочетался браком с избранной девой.

– Кем избранной?

– Советом. Вроде бы. Но уж точно не скажу. Можно Ксандра попросить, может, он что-то знает...

– Не нужно!

Ричард кивнул, кажется, с облегчением.

– О том времени известно немного. Основные записи были утрачены вместе с дворцом и дворцовой библиотекой. А предкам моим первое время было не до воспоминаний. Они пытались удержать тьму.

В этой части библиотеки хранились не книги, но весьма пухлые тетради.

Записи.

Рисунки... талантливые, поскольку от вида тварей изображенных меня в холодный пот бросило.

– Арван, мой прапрапрадед... он считал необходимым запечатлевать все образы тьмы.

– Вижу... получилось.

– Да. На основе его изображений позже сделали справочник. К счастью, многие из описанных им созданий давно уже не встречаются.

Радость-то какая.

– Позволишь? – Ричард осторожно забрал альбом и, положив на стол, принялся перелистывать страницы. Не найдя нужного, он вытащил второй альбом.

И третий.

– Сколько их? – тихо спросила я.

– Семнадцать. Есть легенда...

– Семейная?

– А то как же... так вот, что был и восемнадцатый, посвященный особо опасным созданиям, но его уничтожили, как и самого Арвана.

– А...

– Он погиб довольно странной смертью.

То есть, тут еще что-то может странным считаться?

– Умер в своей постели.

Ну тогда да. Наверное, очень нетипично для того, кто жизнь посвятил борьбе со всякого рода тварями.

– Один. В запертой комнате. Но когда нашли его тело, то всех поразило то выражение ужаса, которое было на его лице.

Темной-темной ночью... что-то это похоже на страшную сказку из того моего, позабытого мира. С другой стороны, в нынешнем сказки – они такие, могут и к тебе прийти.

– Инсульт? – робко предположила я. – Или инфаркт?

Случается же.

Тем паче, что Повелитель Тьмы – работа нервная.

– Лекарь сказал, что сердце не выдержало, – согласился Ричард. И ткнул пальцем в очередной альбом. – Вот.

Ради разнообразия существо, чье изображение сунули мне под нос, не имело ни клыков, ни когтей, ни чешуи. Оно не сочилось слизью, не выглядело так, будто вот-вот развалится на куски гниющей плоти, да и вовсе отторжения не вызывало. Скорее уж странно было видеть среди чудовищ обыкновенного человека.

Девушку.

Та сидела, сложив руки на коленях. Склоненная голова, мягкая улыбка. Девушка была красива. А пышное платье сползло, оголив белое плечо, на котором темным пятном виднелась родинка.

Или не родинка?

В верхнем углу страницы этот несчастный изобразил странный узор, будто переплетение колючих еловых лап.

– Это знак Тьмы и одержимости, – сказал Ричард. – Чаще всего, конечно, тьма меняет живое в то, что ты видела.

Видела. И хотела бы развидеть. Хотя почему-то ужаса все одно не испытываю, скорее некое отвращение. Это у меня из-за переноса нервы покрепчали? Или оттого, что я все еще не воспринимаю происходящее всерьез?

Надо бы уже начать. В смысле, воспринимать.

– Такие создания одержимы ненавистью ко всему живому, но в остальном их довольно легко узнать и уничтожить. Другое дело те, кто подобен ей.

– Кем она была?

Чувствовалось, что покойный живописец очень хорошо знал девушку. И рисовал с нежностью. С печалью. Сожалением. Даже болью.

Странно.

Я коснулась страниц.

Нет, не показалось. От страницы тянуло смертной тоской. И в её взгляде было нечто такое, пугающее и завораживающее.

– Его возлюбленной. Если верить семейной легенде.

– У вас их много, легенд?

– Жизнь такая... тут только и остается, что легенды сочинять, – Ричард посторонился, позволяя мне подойти ближе.

Сочинять.

Рисовать.

Писать, оставляя воспоминания благодарным и не очень потомкам. Как-то... даже жаль их стало. Немного.

– Если верить легенде, он спас эту девушку. Она была дочерью очередного авантюриста, который решил, будто нашел верный способ защититься от тьмы.

– А он существует?

– Нет. Во всяком случае, мне о таком не известно. Даже я... наша кровь способна противостоять этой силе.

Да, те двое что-то такое говорили.

– Но тоже лишь до определенной степени. Потому-то в мертвый город никому нет хода. Из живых. С мертвыми проще, но не о том ведь... он встретил её в горах. Единственная выжившая. Сошла лавина. Накрыла всех. Её отец погиб на месте. Брат умирал, пытаюсь продлить ей жизнь.

Вот тебе и жуткая-жуткая местная сказка.

– Арван отыскал их. И спас. Правда, брат её скончался, но уже в замке. Она горевала... она оказалась знатного рода. И силой обладала немалой. Арван и решил, что этого достаточно.

– Чтобы жениться?

– Именно. Тогда... как-то особо не до выбора было. Знаешь, я только сейчас начинаю понимать, насколько оно все странно! И противоречий много, – он потер лоб.

А я положила руку на плечо, успокаивая.

Странно?

Да любое семейное древо уходит корнями в предания, щедро сдобренные остатками тайн. И скелеты для этого древа – лишь удобрение.

– Он думал, что экспедиция шла к городу. Потом... потом стало ясно, что она шла уже из города. И что им удалось проникнуть внутрь. Пройти сквозь заставы. Добраться до пятна. И кое-что вынести.

– Сокровище?

– Вроде того... зеркальце. Обычное женское зеркальце.

Спина похолодела.

– Драгоценное, это верно. В золотой оправе, украшенной камнями. Оно, верно, принадлежало знатной даме. Зеркала... опасны. Не люблю я их.

И я тоже.

Кажется.

То, которое видела, точно было без золотой оправы с камнями, да и дамским его не назовешь. Но... спросить? Или пока не стоит?

– Она говорила, что это зеркало принадлежало её матери. Она очень берегла его.

– А твой предок не чувствовал, что...

– В том и дело, что порой присутствие тьмы невозможно ощутить. Она прячется. Она меняет изнутри.

– И как все...

– Она поняла, что носит дитя. И это дитя... оно бы не родилось таким, как остальные, ибо тьма меняет сущее. Она молчала. Долго. Потом молчать стало невозможно. Положение не скроешь. Арван был рад, что род продолжится. И его семья была рада. И... незадолго до родов случился прорыв. Теперь ясно, что это тьма, чувствуя приход нового воплощения своего взволновалась. Но тогда все, кто был в замке, вынуждены были покинуть его.

Ричард замолчал. А я не торопила. Чувствуется, финал у этой истории будет не слишком веселым.

– Когда Арван вернулся, он нашел свою жену. Та сидела перед зеркалом и расчесывала прекрасные волосы. Сидела и расчесывала... она не отзывалась на его голос. Она не замечала ничего, кроме собственного отражения. И даже того, что кожа её потемнела, покрылась язвами.

Мда. Предчувствия меня не обманули.

– А... ребенок?

– В замке не осталось живых. Слуги и служанки. Старый распорядитель. Няньки, которых наняли пред рождением ребенка. Никого. Тьма сожрала всех.

Мать моя женщина!

– Благо, тогда род был еще велик, и помимо этого замка существовали иные. Потому и продолжился он младшим братом Арвана.

– А...

– Арван убил отродье тьмы. И сам похоронил её в родовом склепе.

– А ребенок?

Все-таки!

– Ребенка найти не удалось.

Вот же... ж... и даже сказать нечего.

– Возможно, что его и вовсе не было. Тьма... не способна сотворить живое. Скорее всего плод, зачатый в браке, оказался нежизнеспособен.

– А тело?

– Тьма, пожирая плоть, часто обращает её в прах. Так случилось со всеми в замке. Возможно, что и дитя постигла та же участь.

– Но его искали?

– Еще как. Все вещи, всё, к чему прикасалась эта женщина, было предано огню. Даже стены замка... подвалы...

Все равно не успокаивает. И главное, чувство такое, что я слышала что-то донельзя важное. Понять бы, что еще.

– Тем тьма и опасна. Не всегда можно определить человека, несущего её в себе. Она же, получив вместилище, рвется на волю. И уничтожает все, до чего дотянется. О том и речь. После произошедшего с Арваном был издан закон. При малейшем подозрении, что человек заражен тьмой... он уничтожался. Как и всё, чего он коснулся. Или кого.

А вот теперь совсем не смешно стало.

Глава 28

В которой речь заходит о тьме и Легионах смерти

«Дабы сотворить зелье, жизнь продляющее, возьмите три грана темного меда из Скафии, свежие цветы горечавки, четыре гадючьих глаза, целебные корни семи трав, сообразно звездной карте пациента, смешайте все с бараньим жиром и добавьте три волоса кентавра. Смеси надлежит настояться, отчего обретет она особый цвет и запах. Когда же будет готова, то надлежит ею мазать пятки и локти, а еще виски...»

«Рецепты здоровья и долголетия»

Тьма.

Ричард помнил её.

Густую. Живую. Шепчущую. Обжившую развалины древнего города. Она пела, переливаясь всеми оттенками черного. Она сплетала фигуры одну за другой, наполняя древний город призраком жизни. Она пряталась, притворяясь, будто бы её вовсе нет. И спешила дразнить, мелькала в окнах заброшенных домов, рассыпала утраченные сокровища и даже облизывала старые колокола, наделяя их неестественным блеском. Издали те колокола гляделись золотыми.

Ложь.

Все ложь.

Тьма тянулась к Ричарду, но не смела переступить границу. И ложилась на жухлые травы туманами. И звала, звала на разные голоса.

Пожалуй, тогда он не устоял бы. Если бы не Ксандр. Тот положил руку на плечо и сказал:

– Не слушай эту погань.

Ричард и очнулся. И сразу стало понятно, что эта кажущаяся пустота города – именно кажущаяся. Что на самом деле он все еще полон иной, извращенной жизни. И с радостью поглотит, что Ричарда, что всех, кто рискнет приблизиться.

Демоница тихонечко вздохнула.

А она ощутила бы близость тьмы? Когда-то давно, когда живы были раны земли, его предки пытались решить проблему привычным путем.

И вызывали демонов.

Низших.

А те уходили во тьму и... растворялись в ней.

В дневниках сохранились отметки. Сухие строки. О разрыве связи. Развоплощении. О поглощении сути. О том, что тьме все одно едино, кем питаться, людьми ли или же тварями мира Хаоса.

А еще о том, что демоны, кровожадные, безумные, тоже способны испытывать страх.

Тогда Ричарду не верилось.

Сейчас он перелистывал страницы очередного дневника, пытаясь найти упоминание о той, уничтоженной, деревне. Случилось это не сказать, чтобы совсем уж давно. Следовательно, записи должны были сохраниться.

Определенно, должны были.

И они сохранились.

Год тысяча двести семьдесят третий от низвержения Младшего бога.

Ранняя зима.

И долгая. Снега. Морозы. Зиму Ричард любил. Нежить не жаловала холода и забивалась по норам, люди тоже как-то успокаивались в своих желаниях добраться до сокровищ. В общем, хорошее тихое время.

Легионы и те впадали в полудрему и сил расходовали много меньше обычного.

...весна.

И скворцы прилетели. Важно ли это? Пожалуй.

Рождение младшего сына у младшего сына. Празднование. И вновь же кратко, отстраненно. А ведь это отец Ричарда... надо же. Знакомое имя. А... а ведь он не открывал эти тетради.

Почему?

Записи... и снова записи. Прадеда – скудные, но касающиеся всего и сразу. Хозяйство. Люди. Лошади. Заготовка зерна и сена. Купцы. Серебряные прииски. Добыча золота.

День за днем.

Это бы надо как-то упорядочить.

А вот и нужное.

Все тот же тысяче двести семьдесят третий год от Низвержения. И первый месяц лета. Жара. Наверное, и вправду было очень жарко, если дед упомянул об этом.

Чужаки в долине.

О них донесли, но не сразу, и чужаки ушли. Скрылись. Отряд наемников, весьма опытных на свою голову и умелых. У них получилось пройти лесами, ибо даже теперь люди стараются без особой нужды в леса не углубляться. А у них получилось.

Пройти.

Добраться до мертвого города. Пересечь границу. И раствориться во тьме.

Ричард перевернул страницу, покосившись на ту, что сидела рядом, разглядывая картинки. Одну за другой. И лицо у нее было весьма живым. Вот хмурится. Морщит нос, увидев заххага. И вправду на диво отвратительное создание, похожее на уродливую личинку. Ко всему шкура его складчатая покрыта слизью. А тот, кто создал рисунок, обладал немалым талантом.

У него получилось передать и слизь, и шкуру эту, и жвала.

Перевернутая страница и отвращение сменяется восторгом.

Агары и вправду красивы. Смертоносные создания, больше всего похожие на кошек. Очень крупных гибких кошек. Сильных. И быстрых.

К счастью, вымерли.

Подумалось, сказать ли, что твари сии предпочитали питаться мясом и большею частью человеческим? Ричард подумал и промолчал.

Записи. К ним вернуться надо.

Чужаки.

Они ушли в город. И вернулись. Лишь двое. Тело одного нашли близ границы, изрядно оплывшее, явно изъеденное тьмой. А вот второй добрался до деревни.

Сволочь.

И крестьяне не лучше. Что он им посулил за помощь? Или не он, но тьма, в нем обосновавшаяся? Тьма умела быть убедительной. Да и судя по записям, наемник не выглядел пораженным.

Он был ранен.

Не смертельно, отнюдь, но рана мешала уйти. Ему и нужно было отлежаться. Всего несколько дней и он ушел бы дальше. Если бы успел.

– Знаешь, у вас тут на редкость разнообразный животный мир, – демоница почесала левый рог. И Ричард подумал, что вовсе её эти рога не портят.

Что выглядят они... естественно.

Пожалуй.

А еще очень хотелось потрогать. Убедиться, что они на самом деле такие вот, каменно-гладкие. И теплые с виду.

– Это из-за тьмы. Один из моих предков полагал, что все эти существа – суть влияния тьмы на живые организмы. Что природа менялась, приспосабливалась. Появлялись разные... создания. И одни уходили, а другие оставались. Сейчас довольно редко можно встретить вызгула.

– Это кто?

– Ночной охотник. Полуматериальная сущность. У него крылья и... – Ричард задумался, как описать то, что больше всего походит на грязную тряпку. – Он питается эмоциями. И способен их вызывать. Чаще всего страх, но случалось, что и блаженство.

– Страх, говоришь... – демоница поспешно перелистывала страницы. – Это...

– Вот, – Ричард подал нужный альбом. – Они давно исчезли.

– Думаешь?

– Даже мой дед не встречал вызгулов. Они оказались довольно легкой добычей других тварей. И... нет, в замок такой не проник бы.

– Уверен?

– Пожалуй... да. Замок, он ведь... имеет суть. Сущность. Я бы сказал, что и душу. И это не образно говоря. Это часть древнего ритуала. Так вот, он был создан, чтобы защищать наш род. То, что от него осталось. Соответственно, никто и ничто не может проникнуть сюда извне. Он и Ксандра терпит с трудом.

– А... та тварь? – задала демоница до крайности неудобный вопрос. – Ну та, зубастая... которая упала. Она же как-то пробралась?

– Да.

Ричард посмотрел на дневник. Читать не хотелось. Возможно, оттого, что он знал, что случится дальше. И эта предопределенность

выматывала.

– И как?

– Пока мы не разобрались. Но... тот обряд. Он был проведен давно. А у всего свой срок. И возможно, – признаваться в подобном не стоило, тем паче демонице, но Ричард не сумел промолчать. – Возможно, Замок слабеет.

– Это вряд ли, – демоница раскрыла альбом. – Так ты нашел?

– Да. Деревня и вправду была уничтожена.

Список имен.

Подробный.

Семьи... мужчины и женщины. Дети. Немного, ибо поселение было из числа новых. Оно и понятно. В старом чужаку не позволили бы подойти близко. Убивать бы, может, и не стали, и за ограду не пустили бы. А тут...

Больно.

Дела давние, но все равно больно.

И что это дает, помимо сомнений? Был ли дед прав? Или же нет? А если тот наемник и вправду не нес в себе тьмы? Если он оказался в достаточной мере сообразительным, чтобы не соваться в город? Если... если дед ошибся?

– И как?

– Никак, – вынужден был признаться Ричард. Но дневник он отложил и, отойдя к полкам, вытащил еще несколько.

Тот же год. Записи другие.

Упоминание о тумане.

О деревне.

Угроза заражения. Опасность, что тьма выберется, ведь деревня стояла у самой границы, на пересечении многих троп. Сухой отчет о зачистке. Даже в дневниках старались не говорить о том, что было, прямо.

Неудачный год.

И следующий.

Когда случилось восстание? Отцу тогда было... сколько? Он не любил рассказывать о том, что произошло. И... и опять не понятно.

Ничего не понятно.

– Все в порядке? – Ричард очнулся от прикосновения. И обернувшись, увидел демоницу. Она смотрела с такой

обеспокоенностью, что стало даже слегка неудобно.

– Не знаю. Просто... как-то это все... это ведь произошло при отце, хотя тогда он был очень и очень молод. А он только и сказал, что братья восстали против деда. Никто никогда не пытался оспорить право старшего. Напротив... я встречал упоминания, что остальные могли даже уйти. У них получалось. Хотя Ксандр утверждает обратное. Он смог выбраться из долины, только когда умер.

У демоницы глаза ясные.

У демонов не должно быть ясных глаз. Это неправильно. В корне неправильно. Соблазняет? Очаровывает? Или это просто Ричард такой, неудачненький?

– И выходило, что тот, кто старше, он привязан и к долине, и к Замку. Он отвечает за всех. И никто-то не рвался. Напротив даже... они и жили-то на Рассветном перевале. Там стоял еще один замок. Не такой. Обыкновенный. Но вполне пригодный для жизни. И перевал охраняли. Теперь нужды нет. Там... живые не пройдут.

Демоница поежилась.

Зачем Ричард это рассказывает?

– И получается, что не было у них причин воевать! Не было!

– Не было, – согласилась демоница и, вытащив дневник, отложила его в сторону. – Ты, главное, не нервничай.

Если бы так просто.

– Тогда зачем?

– А если они и вправду думали? Ну, что твой дед свихнулся? Тогда могли бы?

– Тогда – да. Пожалуй. Это многое объяснило бы, но... мы не можем... не могли заражаться. Или могли? – Ричард вдруг осознал, что ничего-то не знает на самом деле. – Еще недавно мне казалось, что я отчетливо понимаю, как что... а тут.

– Разберешься, куда ты денешься.

– Мне бы твою уверенность.

– А и забирай, – демоница вдруг улыбнулась и так, что поневоле потянуло улыбнуться в ответ.

Это... неправильно.

В корне.

Но Ричард не удержался.

Грохот, раздавшийся снаружи, заставил демоницу вздрогнуть. И Ричарда тоже. И как-то вдруг стало на редкость неловко, что ли.

И почему-то он покраснел.

А она тоже.

И только проклятая книга зашелестела страницами, словно издаваясь.

На что похожи Легионы Смерти?

То есть, я конечно пыталась нарисовать в воображении что-то этакое, устрашающее, но, кажется, пора признать: воображение недорабатывает.

Определенно недорабатывает.

Я испытала преогромное желание спрятаться за широкие плечи Ричарда, который вот на эти самые Легионы смотрел с грустью.

А чего грустить?

Сияют доспехи.

Серьезно так сияют, отражая солнечный свет. И главное, что помимо доспехов ничего особо и не разглядишь. Щиты вот.

Копья.

Штандарты, с которых мрачно скалится череп человеческий.

Ну и... не знаю, люди или нет, но рыцари, выстроившиеся ровными шеренгами. Одинаковые, словно отражения друг друга. Стоило Ричарду выйти, и это все войско, вскинуло руки и бахнуло по груди. Поскольку руки были закованы в сталь, как и грудь упомянутая, получилось громко.

Очень громко.

– Приветствуем Повелителя! – этот рев перекрыл грохот. А главное, что ревел один человек.

Или не человек?

Этот выделялся среди прочих особо черным цветом доспеха.

Командор?

Тот самый?

– Легионы ждут приказа.

Легионы и вправду ждали. Вот... вот как-то сразу и понятно стало, что эти самые легионы, они могут ждать и вечность. Стоят, не шевелятся. А солнце-то припекает.

– Им не вредно? – шепотом поинтересовалась я у Ричарда, который разглядывал свое войско. – А то жарко ведь. Они ж это... не протухнут?

– Нет, – Ричард сделал шаг навстречу этому, в черном доспехе. И как-то стало вдруг понятно, что Командор будет повыше Ричарда.

Крепко повыше.

А еще пошире.

И вообще... рядом с ним я чувствовала себя маленькою и беззащитной.

Он же смотрел на меня... смотрел. Чувствую взгляд. Но не чувствую желания убить, что, наверное, хорошо? Меч у него здоровущий, такой, если и упадет случайно, пришибет. А если не случайно, так тем более пришибет.

Я сглотнула.

И выдавила улыбку.

И еще подумала, что мой вопрос могли и услышать. И обидеться. Может, конечно, они и мертвые, но это ж не значит, что мертвые не умеют обижаться, так?

– Демон, – прогудело из доспеха.

– Немного, – призналась я, испытывая преогромное желание прикрыть рога. Ну так, а то смотрят всякие, того и гляди пощупать захотят. А они не для того росли, чтоб щупали.

– Хоть кто-то за ум взялся, – сказал Командор.

И почудилось, что с одобрением.

Хмыкнул Ксандр.

А Ричард сказал:

– Возможно... у нас проблема.

– Когда их не было. Иди. Я тут. Разберусь.

Взмах чудовищной руки указал, куда именно надлежит пойти Повелителю Тьмы. Ну и мне заодно. А я что? Я не против.

Устроились мы на галерее.

В Замке хватало галерей, но на этой было как-то даже уютно. Каменная лавочка. Плющ, что поднимался по стене. Красные цветы огоньками. И горы. Вид на горы был захватывающим.

– А... это... они в смысле... и вправду мертвые?

– Неживые, – поправил Ричард, глядя вниз.

Стоило признать, что было в этом синхронном движении неживых рыцарей что-то донельзя завораживающее. Легионы строились.

Перестраивались.

Расходились.

Сходились.

И на танец похоже. Удивительный. И ужасающий.

— Когда-то давно, после катастрофы, когда... все стало сложно, — Ричард оперся на парапет. — От некогда могучей армии, которую полагали несокрушимой, осталась едва ли пара сотен. И эти сотни — израненные истощенные люди, пережившие Длинную ночь. И падение Младшего бога.

Очередная местная страшная сказка. Начинаю к ним привыкать.

— Они заперлись в Замке. И здесь пережили бушевавшую Тьму. А когда она облеглась, то... кто-то захотел уйти, и мой предок не стал чинить препятствий.

Разумно, наверное.

— Он освободил людей от клятвы. Но многие остались. И принесли новую клятву. Служить. И защищать мир от Тьмы. Но их было немного, а твари, вырвавшиеся в мир, отличались силой и свирепостью. Тогда-то и стали менять людей. Сперва живых, наделяя их силой. Потом...

— Неживых?

— Именно.

— И как они... сохраняются?

Вот почему бы нам не поговорить о прекрасном? О закате там. Или рассвете. Цветах. Бабочках. Да и мало ли можно найти тем для беседы? Так нет же... но ведь и вправду интересно.

— Тело погружается в особый раствор. Затем сила. И заклятья. Это не так уж сложно, скорее муторно. Первые... эксперименты не всегда были удачны. Но потом удалось отыскать идеальный рецепт.

Он замолчал. Ненадолго.

— Когда-то их было больше.

— Рыцарей?

Ричард кивнул.

— Доспех — часть их. Это своего рода защитная оболочка. Изнутри она расписана рунами. Она сохраняет плоть и от солнца, и от гниения, и от... многого.

– А Командор?

Фигура в черном доспехе теперь не казалась такой уж ужасающей.

Ну... крупный человек. Что тут скажешь?

– Лассар. Его звали Лассар. Он был другом Императора. И наставником наследника. Он должен был стоять в Храме по правую руку его, но...

Что-то пошло не так.

– ...за сутки до начала торжества случилось несчастье. Демон вырвался на свободу, – Ричард сложил руки. Смотрел он вниз.

А я на него.

Смотрела и... демонам ведь наверняка не слишком нравилось, когда их призывали. Вот живешь ты, живешь себе тихонько, а тебя потом раз и в другой мир.

Горы двигать.

Воевать.

Или жену вот искать. Но жену-то ладно, найду, все-таки с женой проще, чем с горами.

– Случилось это неподалеку. И демон был не из самых сильных. Однако он оказался ловким и хитрым, и учинил немалые разрушения. Тогда-то Лассар и вызвался.

Сверху видна макушка черного шлема.

Гладкая такая. Ни тебе рогов, ни плюмажа с алыми перьями, ни иной красоты. Да и сам доспех на диво непритязателен. На спине вот поблескивают вытравленные буковки, то бишь руны, и на груди еще. Но они на украшение совсем не похожи.

– Ксандр... полагает, что Командору не слишком понравилась невеста.

– Его не спросили, – проворчала я.

– Именно. Он имел право голоса. Но его не спросили. И... я думаю, что он прав.

– Командор?

– Ксандр. У Командора... очень сложный характер. И возможно, он считает нас виноватыми.

– Вас?

– Род Аргах, – поправился Ричард. – Более того, возможно, что он прав, и мои предки стали причиной той катастрофы... и... не знаю.

В это он, несмотря на слова, похоже не очень-то верил.

— А он сам что говорит?

— Лассар?

Я кивнула.

— Ничего. Отец не писал про это. И дед. А я вот как-то даже... не знаком был. Отец говорил, что не стоит поднимать Командора без особой надобности.

Может, и так.

Только...

— Знаешь, может, конечно, я и не в свое дело лезу, но... — я прикусила губу, пытаясь найти подходящие слова. — Если кто-то и может что-то знать, то он...

— И Ксандр, — согласился Ричард, отступив от парапета. — Когда случилась та история, он ведь был здесь. И должен был запомнить.

Стало быть, следует побеседовать с Ксандром.

Для начала.

Глава 29

Где случается ужин и обсуждаются дела минутные

«Кроме того никогда не пердеть, когда вы танцуете. Кавалеру нужно стиснуть зубы и заставить себя удержаться от пускания ветров. Не сморкаться и не плевать».*

«Правила хорошего тона для отроков и кавалеров»

Что сказать.

Ужин проходил в тяжелой дружеской атмосфере. Ксандр и тот помалкивал, время от времени кидая мрачные взгляды на Лассара. Тот же, заняв место по правую руку от Ричарда, оказался как-то слишком уж близко ко мне. Настолько близко, что я и запах ощущала.

Цветочный.

Вот... вот не увязывалось одно с другим. Мертвый мрачный Командор в черном доспехе и тонкий аромат цветущего жасмина.

А в остальном тишина.

И в этой тишине слышно, как скользят слуги, как позвякивает посуда, как с мерзким протяжным звуком нож скребется о тарелку.

– Извините, – сказал Ричард.

– Демоница, – Лассар повернулся ко мне.

Всем корпусом.

Вот... прочная тут мебель, ничего не скажешь. С виду то палочки-завитушечки, красота ужасающая. А этакую тушу держит.

– У всех свои недостатки, – миролюбиво отозвалась я.

– Давно? Тут? – говорил он кратко. А вот вилку, казавшуюся в огромных лапищах игрушечною, держал с немалой ловкостью.

– Да уж пару недель как.

Лассар кивнул.

А вот интересно. Забрало он поднял. И все одно лица не разглядеть. Будто туман клубится, в него и уходят аккуратные кусочки лосося, приправленного апельсиновой цедрой.

И спаржа свежая.

И грибы.

Мертвый или нет, но ел он с немалым аппетитом. В отличие от того же Ксандра.

– А... – тишина, честное слово, напрягала изрядно. Я поерзала, пытаюсь сесть так, чтобы и хвосту удобно было. А это не так и просто оказалась. – А говорят, что вы видели тот мир... ну, который раньше. До катастрофы.

– Катастрофы, – протянул Лассар престранным тоном.

Ричард сделал страшные глаза и вилкой махнул, тонко намекая, что не стоит тревожить душевные раны почтенного Командора. Оно, конечно, может у него на фоне крушения старого мира давняя травма психологическая. Но я читала, что такие травмы надо прорабатывать, а не замалчивать.

– Расскажите, – попросила я, глядя в туман шлема. И ресничками хлопнула.

Помнится, была у меня одноклассница, которая профессионально умела ресницами хлопать. И делала это как-то так, что все более-менее живые особи мужского полу от хлопанья этого разум утрачивали. Мне до нее далеко, но...

– О чем? – любезно поинтересовался Командор.

– О том, какой он был? Тот мир?

А что?

Во-первых, от этого молчания кусок поперек горла встает, этак и подавиться недолго. Во-вторых, вдруг чего полезного услышу.

В-третьих, надо же отношения налаживать.

– Каким был... – это Командор произнес задумчиво.

И кубок отставил.

Замолчал. Положил обе руки на скатерть... вот точно мебель хорошая. Ручищи-то такие, что меня в одну поставить можно, а вторую прихлопнуть. А стол даже не заскрипел.

– Разным, пожалуй.

Я выдохнула.

Была ли там травма или нет, но меня не послали, и это уже достижение.

– Иногда кажется, что и вовсе его не было. Никакого. Что выдумал я все. Что... а потом закрываешь глаза, и как сейчас... город золотых крыш. Удивительное зрелище. Особенно на рассвете. Когда выходишь

на балкон. Сперва темно. И солнце только-только выплывает из вод морских. Свет его подобен сладкому иххемскому вину... те виноградники давно уже носят другое имя, а про Иххем забыли.

Ксандр, кажется, закашлялся.

Подавился, что ли? Интересно, а если лич подавится, он умрет? Или если уже мертвый, то нет?

– Рассветы приходили с моря. Солнце приносило тепло и свет. И крыши благословенного Аранта и вправду казались золотыми.

– А на самом деле?

– Их покрывали особой черепицей, на которую наносили алхимический состав. Что-то там с прочностью связанное, – Командор махнул рукой. – Но смотрелось красиво, да... белоснежные стены. Каменные улицы. Цветы. Много цветов. Дома, столь чудесные, что каждый был особенным.

И теперь я слышала печаль.

А еще тоску по тому, давно сгинувшему миру, который для этого человека был жив.

– Дворец. Великолепнейший. Равного которому не было в подлунном мире. И храмы... – он замолчал, правда, ненадолго. И куда бодрее продолжил. – А с другой стороны – глиняные норы, в которых жили бедняки. Дома из тряпья и палок. Бродяги. Рабы. Чернь. Весь тот сброд, которого хватает в любом городе. И Арант ничем-то не отличался от прочих.

Лассар повернулся ко мне. И я увидела, что тьма расползается, что отступает сизый туман. Показалось, что еще немного и я увижу его лицо.

Увидела бы.

– Ты храбрый маленький демон, – огромная рука протянулась ко мне. И я, сама не понимая, зачем, протянула навстречу свою. Какая же смешная ладошка. Детская будто. – И если ты здесь, то пришла пора.

– Для чего? – тихо спросила я.

– Восстановить утраченное.

Голос прозвучал глухо.

– Я вновь хочу увидеть, как солнце опалает светом золотые крыши...

Больше задавать вопросов не хотелось.

Вот совершенно.

Рядом с Коммандором Ричард остро осознавал собственную незначительность. Да и не только он. Ксандр вон тоже морщится и на дверь поглядывает.

Вздыхает.

Ерзает.

В общем, ведет себя вовсе не так, как положено древнему и мудрому существу. Командор же молча стоял на галерее, вперив взгляд куда-то вдаль.

– Невесты, стало быть, – прогудел он. И от низкого голоса его волосы на затылке дыбом встали. Командор же повернулся, медленно, всем телом. Заскрипел зачарованный доспех, и Ричард подумал, что смазать бы его. Потом подумал, как смазка повлияет на чары и повлияет ли. Потом... – Дурак.

– Я? – стало даже обидно.

– Не я же, – Командор пожал плечами. – На кой тебе невесты, когда демоница есть?

Уши вспыхнули.

И шея.

И не только шея.

Взгляд у Командора тяжелый. И главное, лица не разглядеть, глаз тоже, а вот чувствуется тяжесть. Только Ричард выдержал:

– К сожалению...

– Ты дурак.

– Да что вы заладили-то! – возмущение прорвалось криком. В конце концов, Ричард – повелитель тьмы. И повергатель тварей. И что-то там еще, что положено по титулованию для особых случаев. Знать бы еще, кто эту чушь придумал. Или лучше не знать? Не важно, главное, что он тут главный. – Демоница – это... это демоница! А мне жена нужна. И наследник. Наследники.

– Вот, – в грудь ткнулся палец, и Ричард с трудом удержался на ногах. – А я что говорю?

– Простите, но какие наследники могут быть от демоницы?

Командор хмыкнул и уставился на Ксандра с таким видом, будто раздумывал, то ли ответить, то ли, наконец, избавиться от докуки.

– Стало быть, забыли. И ты, отродье?

– От отродья слышу, – огрызнулся Ксандр. – Что забыли?

– Все забыли, – теперь в голосе слышалась печаль. – И я понимаю, сколько утрачено... было утрачено. Год за годом, жизнь за жизнью... думаете, я во сне потому как со мною поладить тяжело?

Ричард переглянулся с Ксандром.

– Нет. Просто... вы ж не знаете, чего со мною делать. Изничтожить силенок не хватит, а держать напоминанием о прошлом величии...

– Боюсь, я ничего не знаю о прошлом величии, – осторожно заметил Ричард.

А над горами пылал закат. Вершины окрасились алым, будто кто-то кровью плеснул, и щедро так. Где-то там, вдалеке, очнулась тьма. Еще немного и потянется, растечется чернилами, утопит и горы, и долину. Заглянет в окна, пробудив в душе странное беспокойство.

– То-то и оно...

– Так может, – Ричард сам не знал, с чего вдруг встал рядом, опираясь на каменный парапет. А камень старый и в мелких трещинах. Под ногами бездна, и в ней кипит все та же ночная тьма. – Поведаете?

– Поведая... отчего ж не поведать. Ты на отца не похож.

– Знаю.

Упрек уколол.

– Это хорошо.

– Хорошо? – Ричарду показалось, что он ослышался.

– Очень хорошо. Твой отец, уж извини, был еще тем засранцем, да...

– Вы его...

– Помню. Хоть и встречался лишь единожды. Всех помню. Тоже проклятье, если подумать.

А ведь он и вправду свидетель, как демоница сказала. Живой. Настоящий. Способный приоткрыть тайну. Знать бы еще, какую.

– Мне и самому порой начинает казаться, что не было ничего. Только память не обманешь...

Ветер в горах даже летом был ледяным, словно напоминая, что лето здешнее длится недолго, что вздохнуть не успеешь, и вспыхнут склоны золотом да пурпуром. А там и до зимы всего ничего.

– Что ты знаешь об Империи?

Командор спросил спокойно, без бывшего раздражения.

– Немного, – вынужден был признать Ричард. – Она была Великая. Простиралась от моря до моря, от одной пустыни до другой. И правил ею род Аргах. Мудро.

– Насчет мудрости ты слегка поспешил, – хмыкнул Лассар. – Тут уж раз на раз не приходилось. Но да, была она велика. И жили в ней люди. Всякие да разные. А правил не только и не столько Император, сколько Совет Двенадцати, куда входили самые сильные из одаренных. Сперва. Потом как-то вышло, что у сильных одаренных и дети рождались сильными. Если везло. И наследовали место отца. А там и их дети...

– И дети их детей, – пробормотал Ксандр, глядя в бездну.

Бледное его лицо слегка осунулось.

– Именно. Формально все оставалось, как должно. Сильнейшие из сильнейших. Однако сам понимаешь, что теперь многое делалось для сохранения этой силы. В том числе Императором, который избирался из числа двенадцати.

– Избирался? – вот этого Ричард не готов был услышать.

– Именно, – Лассар сгорбился. – Изначально и смысл был в том, что править должен сильнейший и мудрейший, а остальные всячески поддерживать. И какое-то время паритет сохранялся. Совет поддерживал Императора, ибо каждый видел на его месте своих детей.

– Бред какой.

– Не тебе судить, мертвый.

– А то ты больно живой.

– Не больно. Это-то и хорошо, что уже не больно... – Лассар не сдержал тяжкого вздоха, и доспехи вновь заскрипели.

– Когда все пошло не так?

– Еще до моего рождения. Закон остался, но не осталось желающих соблюдать его. Кто-то связал свой род с родом Императора, кто-то желал смены власти, кто-то, наоборот, не желал. И если до того маги служили Империи, ибо возникла она не сама собою, но великими трудами, то теперь искали лишь награды за эти труды. Больше никто не вызывал демонов, дабы подвинуть горы или повернуть русла рек. Никто не обновлял защиту от пустынных ветров, и пески пробирались, засыпая пастбища. Ослабевали узы, державшие морские течения.

Странно было слушать такое.

Удивительно.

Нет, про горы Ричард знал. Про горы в учебнике элементарной демонологии писали, в качестве примера. Но остальное... неужто и вправду можно было удержать пустыню?

Или вот оседлать море?

— Все начиналось с малого. Это я теперь понимаю... засуха в одной части. Наводнение в другой. После вдруг ураганы, что прошли по долинам Лакхема. Дикие зимы Вироссы, затянувшиеся куда больше, чем сие положено природой. Земля вдруг начала трястись. И появлялись провалы, один за другим. В таком исчез Уррхар, славный город, не самый большой, но и не маленький. Тогда-то заговорили о том, что мир обезумел.

Ксандр тоже слушал.

И внимательно.

А у Ричарда в голове вертелась одна-единственная мысль. Почему отец об этом не рассказывал? И никто-то? Ладно в первые годы после катастрофы, но... потом? Почему?

— То тут, то там вспыхивали болезни. Появились вдруг недуги, с которыми целители не могли сладить. Росло недовольство. Возникли люди, которые узрели в том вину магов. Заговорили, что те слишком уж сильно изменили мир, оттого и недовольны боги.

— А на самом деле?

— Думаю, что боги не при чем. Но мир... возможно, что и так. Я видел своими глазами, как на глади морской зародилась чудовищная волна. Как пошла она на берег, разрушая все на пути своем. И как смела корабли. Красивые корабли. Надежные. Защищенные самыми сильными заклятиями...

Ричард попытался представить, но не смог.

— Именно беды и заставили Совет вновь объединиться. Тогда-то и было решено, что надобно вызвать демона. Самого сильного из всех.

Ксандр выругался.

— Вот. Я сказал им примерно то же.

Только не послушали.

— Они решили провести ритуал, — Командор склонился и вдруг почудилось, что еще немного и он просто шагнет. Туда. Вниз. Навстречу бездне. — С жертвоприношением... с очень большим жертвоприношением, какого еще не знала Империя.

И что-то пошло не так.

Да, мать его, все пошло не так!

Кажется, Ксандр думал примерно так же.

— А вы...

— Я ушел. Дурак. Думал, что это их остановит, что... если не будет полного круга, то и ритуал не состоится.

— Так вы...

— Сам-то как думаешь?

Пожалуй. Он ведь силен, Лассар Проклятый, вечный Командор Легионов смерти. И логично будет предположить, что этой силы довольно, дабы войти в число избранных.

— То-то и оно... иногда вот... я гоню эти мысли, но... вдруг, если бы остался я, а не тот мальчишка, которому пообещали корону? Сильный. Очень сильный. Но все-таки мальчишка? Вдруг бы тогда ритуал прошел, как должно? И демон не вырвался бы на свободу.

Тишина.

Тут, наверху, почти всегда тихо. Но сегодня как-то особенно. И кажется, что ветер, который гуляет в ущелье, не просто так, а плачет, хнычет, зовет кого-то.

Ветра тоже бывают неприкаянными.

— Но вы ушли, — Ксандр первым не выдержал.

— Ушел. Я же не знал, что они назовут меня предателем. И отступником. И что низложат большинством голосов, дабы передать мой венец...

— Кому?

— Ричарду из рода Архаг. Тому, кто должен был стать Императором.

Почему-то Ричард опять почувствовал себя виноватым. Хотя, казалось бы...

— Взамен он должен был принести жертву.

Ветер взвыл особенно громко.

— Демоницу, названную невестой, и её нерожденное дитя.

Ричард подумал, что, возможно, правы были его предки, избегая подобных задушевных бесед.

— Его дитя.

Определенно, правы.

— Так, — Ксандр все же отступил от бездны, пусть и отделенной каменным парапетом. — Демоница? Дитя... вы хотите сказать... он...

он собирался взять в жены демоницу? А вместо этого принес её в жертву?

Медленный кивок.

– Как... вообще кто-то до такого додумался?

– До жертвы?

– И до этого тоже. Мерзость. Но... демоницу... в жены... дитя?! –

Ксандр взмахнул руками. – Это... это в голове не укладывается.

– Почему?

– Просто... просто не укладывается!

– Бестолковые вы тут, – произнес Лассар с некоторым умилением. – А как еще убедиться, что твое дитя унаследует силу? И не только унаследует? Двенадцать всегда выбирали правильных жен.

Взгляд его обратился на Ричарда.

– А вы тут дурью маетесь. Невесты какие-то...

– Прибудут скоро, – выдавил Ричард, чувствуя, что опять безбожно краснеет. Да что ж это такое! Впору вновь в шлеме ходить.

Круглосуточно.

* *Антониус Арена, Leges dansandi (1530)*

Глава 30

В которой невесты все-таки прибывают

«Спешим ответить на ваш вопрос о модных цветах и оттенках, для платьев. В моде: из голубых оттенков: павлиний, кобальтовый, белладонны, ночной, матросский, цвета синицы; из зеленых: моховой, бронзовый, лягушачий, саламандровый, дроковый, акантовый, водорослей, мятный, миртовый; из розовых: цвета шиповника, махровой розы, розовой герани; из красных: далии, маковый, стручкового перца, кровяной, коралловый, радикальный, рубиновый; из коричневых: выдровый, гвоздичный, ягуаровый, жжонного хлеба».

*«Модный светь», ответ на письмо постоянной читательницы.**

Я стояла и смотрела, как медленно, скрипя от натуги, въезжает во двор карета. Чем-то она походила на тыкву. Вот на такую огромную тыкву-мутанта, которую за какою-то надобностью, никак по причине большого воображения, затянули на раму. Раму покрыли завитушками и к краям присобачили колеса. Причем передние были маленькими, а задние, наоборот, огромными. Сама карета сияла золотом, что несказанно усиливало сходство с тыквой. И на крыше её таким черешком торчала золотая фигура, то ли крылатой женщины, то ли коня.

Издали не разглядеть.

Тащили это чудо сразу четыре коня той же золотой, в цвет кареты, масти. На головах их виднелись шапочки, из шапочек торчали перья. На спинах же конских, добавляя происходящему торжественности, возлежали алые покрывала, украшенные золотыми шишками.

– Жуть какая, – сказал Ксандр, опираясь на перила. И слегка поморщился.

– Солнце жжется? – осведомилась я заботливо.

– Слепит.

– А не жжется?

– А должно?

Вот что за манера вопросом на вопрос отвечать?

– Ты же упырь.

– Прошу не оскорблять, – кажется, он всерьез обиделся. – Я не упырь! Я честный цивилизованный лич!

Карету сопровождала дюжина всадников, облаченных в алое и золотое. На главном поблескивал золотом шлем, что правильно, потому как остальные казались мне ну совершенно одинаковыми. А тут сразу начальство высокое видать. Причем издали.

– А есть разница? – тихо поинтересовалась я, стараясь изобразить самую дружелюбную из улыбок. Правда, Ричард почему-то вздрогнул и со вздохом произнес:

– У нас тут, между прочим, встреча. Торжественная.

– Так мы разве против? – удивилась я. И попыталась даже за спину спрятаться. Может, наш Повелитель Тьмы не очень и высок, зато плечи у него такие, что не одна демоница уместится. – Встречай. А мы то тут зачем?

Заглушая ответ завопили трубы. Громко завопили. Я даже подпрыгнула. И подумала, что прятаться надо не за спину, а сразу в Замке. Желательно где-нибудь в старой его части.

А то ишь, разорались.

Трубачи, которых было всего два, оттрубив положенное трубы не убрали. А вперед выехал тот самый, в золотом шлеме. И гордо произнес:

– Я, Марциан Гаврелий Авессалом Сарузский имею честь...

Дальше слушать стало не очень интересно, и я все-таки подвинулась за спину Повелителю, на физию которого застыло выражение высочайшей заинтересованности.

– Так в чем разница-то? – шепотом поинтересовалась я у Ксандра.

Ухо Ричарда дернулось, но маска не дрогнула. Да и тот тип продолжал вещать что-то там про новые горизонты в отношениях, вечную дружбу, помощь и прочие слишком высокие для разума моего материи.

– Упыри безмозглые твари, которые живут, чтобы жрать.

– А ты?

– Я ем, чтобы жить.

Философски, однако.

– Несказанно счастлив, – прервал нашу беседу Ричард и, ухватив меня за руку, дернул да так, что я, как та Сивка-Бурка рядом встала. Осталось гривой тряхнуть и заржать.

Искушение, честно говоря, было почти непреодолимым, но я сдержалась.

– Принимать в доме моем столь дорогих гостей...

И ответная речь потекла рекой занудства. А главное, деваться-то некуда. Стою. Слушаю. Киваю. Жду, когда они тут наговорятся.

Солнце вон припекает.

Этим, в шапках высоких, должно быть жарко. И еще мундиры. А начальнику под золотым шлемом хуже всех. Я вперилась в него взглядом. Точно. Вон, покраснел весь, того и гляди кондрашка хватит.

А оно нам надо?

Скажут же потом, что это я виновата.

Или Ричард.

Или вот Ксандр. Но про него пускай себе говорят, он найдет, чем отовратиться. Глаз Марциана Сарузского дернулся. Левый. И губа тоже. Слева. А это же ж признаки грядущего инсульта.

Я ткнула Ричарда локтем.

– Заканчивай, – прошипела на ухо, не переставая дружелюбно улыбаться. Правда, почему-то краснота на физии только усилилась. – А то еще помрет.

Ричард споткнулся на полуслове и сам уставился на несчастного.

Ишь, как исприной-то покрылся. А ведь тоже симптом, правда, не понимаю, чего. Но смотрю, готовая первую помощь оказать. Хотя... тут даже нашатыря нет.

Непорядок.

– Прошу вас войти в мой дом, – церемонно произнес Ричард и шагнул навстречу, протягивая руку. Почему-то жеребец шарахнулся, тоненько заржав, и несчастный посланник едва удержался в седле. Правда, человеком он был опытным, поскольку весьма скоро совладал и с конем, и с ситуацией.

– Благодарю.

Потом сунул Ричарду что-то этакое, в тубе и с висюльками.

Спешился.

С ним и остальные, причем синхронно так, куда там пловчихам. Каблуками лязгнули, карету окружили, дверцу отворили...

Ну что сказать.

Первая невеста комом.

Комом кружева, атласа, бархата и каких-то ленточек, которые торчали из этого кома в разные стороны. Сам ком сиял и переливался, а еще благоухал.

Интенсивно так благоухал.

А Ричард ничего, даже не чихнул, в отличие от лошадей. Хотя лошади, они ведь нежные, не то, что некоторые там повелители.

Я тоже нос почесала.

– Госпожа, – Ричард поклонился, причем весьма и весьма изысканно. Даже ножкой шаркнул. А девица, стремительно расправив юбки, отчего сходство с комом, если не исчезло, то всяко поубавилась, присела. И замерла.

Ага.

Лицо у нее есть.

Человеческое вполне, только слишком уж белое. Белизну дополняют алые круги на щеках. И темные почти черные губы. Мушка тоже имелась. В отличие от бровей. Вот они-то отсутствовали, отчего и без того высокий лоб невесты сделался вовсе уж... нечеловечески высоким.

Покатым.

И слегка припорошенным пудрой.

Чуть выше начиналась башня парика, тоже припорошенного и... я все-таки чихнула.

– Извините, – сказала я, потупясь, ибо девица на меня глянула совсем недружелюбно. Вот и устраивай после этого людям личное счастье. – Аллергия.

– Это не аллергия, – произнесло это чудо, покачивая головой, ну и башней волос. Вместе с ней покачивались перья, куда более пышные, чем у лошадей, цветочки, ленточки и вновь же драгоценные камни. – Это палец святой Аугалии. Я вожу его с собой.

– А...

Только и нашлась, что сказать. Точнее не нашлась. А Ричард любезно подал руку второй невесте. Надо сказать, что от первой она отличалась меньшей комковатостью, более скромным размахом юбок и наличием бровей, пусть почти и не видных под слоем пудры.

– У вас тоже палец есть? – светски поинтересовалась я.

А что, все молчат.

Девушки смотрят на Ричарда. Он на девушек. И главное, чувствуется во взгляде его тот самый страх, который мужчина инстинктивно испытывает перед ужасающе красивой женщиной. Чувствую, еще немного и жениться передумает.

А договор есть договор!

– Простите? – голос у второй невесты оказался низким и хрипловатым. Самую малость. А вот взгляд мне не понравился. Если первая взидала меня с явным превосходством – оно и правильно, куда мне, несчастной, с аллергией и против пальца святой – то вторая глядела спокойно.

С интересом.

Таким вот нехорошим интересом, явно раздумывая, как бы несчастную демонницу да в хозяйстве использовать.

– Святой, – уточнила я. – У меня, кажется, на святых аллергия. Непереносимость, то есть.

– Сочувствую, – сказала девушка без толики сочувствия. Причем готова поклясться, что сделано это было нарочно, что, пожелай она, я бы сама в сочувствие и искренность глубокую поверила бы. Но она не желала. Девушка перевела взгляд на Ричарда и строго поинтересовалась: – У вас тоже эта... эта непереносимость святости?

– Нет, – правда, произнес он это как-то не слишком уверенно.

– Это хорошо. Моя сестра очень набожна.

Кажется, упомянутая сестра очень удивилась.

– Их высочества устали, – из кареты практически вывалилась женщина с тем добрым пухлым лицом, которое бывает у рекламных бабушек. – Они провели в дороге весь день.

А вообще могли бы и представиться.

Ричард все-таки отпустил мою руку и... занялся делом. Двор постепенно заполнялся экипажами, куда менее роскошными, чем первый. Люди.

Лошади.

Люди и лошади.

И... кажется, здесь я лишняя.

Почему-то стало обидно. Самую малость.

Летиция Лакхемская с раздражением смотрела в зеркало. Следовало признать, что дорога пошла отнюдь не на пользу красоте.

Внешней.

Приставленная матушкою дуэнья, женщина весьма строгих нравов и весомых достоинств, всю дорогу читала молитвы и наставляла на спасение красотой внутренней.

Утомила.

И дорога тоже.

Экипаж этот, пусть и подобающе роскошный, но тесный и душный. Ко всему дуэнья весьма жаловала чеснок, который грызла прямо так, верно, умерщвленная плоть была нечувствительна не только к едкому его запаху, но и ко вкусу.

Летиция пыталась бороться.

Духами.

Но стало только хуже.

— Да уж, — пробормотала она, поворачиваясь боком.

Складные фижмы оказались не так и удобны, как об этом рассказывали. Конструкцию отчего-то перекосило, и одна часть платья поднималась, а другая висела собачьим ухом. С нею висели и драгоценные ткани, донельзя измявшиеся.

Кружево запылилось.

Как и сама Летиция. Серая дорожная пыль, смешавшись с белилами, образовала на лице плотную маску. Румяна размазались. Тушь тоже осыпалась, отчего казалось, что под глазами принцессы залегли глубокие круги. Подведенные помадой губы гляделись неестественно яркими. Парик съехал на бок. И драгоценное страусовое перо торчало сбоку, будто кто-то пронзил голову Летиции престранною стрелой.

— Это все ты виновата, — раздраженно произнесла она, заведя в зеркале знакомую тень.

Сестрица хмыкнула. Она, к слову, выглядела не лучше.

Мятая.

Взопревшая. С потекшей краской и распавшейся прической.

— Что он о нас подумает? — Летиция отвернулась от зеркала и осмотрелась. Что ж, покоям, в которых её разместили, определенно не доставало чего-то эдакого.

Утонченного.

Ни тебе лепнины на потолке. Ни зеркал с младенцами. Ни фарфору на каминной полке. Хотя камин имелся. И полка. И часы на ней. Золотые, кажется.

Ариция вот тоже пальчиком поскребла и снова хмыкнула.

А вот ковер на полу явно не из дешевых. Такой в папенькином кабинете лежит. И еще у матушки имеется. Из цианьского шелка.

Мебель... простоватая, но добротная.

— И как он тебе? — поинтересовалась сестрица, склоняясь к ковру. — Надо же, настоящий...

— А то ты понимаешь.

— В отличие от тебя, я дедушку навещаю. Он многому учит.

— Было бы чему.

— Ну, конечно, лучше уж изящному стихосложению. Оно в жизни всяко пригодится.

А балдахин на кровати из тяжелого аварского бархату. Верхний слой. Нижний — полупрозрачная дымка, украшенная легкой вышивкой.

Удивительно.

— Деньги здесь есть, — Ариция кивнула, соглашаясь сама с собой. — Осталось понять...

— Что?

— Ничего. Как он тебе?

— Никак, — честно призналась Летиция и сняла парик. Оно, конечно, удобно, особенно, когда есть кому за париками присматривать. Она очень надеялась, что та дюжина, самых любимых, избранных для великой миссии, доберутся в приличном состоянии. — Какой-то он... невыразительный.

И снова это хмыканье.

Раздражает.

— А где... эта...

— Спит. Нам поговорить надо. Без премудрых наставлений, — Ариция вытащила из кошелька склянку, которой помотала перед носом. — А теперь давай серьезно, сестричка. Он молод. Выглядит... может, конечно, не так изящно, как этот твой несостоявшийся жених, но точно не урод.

Возможно.

— А самое главное знаешь, что?

— Что?

— У него есть деньги.

— Опять ты за свое! — Летиция закатила очи к потолку, но там не было ни росписи, ни вообще чего-либо. Сплошная унылая белизна.

Тоска смертная.

— Опять я за свое. Если бы ты почаще общалась с дедом, то знала бы, сколько мы должны.

— Мы?

— Отец, — поправилась Ариция. — И наш братец. И ты.

— А ты нет?

— И я в какой-то мере. Этот долг распространяется на всех. И те, кто давал деньги, уже начинают проявлять недовольство.

— Что с того?

Летиция ненавидела разговоры о деньгах.

В конце концов, деньги — это так пошло! Просто невыносимо пошло! О них пристало думать торговцам, а не людям благородным.

— Ничего, но если они потребуют возврата, нам придется продать все. Твои драгоценности. Твои наряды. Мои наряды. Возможно, нас самих.

— Глупости какие...

— Матушка пыталась как-то ограничить траты. Но, к сожалению, наш отец столь же легкомыслен, как и его предки.

— Пусть просто их повесит.

— Кого?

— Тех, кому мы должны, — Летиция дернула плечиком и потянула за заевшую фижму. Та заскрипела.

— Очень по-королевски, — произнесла Ариция, не скрывая ехидства. — Но, боюсь, они могут не согласиться. И что тогда?

— Что?

— Ты и вправду такая дура или притворяешься?

Летиция раздраженно дернула фижму, которая никак не хотела опускаться. Или наоборот, надо было вторую поднять? Где прислуга, когда она так нужна? И надо бы вообще привести себя в порядок.

Платье сменить.

Прическу поправить. С украшениями разобраться, а то, конечно, матушка уверяла, что девице к лицу скромность, но это пусть другие скромничают. А ладхемская принцесса должна блистать!

– Ни отец, ни даже матушка давно ничего не решают. Деньги... деньги – это не только побрякушки с нарядями. Это армия. Оружие. Безопасность. И теперь у нас нет ни того, ни другого. Поэтому брак важен.

– Он какой-то... не такой, – фижма заскрипела и повисла, теперь роскошное некогда платье выглядело и вовсе несуразно, будто драгоценную парчу накинули на стог сена.

– Ирнейцы давно уже мутят воду. И не они одни. Многие обрадуются, если вдруг случится смута. А она грядет... ей помогают.

Ариция заложила руки за спину.

– Но никто и никогда не посмеет бунтовать против тех, за чьей спиной Легионы смерти.

– Это ужас.

– Несомненно! Но до крайности полезный ужас.

– Я про платье! – Летиция приподняла тяжеленную юбку, с тоской подумав, что хваленая конструкция не перенесла дороги. А если и запасная окажется столь же хлипкой?

Где в нынешней глуши разжиться приличными фижмами?

Или хотя бы кринолином?

Кринолины, конечно, уже из моды несколько выходят, но на Проклятых Землях вряд ли кто об этом знает.

– Ужас, во что оно превратилось...

– Ты несправима! – Ариция закатила очи.

– Я просто хочу быть прекрасной. Если уж вам так нужен этот Властелин... рожа у него какая-то не властная.

И пудра осыпалась. Летиция давно уже подозревала, что в нее муки досыпают, а теперь вот окончательно в том уверилась.

– Да и вообще... не хватает ему чего-то.

– Тебя!

– Почему сразу меня? – Летиция вытерла платком нос, который зверски чесался. – Если он так нужен, то забирай...

– И заберу.

– И забирай!

– И заберу. Его, Легионы смерти, замок этот и драгоценности...

Сестрица развернулась и, приподняв юбки, – а ее фижмы смотрелись вполне себе пристойно – удалилась. Вот ведь... стерва.

Летиция с раздражением отшвырнула платок и уставилась в зеркало.

Нет, природную красоту, конечно, ничем не испортишь, но теперь из зеркала на нее взирала мрачного вида девица с пятнистым лицом, рассыпавшейся прическою, из которой в разные стороны торчали перья. Будто она в курятнике побывала. Ладно, в страусятнике.

Девица глядела недовольно.

И помада поплыла. А заверяли, будто высочайшего качества. Точно, крадут. И мешают. Жемчужную пудру с мукой, помаду – с жиром...

– Эй там! – Летиция отвернулась от зеркала. Замуж там или нет, но ладхемская принцесса обязана покорять сердца красотой. А стало быть, пришла пора заняться собой.

Замуж...

Замуж не то, чтобы не хотелось. Но вот... не впечатляет же!

** Ответ модного журнала на письмо одной из читательниц, 1878 год*

Глава 31

Где ведутся душевные беседы и вспоминается прошлое

«Чтобы приготовить эликсир мудрецов, возьми, сын мой, философской ртути и накаливай, пока она не превратится в зеленого льва. После этого прокаливай сильнее, и она превратится в красного льва. Дигерируй этого красного льва на песчаной бане с кислым виноградным спиртом, выпари жидкость, и ртуть превратится в камедообразное вещество, которое можно резать ножом...»

«Книга познания или 100 алхимических рецептов на все случаи жизни»

– Прячешься? – тихим голосом поинтересовался Ксандр. И Ричард подпрыгнул, едва не свалившись с лестницы. Лесенка была узкою, с крутыми неудобными ступеньками. Она жалась к стене, обвивая башню, и Ричард понятия не имел, кто и зачем её поставил, ибо лестница просто обрывалась где-то на середине поворота.

– Наблюдаю, – ответил он. – Как-то стало слишком...

– Людновато?

– Именно, – Ричард вздохнул. – Я к такому не привык.

– Привыкай.

– Зачем?

– Да как тебе сказать, – Ксандр сел на ступеньку. Вот вид с лестницы открывался пречудесный, что на двор, полный чужих людей, которые, однако, держались так, словно именно они и были хозяевами. – Женишься. Жена останется. С ней двор.

– Какой двор?

– Обыкновенный. Как положено? Статс-дамы, фрейлины, служанки, потом личные целители, куаферы, модистки, белошвейки, ювелир... да и мало ли кто еще там понадобится.

Зубы заломило.

И подумалось, что вот правы были в чем-то предки, решая вопрос с женитьбой иначе.

– Опять же, родственники.

– Какие?

– Бедные. Или не очень. Троюродно-четвероюродно-пятеюродные племянницы и племянники, которым тоже нужно жизнь устраивать.

– Издеваешься, – вздохнул Ричард.

– Предупреждаю.

– А где...

– Сказала, что хочет к невесте приглядеться. Кстати, как она тебе?

– Да как-то... слишком уж...

– Впечатлила?

– Не то слово, – стоило подумать о прекрасной лакхемской деве и в носу засвербело. Ричард чихнул.

– Будь здоров.

– Будешь тут... ты... там кто следующий?

– Лассар сказал, что вироссцы, но они малым поездом идут. Часа через два появятся. Так что готовься.

– Всегда готов, – прозвучало почему-то обреченно. И подумалось, что у девицы перед принцессой точно преимущество имеется: она как-то и без двора с фрейлинами живет, да и троюродно-пятеюродных племянников у нее нет.

И духами она не пользуется.

– Ты, главное, не теряйся, – произнес Ксандр сочувственно. – Это сперва только жена пугает.

– А потом?

– Потом ничего. Привыкнешь. Человек, он ко всему привыкнуть может. Даже к жене.

Бодрости это не прибавило.

Думать о женитьбе совершенно не хотелось. Более того, чем дальше, тем явственнее Ричард осознавал, что не столь уж сильно в нем чувство долга. Однако Ксандру о том говорить не стоило.

– Ты что-нибудь нашел?

– О той деревне? – он как-то сразу понял и даже приободрился. – Ничего нового. Пара заметок, не более того. И да, они определенно сомневались, что заражение имело место.

– А ты как думаешь?

– Я?

– Ты, – Ричард наклонился. Мелькнула мысль, что если он сейчас сверзнется и свернет шею, то это неким образом решит все его проблемы. – Ты ведь что-то думаешь?

– Не знаю. Она, конечно, могла видеть... и если так, то хорошо.

– Что хорошего?

– Стало быть, Замок жив.

– А были сомнения?

– Да... как сказать. Сколько ему лет? Больше тысячи. А это много. И... любое ведь заклятье со временем ослабевает. Конечно, явственных признаков распада не было, но и... другого не было.

– Другого?

Ксандр подтянул колени к груди. Вниз он смотрел со странным выражением лица, на котором читалась тоска и еще что-то совсем уж непонятное.

– Давно... я не люблю вспоминать, но когда я был человеком... мальчишкой... знаешь, тогда в замке были люди. Живые. И не только прислуга. Были рыцари... как рыцари... это сперва-то оставались благородные, которые решили жизнь положить, но не позволить тьме выйти за пределы Проклятых земель. Мне так говорили. Я верил. Дети вообще легко всему верят. Так вот... у этих рыцарей были дети, а у них – свои дети. Только в отличие от нас с тобой, у людей имелся выбор. Они могли уйти.

– И уходили?

Ричард замер.

Ксандр не любил говорить о прошлом, вечно то отшучивался, то огрызался едко, когда уж совсем настроения не было. И нынешняя его откровенность многого стоила.

Ричард попытался представить Замок, такой, как сейчас, и все-таки другой. Полный... жизни?

Странно как.

Здесь всегда царила тишина. Даже когда мама была жива, все одно... пустые коридоры, которые казались бесконечными. Двери. Залы. Бесчисленные покои. Портреты предков. И батальные полотна.

Доспехи призраками давно ушедших людей.

Запертые галереи.

Заброшенный сад.

И все-то это казалось до боли знакомым, привычным. Ричард не боялся ни пустоты, ни тишины, тьма и та не пугала. Но вот...

– Кто-то уходил. Иногда насовсем, порой – на время. Помню, мой наставник много путешествовал по миру. От него я и заразился этой вот страстью... тогда я мечтал, что однажды побываю во всех тех землях, о которых мне рассказывали.

– И...

– Побывал. И выяснил, что рассказы были куда интереснее самих земель. Но не о том. Понимаешь, ребенком... я и братья мои... мы играли в Замке. В разных частях его. А он за нами приглядывал. Это всегда ощущалось. А еще мы видели...

– Как она?

– Примерно. Куски прошлого. Людей, которых потом искали на портретах. Там ведь, внизу, есть галерея, где запечатлены все-то, от моего отца до последнего оруженосца, ибо таково было слово моего деда.

– Впервые слышу...

– Твой дед велел все убрать. Когда... в общем, о некоторых вещах и в семейных хрониках не упоминают.

А двор пустел.

И темными фигурами выделялись на нем Легионеры. А они помнят? Наверняка. Легионеры молчаливы, и к этому Ричард тоже привык. В детстве он пытался с ними беседовать. Иногда читал им вслух. Иногда – рассказывал сказки. Задавал вопросы. Но ответа не получал.

А ведь сугубо технически речь должна была сохраниться.

Почему тогда никто и никогда не ответил ему?

– Так вот, возвращаясь к Замку. Когда я вернулся, я почувствовал, что он стал другим. Меньше людей... и дети исчезли. Первыми исчезли дети.

– Как?

Ксандр покачал головой.

– Не знаю. Просто вдруг... перестали рождаться? Или, может, женщины тоже ушли? Кто-то посчитал, что Замок – не достаточно надежное место, чтобы держать здесь семьи? Меня поразила эта тишина. Пустота какая-то. Ощущение, что все изменилось, но как – сколько ни думал, понять не сумел.

Суэта внизу унималась.

И надо бы спускаться. Готовиться ко встрече со следующей невестой. Ричард потер нос, надеясь, что уж эта-то окажется не такой благоухающей.

Иначе он не выдержит.

— Первое время мне не позволяли остаться здесь. Лет десять я провел в предгорьях, потом в других. Тракт восстанавливал. К перевалу, опять же, дорогу... чтобы безопасная и торговля шла. Потом еще за городами приглядывал. Но каждый раз, когда я возвращался, Замок становился все более пустым.

— Мой... дед...

— Был суровым человеком. И можно понять. Он ведь похоронил братьев. Сперва одного, затем... после случившегося с Навером мне и позволено было вернуться. Поселиться здесь.

— Что там произошло? На самом деле?

— Понятия не имею, — Ксандр отвернулся. — Клянусь. Я... я пытался расспрашивать, но вопросам не были рады. Настолько, что... в общем, лучше не вспоминать.

Его передернуло.

И Ричард коснулся плеча.

— Извини.

— Ничего. Просто... ты первый, пожалуй, относишься ко мне, как к равному.

— А раньше?

— Раньше... когда я восстал, пусть и не по своей воле, но все же... я стал тварью. Сильной. Полезной до крайности, но все же тварью. А твари должны помнить свое место.

Он стиснул кулаки добела.

И оскалился.

Выдохнул резко.

— Тогда... вопросы стоили мне дорого. Знаешь, личи ведь живучие на самом деле, но это не значит, что мы не чувствуем боль. И... я понял, что не стоит лезть. Что моя семья — больше не семья. Раньше.

— А теперь?

— Теперь... я устал без семьи. И потому это вот, — Ксандр указал вниз, во двор, по которому, подхвативши юбки, пробежала девица. Девица была незнакомой и, судя по одежде, отнюдь не знатного рода,

но почему-то глядя на неё Ричард улыбнулся. – Это вот не только тебе надо. У Лассара вон крыши его есть. Золотые. А я... я хочу снова увидеть Замок прежним. Чтобы в него вернулись люди. Чтобы дети искали клады и заброшенные галереи. Чтобы вечером в трапезной звучала музыка.

Ксандр закрыл глаза.

– Я думал... думал, что Замок уходит. Он ведь ничего тебе не показывал, так?

Ричард кивнул.

– Даже в детстве?

– Ты знаешь.

– Мало ли...

– Я никогда не считал тебя тварью.

– Это да, – Ксандр кривовато усмехнулся. – Ты всегда отличался просто поразительной доверчивостью. И как только дожил до своих лет-то?

Ричард фыркнул.

– Одно понятно, что с ним что-то происходит, но мы с тобой почему-то не понимаем, что именно, – Ксандр прижал ладони к ступеням. – А вот демоница понимает. И это надо использовать.

– А невесты?

– Постарайся не слишком показывать страх. Женщины, они как собаки, страх мужика чувствуют.

– Серьезно?!

– Поверь моему опыту!

Со ступеней поднялась пыль, закружилась, завихрилась, засияла на солнце золотом. И вдруг замок словно оделся в него, в это пыльное золото. Вспыхнула ярко черепица, засияли древние флюгера и окна. Стены побелели. Выпрямились.

И показалось что вот сейчас он, Ричард, увидит...

Услышит.

Поймет.

Что?

Замок вздохнул. Глубоко и тоскливо. А где-то вдали раздался протяжный звук рогов.

Карету тряхнуло, и Мудрослава едва не прикусила язык, мысленно выругалась. На следующей колдобине она выругалась уже не мысленно, и Яр захихикал.

Захихикала.

Мудрослава подняла очи к потолку.

Она, верно, сошла с ума. Точно, сошла. Иначе как объяснить, что она позволила себя втянуть в подобное... подобную... авантюру!

— А здесь живописненько, — Яр отодвинул пальчиком бархатную занавесь. — Ты только погляди, какие горы!

Горы и вправду впечатляли. Те, что слева. И те, которые справа. Они поднимались темными громадинами, чтобы исчезнуть где-то там, в невообразимой вышине. Сизые облака стекали по склонам, рождая туманы.

Здесь и пахло-то иначе.

Мудрослава запахнула плащ. И клянула зубами. Горы горами, а вот дороги здесь едва ли не хуже, чем в Вироссе. А сказывают, будто в Ладхеме все дороги прямые и камнем мощеные. И ехать по ним можно так, что, ежели на голову чашу с водой поставить, то ни капельки не выплеснется.

В последнее Мудрослава не особо верила.

И от брата отвернулась.

Шут!

Скоморох!

А если прознает кто?

— Еще дуешься? — Яр вытянулся на мягоньком диванчике, явно с трудом удерживаясь, чтобы не закинуть ноги на второй. — Да ладно тебе...

— Если кто-то...

— Не узнали же, — Яр пожал плечами. — Если уж свои не узнали, то чужие и подавно. Дурман, он на всех влияет. Как и заклятья. Люди начинают верить в то, что им говорят. И не важно, кто говорит. Так она сказала...

Мудрослава закрыла глаза, не желая видеть того, кто повел себя столь... столь безрассудно! Непозволительно! Дурман или нет, но это же недопустимо!

— А вот если ты продолжишь дуться, это могут истолковать неверно.

Мудрослава вымученно улыбнулась.

– Так-то лучше! И вообще, я говорил, что ты красавица?

– А ты... ты...

– Я твоя любимая четвероюродная сестрица по матушке, – Яр ткнул пальцем в окошко и, посплюнявивши, потер. Поглядел на палец. – Ярослав...

Девушка из брата вышла так себе.

Крупнолицая. Нехорошая. С каким-то дурноватым, не по-девичьи лихим взором. Просторный сарафан еще как-то скрывал слишком уж массивную фигуру, но кокошник сбил набок, а узорчатые перстеньки не могли скрыть совершенно не по-девичьи массивных пальцев.

Хотя ногти Яр покрасил.

– За что мне это? – мрачно поинтересовалась Мудрослава, испытывая преогромное желание пнуть дорогую сродственницу, которую к ней подвел опять же Древояр, в числе еще дюжины дебеловатых девок, красотой не отличавшихся, ибо неприлично цесаревне в этаким путь без боярышень пускаться.

Но и брать чересчур уж пригожих не след.

Ибо царевна должна быть краше прочих.

А потому девки старательно белили лица, румянились и старались выглядеть должным образом. В общем, тогда-то она сама братца не сразу признала. А Древояр так и вовсе... не понял?

Или вид делает.

Или и вправду дурман? И выходит, что он, задурманенный, не больно и виновен?

– Поглянь! – Яр подпрыгнул на скамейке и ткнул в бок локтем. – Экая громадина!

Мудрослава покосилась на окошко, старательно делая вид, что ей вовсе даже не интересно. Но... горы. И пропасти. И замок, который навис над такою вот пропастью.

Точно, громадина.

Стены его в свете полуденного солнца гляделись белыми до того, что Мудрослава прикрыла глаза ладонью, чтобы не ослепнуть.

– Больше нашего, – протянул Яр и, сунув руку в напудренные волосы поскребся. Накладная коса сбилась, и Мудрослава вздохнула.

И это вот великий и могучий государь?

Может... прав Древояр?

Странная мысль. Страшная и все же... все же... государь – сердце Вироссы. И ему надлежит править. Желательно, мудро. Или хотя бы как-нибудь, но внушая врагам трепет, вселяя в сердца подданных любовь и благоговение. А какое может быть благоговение, когда из-под задранного сарафана выглядывает волосатая коленка. И государь, вместо того, чтобы на троне восседать, подпрыгивает, будто... будто...

Нет.

Этак она вовсе додумается до недоброго.

– А интересно... легионы смерти, они какие? – Яр прикусил кончик косы и даже пожевал.

– Скоро увидишь, – мрачно произнесла Мудрослава, пытаясь отогнать то, дурное, что шелохнулось в душе.

Шелохнулось и стихло.

Кажется.

Глава 32

О том, что подсматривать нехорошо, но порой полезно

«А среди прочих всех дев выделяется она красотой и пригожестью. Ростом невысока, но сложена складно, сия особа имеет кожу белую, лицо округлое. Глаза её тако же округлы, и брови округлы. Рот мал»

«Из письма некого благородного господина своему покровителю о деве, коию оный собирался облагодетельствовать женитьбой»

Я не собиралась подсматривать.

Делать мне больше нечего!

Ну... в принципе, делать мне больше как раз было и нечего, но подсматривать я все одно не собиралась. Вернулась в покои, заперлась, пытаюсь как-то унять непонятное раздражение и вовсе уж противоестественное желание выдрать этой, напудренной, сердце.

Невеста, чтоб её.

Принцесса.

Всамделишняя.

И Ричард куда-то подевался. Небось, спрятался от грядущего счастья и тут я где-то даже его понимаю.

– Она мне не нравится, – сказала я Замку и погладила стену.

А на ней появилось зеркало.

Такое вот, тяжеленное, в золоченой раме. В общем, самое приличное для замка зеркало. Правда, что-то в последнее время к зеркалам я отношусь с некоторой опаской.

– И что это? – осведомилась я, постучав по стеклу.

Темненькое.

Гладенькое.

И на глазах прямо посветлело, вернее помутнело. А когда муть развеялась, я увидела принцессу. Прекрасную... ну... скажем так, на любителя.

Принцесса стояла посреди комнаты.

А неплохо ремонт получился. Сдержанно так, с достоинством. Но принцессе не нравилось. Ишь, головой крутит и морщится.

– И все-таки бедновато как-то, – услышала я голос. Голос вот был приятным.

В отличие от самой девицы.

Вокруг нее суетилась полдюжины других, пытаюсь стянуть некую ужасающего вида конструкцию, весьма похожую на две огромные корзины, которые зачем-то связали между собой ремнями, а в центр сунули эту самую принцессу.

Я погладила юбки.

Платьев в гардеробе моем за прошедшую неделю прибавилось. Приведенный дэром Гроббе портной, человечек невысокий, лысоватый и с выражением вечной тоски на лице, оказался весьма понятливым.

И умелым.

В общем, поладили мы без всяких корзин с корсетами.

– Ничего, – девица раздраженно дернула за корзину, но без толку. Верно, закреплены те были на совесть. – Вот выйду замуж, я все тут поменяю...

– Ваше высочество, пожалуйста, стойте смирно! – взмолилась круглолицая женщина и ручками всплеснула.

– Стою.

– И стойте. И, если позволите совет...

– Позволю, – похоже, принцесса была в настроении.

– Возможно... хозяин этого места... в силу своих особенностей... как бы это выразиться... чужд прекрасному.

– Не совсем.

Корзины хрустнули и так, что у меня челюсть заболела.

Принцесса вздрогнула. Но тут же сделала вид, что не вздрагивала и вообще она тут... принцесса.

– Он же влюбился в меня.

– Когда только успел? – проворчала я, думая, что если Ричард и вправду такую глупость сотворил, я его... я с ним... не знаю, что сделаю.

Конструкция распалась и отправилась куда-то в угол.

– Или нет?

– Несомненно, если он еще не влюблен, то очень скоро осознает свое счастье! – важно провозгласила женщина и чуть тише добавила. –

Вы его только не пугайте.

– Чем?

– Переменами. Мужчины, ваше высочества, существа весьма нежные и требуют особого обхождения. Даже лучшие из них робеют, когда речь заходит о чувствах.

Девушки хором вздохнули, и принцесса тоже.

– И потому... просто пока не говорите.

– О чем?

– О переменах, которые ждут это место.

Какая опасно разумная женщина.

– После свадьбы обрадуете.

Замок закрипел. А я проворчала:

– Хрен тебе, а не свадьба... погоди, сейчас другие подтянутся и выберем тебе хозяйку какую... какую-нибудь выберем. Таковую, чтоб тут ремонтов не затевала и корзины к заднице не привязывала.

Я отвернулась от зеркала, в котором принцессу раздевали.

Переодевали.

Пудрили.

– Ты... ты покажешь мне то зеркало? Которое... ну... то самое, – почему-то вслух произнести не получалось. Я хотела, но слова застряли в горле.

И мурашки по спине побежали.

Зеркало убралось вместе с принцессой, а вместо него появилась дверь. Вот это я понимаю, умный дом. И... и в тех покоях все еще было тихо.

При дневном свете они не казались такими уж мрачными. Или мрачность вовсе существовала лишь в моем воображении? Свет проникал сквозь стекла, но какой-то размытый, неясный. В нем сам воздух казался густым, плотным.

Мебель.

То же, что и было. И... и все-таки немного иное. Кресло у окна. Книга на подоконнике. Лежит, страницами вниз. Я так тоже делала, каюсь. Дурная привычка, одна из многих.

Плед, перекинутый через спинку кресла. Мягкий. И едва уловимо пахнет лавандой. Странно, что за столько лет запах не выветрился.

Пыли нет.

Да, это тоже неправильно.

Туалетный столик. И флаконы на нем. Большие и маленькие, крошечные совсем. Коробки. Коробочки. Я не удержалась и открыла одну, выпустив облако розовой пудры. Запах лаванды сделался отчетливей.

– Какая ты красивая... – раздался тихий-тихий голос. – Я все никак не могу привыкнуть к этому.

Тени.

Замок спешно лепил их из пудры и блессток, вытягивая на свет чужое позабытое прошлое. А я замерла, боясь дышать.

Женщина.

И теперь совершенно ясно, на кого похож Ричард. То же простоватое с виду лицо. Мягкие черты, светлые волосы, которые рассыпаются по плечам. И ореол света, бережно сохраненный замком.

Улыбка.

Ей безумно идет улыбка.

Она не красавица в полном смысле этого слова, но от её лица сложно отвести взгляд. И я смотрю. Не только я. Мужчина за её спиной отражается в зеркале. Он – еще одно лицо из галереи портретов. Совершенное. Аристократичное.

Страшное.

Не могу понять, что же вызывает во мне такой ужас, но сердце вдруг срывается, стучит заполошенно. А рука мужчины скользит по золоту волос.

Собирает их.

Приподнимает. Палец касается тонкой шеи, гладит её нежно. Но взгляд... взгляд его задумчив. И холоден.

– Я обыкновенная, – она наклоняется и прижимается щекой к его раскрытой ладони. – И сама никак не привыкну...

Тишина.

Звонкая.

В ней слышно, как капает вода. Где-то совсем рядом. Нервный звук. Резкий. И болезненный. Я вздрагиваю. И женщина тоже. Она оборачивается. И фигура мужчины тает.

– Кто здесь?

Платье.

Другое! Точно. На ней было светло-зеленое, отделанное золотым шнуром, а теперь темное, почти черное. И сама она изменилась, стала

бледнее и тоньше. И почему-то мне кажется, что это не совсем хорошо.

Другой эпизод?

Смотрю. Сжимаю кулаки до боли. И смотрю.

Она откладывает пуховку.

– Ричард? Это ты? Опять прячешься? – она наклоняется. И отступает, почти рассыпаясь пылью. Но нет, не рассыпается. – Ксандр?

Тишина.

– Как же ты меня напугал, – от облегчения, которое звучит в голосе, у меня дрожат колени. – Ты рано сегодня.

– Не ждала? – какой холодный голос.

– Нет, – она улыбается, но робко так. И улыбка нервная, а во взгляде мне видится беспокойство. – Но я рада. И Ричард тоже...

– Он опять сбежал от наставника.

– Тот излишне строг. Ричард еще ребенок.

Женщина напряженно вглядывается... в кого? Я не вижу мужчину, лишь полуразмытую тень. Но все равно не могу отделаться от ощущения опасности.

– Он должен понимать свой долг.

– Он поймет. Дай ему время, – женщина протягивает руки, но тень не позволяет коснуться. Она отступает, резко, раздраженно.

– Где он?

– Кто?

– Твой любовник.

– Прекрати, – теперь в её голосе слышна обида. – Ты снова?

– Где он?!

– Здесь никого нет, – она отступила в сторону. – Смотри, если хочешь... здесь давно никого не осталось. Из живых.

И тень качнулась. От нее веяло угрозой.

Тишина.

Только сердце стучит бешено. И во рту пересохло. А рука, сжимающая коробку с пудрой, дрожит. И я понимаю, что пудра эта окаменела, причем давно. Но запах лаванды... наверное, она любила лаванду.

– То, что здесь происходило, тебе не нравилось? – я осторожно возвращаю коробочку на место. Закрываю крышкой.

Пытаюсь унять дрожь.

А замок молчит.

...солнце.

Солнце садится. Оно тонет в расщелине между скалами. И там, где-то внизу, клубится золотой туман. Женщина смотрит на него. Теперь она сидит, уткнувшись лбом в стекло, обняв себя за колени. Рядом лежит книга.

Страницами вниз.

Та самая?

Другая?

И почему мне опять... дурно? Словно предчувствие такое. Так и хочется крикнуть:

– Беги отсюда!

– Мама?

Ричард. Его замок рисует с любовью, вихрастого мальчишку со слишком большими выразительными глазами.

– Да, дорогой?

Она даже не обернулась. И рука, поднявшись было, чтобы прикоснуться к сыну, бессильно упала.

– Мама, ты еще болееешь?

– Немного.

Ричард делает шаг.

Сколько ему? Лет шесть? Или семь? Я не умею определять возраст детей. Но он хмурится. И поджимает губы.

– Из-за него, да?

– Нет, – она все-таки отворачивается от окна.

Совсем бледная. Исхудавшая. Словно тень себя самой.

– Это просто... просто так получилось, малыш, – в глазах вспыхивает узнавание. И она встает, протягивает руки, касается Ричарда трясущимися пальцами. Обнимает. А он утыкается в живот матери. Так и стоят. Долго...

В моем горле ком.

– Мы уедем? – тихий такой вопрос.

– Нельзя.

– Почему?

– Потому что, дорогой, это место... оно тебя не отпустит.

– А тебя?

– Боюсь, что и меня...

И тени рассыпаются пеплом. На моих губах соленый вкус слез. И я стою. Глотаю их, сама не понимая, что случилось. Почему я вдруг так...

– Спасибо, – это я Замку.

Скрип-вздых ответом. А треклятое зеркало посверкивает чернотой, манит заглянуть. И я делаю шаг.

И еще.

Зеркало.

Тут зеркало и там зеркало. Два зеркала. Один дом. И тьма, которая клубится за стеклом. Теперь я не только вижу её, но и ощущаю. Она теплая и ласковая.

Такая родная.

Для кого?

В детстве я до жути боялась темноты и старого подвала, куда нужно было спускаться за картошкой. В подвале пахло сыростью и плесенью, и еще канализацией, но не так сильно, чтобы подвалами этими нельзя было пользоваться. И всякий раз, когда мама совала мне ключ, я... я хотела одного – сбежать.

Но приходилось спускаться.

Картошка ведь.

Почему сейчас вспомнилась она? Или, точнее, тот подвал? Он ведь остался, и я даже как-то заглянула, когда уже училась в университете, убеждаясь, что нет ничего страшного. Земляной пол. Кривые стены. Трубы в драной обмотке теплоизоляции. Двери перекошенные с написанными краской номерами. В общем, обыкновенно все.

Тьма же, она покинула его вместе с детскими моими страхами. Зато я знаю, где она теперь.

Здесь.

Она расплескалась по зеркальной глади. И я вдруг испытала почти непреодолимое желание коснуться её. Убедиться, что есть тончайшая преграда стекла.

Или нет.

А в голове словно шепоток раздался, такой приглушенный, когда голос слышен, а слова – нет. Что за...

– Знаешь, – я отступила от зеркала. – Извини, но, кажется, я передумала. И... и вообще...

Откуда-то издалека, разрушая остатки наваждения, раздался спасительный рев рогов.

– У нас невеста приезжает! – я даже подпрыгнула от радости.

А тьма в зеркале накатила, пытаюсь пробиться наружу.

Хрен тебе.

– Разберемся, – пообещала я замку. – Со всем.

Вот только... вспомнился взъерошенный светловолосый мальчишка.

Надо будет рассказать все Ричарду. И вряд ли он обрадуется.

Глава 33

В которой случается знакомство с еще одной невестою

«...и возьмите жабу, положите её в кувшин, а кувшин – в муравейник, с тем, чтобы обглодали муравьи плоть. А как случится сие, достаньте кости, истолките намелко, смешайте с голубиной кровью и корнем бессмертника».

«Привороты и приворотные зелья».

И снова люди.

Кони.

Карета. Кони пониже и пошире, такие массивные битюги, да и карета им под стать. Нынешняя похожа на этакый, изящный гроб на колесах. Зато смотрится солидно. Особенно золоченые шишечки по четырем углам крыши. И орел, на этой крыше устроившийся.

Орел, как и шишечки, был резным.

– Приветствуем благородного властителя сих земель, – трубным басом произнес мужчина с окладистой бородой.

Одет он был роскошно.

Даже чересчур.

Кто ж летом-то в шубах разъезжает? А этот напялил да такую, что мехом серебристым конскую задницу укрывала. В смысле, круп. Хотя... разница-то? Шуба была роскошна. Из-под нее золотом да камнями сиял наряд, навеяв мысли о грешном.

В смысле, что, ежели камушку отколупать, то от костюма не убудет, а в кармане отдельно взятой демоницы даже наоборот, прибавится. И это ли не добро? Добро, оно ведь, как меня учили на философии, весьма относительно. Так что пусть лучше будет добрым относительно меня.

– Доброго дня, – Ричард выступил вперед. Выглядел он чуть более помятым, нежели с утра, и самую малость менее воодушевленным. – Несказанно рад...

Приветственная речь лилась свободной песней, а я пыталась умирить непонятно откуда взявшиеся и прежде несвойственные мне клептоманские порывы.

А заодно уж разглядывала.

Людишек было меньше. Верховых и вовсе всего дюжина, но какие. Все в одного мордатые да бородатые, в шубах, в золоте.

В общем, сразу видно – посольство.

А экипажей два, пусть второй и размерами скромнее, поплоче и без статуэтки на крыше, но тоже крепкий.

Скрипнула дверь и отворилась, а из кареты высунулась девица.

Страшная до того, что Ричард осекся.

Лицо его вытянулось. А Ксандр, который подкрался ко мне, матюкнулся даже, но так, тихо, по-свойски. И я его понимала.

Круглое лицо, щедро побитое оспинами, а где не оспинами – там веснушками. Вздернутый нос. Широкие, в одну полосу, начерненные брови. Яркий румянец ровными кружками и желтоватые крупные зубы.

– Ну... – сказала я тихо-тихо. – Зато, может, она душой прекрасна.

Ксандр икнул.

А девица, подхвативши юбки, выбралась из экипажу и принялась озираться. Что сказать... первое впечатление бывает обманчиво, но это явно не тот случай.

Массивные груди выдавались вперед, но левая почему-то была чуть массивнее и выше правой. И оттого сарафан она приподнимала больше, позволяя разглядеть густо-волосатую мосластую девичью щиколотку.

Сквозь ткань видны были очертания округлого животика.

Плечи красавицы чуть выдавались вперед, отчего руки свисали и казались какими-то чрезмерно уж длинными.

– Д-доброго дня, – Ричард, невообразимой силы воли человек, изобразил поклон. И девица хлопнула начерненными ресницами.

– Добренького, – сказала она радостно. – Славушка, ты поглянь! Не обманули! Жених-то живой!

И проверяя озвученную гипотезу ткнула в Ричарда пальцем.

Тот устоял. Только обернулся, глядя на меня с такой тоской, что просто неимоверно захотелось дать наглой девице по рукам. И вообще, какой он ей жених? Не хватало еще.

Тем временем из кареты выбралась... вышла? Вышествовала? Вот, точно, вышествовала, иначе и не скажешь, еще одна девица.

Что-то там сразу Пушкинское вспомнилось, про величаво и что ступает, будто пава. Вроде там еще во лбу звезда, а под косою месяц, но у нас обошлось без подобных спецэффектов.

Девица впечатляла.

Она была невысока, но умудрялась на всех смотреть сверху вниз. И на эту первую, которая рукавом нос вытерла, тоже глянула. Неодобрительно.

Та поспешно руки за спину убрала.

И отступила.

И даже подтолкнула вторую вперед.

– Этой сестрица моя, многоюродная, – сказала рябая девица доверительно. – В невесты приехала. А я, стало быть, сопровождаю.

Кажется, даже легионы смерти вздохнули с облегчением.

А я...

Я смотрела вот.

Сарафан? Вроде так. Во всяком случае, никаких тебе необъятных юбок, но мягкая ткань, то ли шелк, то ли еще что. Главное, это «что» так вот фигуру обрисовывала.

Намеками.

Гладко зачесанные волосы.

Покрывало на плечах, бисером расшитое. Венчик поверх покрывала. И красивая ведь. Вот действительно красивая, тою мягкой спокойной красотой, которая хочется и хочется любоваться.

Даже мне.

– Доброго дня, – сказала эта, новая, мягким бархатным голосом. И вот как-то сразу она мне не понравилось. Даже сильнее ладхемской принцессы. – Я счастлива приветствовать вас...

Она присела, склонив голову.

– Д-доброе, – почему-то смутился Ричард.

А я подумала, что они хорошо смотрятся.

А потом подумала, что это еще ни о чем не говорит. Может, она стерва. Или храпит по ночам. Или вообще в носу ковыряется, когда не играет в царь-девицу. Мысль эта несколько приободрила.

– Прошу простить поведение моей... сестры, – девица несколько запнулась. – Она добрая девушка, но порой излишне болтлива.

Дальше было скучно.

Говорили.

И снова говорили.

Спешившись, тот, бородатый, вручил шкатулку, в которой обнаружили грамоты. Их читали прилюдно, хотя понятия не имею, для кого этот цирк предназначался. Но читали даже с выражением. И голос у бородатого был поставлен хорошо.

А вот взгляд его мне не понравился.

То, как он на мне остановился. Задержался. И улыбочка по губам скользнула такая, нехорошая. Сразу захотелось убраться куда подальше...

Но снова завывли рога.

И ворота гостеприимно распахнулись, впуская следующую невесту.

Горы встретили ветром, который здесь пах совершенно иначе. Камнем вот. И еще чем-то, чего Брунгильда не могла распробовать.

Она пыталась.

Сидела, стараясь не отвлекаться на дорогу, и приноживалась. А оно все никак. Обидно! До слез-таки обидно! Или это не из-за ветра, а... из-за всего прочего?

Вспомнилась та, последняя ночь.

Костры, которые развели на берегу. И пламя их было столь ярким, что тьма отступила, а темные воды окрасились рыжими всполохами. Тут же вытянули столы. И пусть они не ломились от снеди, как в былые времена, но никто-то не остался голоден.

Весь день пекли лепешки.

И хлеб.

Ныне же на кострах шипела солонина. А с кораблей спустили бочки с кислым пивом и вином. И люди, словно разом позабыв обо всем, что о голоде, что о причине, собравшей их здесь, на берегу, веселились. Сперва робко, словно стесняясь. Но вот завывла дудка, застучали старые барабаны. И Альгрид Златокосая первой вышла в круг, закружилась в быстром танце, а за нею и прочие.

Девицы.

И парни. Застучали по камню босые ноги, замелькали юбки, косы и клинки, сплетаясь в танце.

– Это завораживает, – тихо произнес Никас, сунув руки в подмышки. Он по-прежнему носил свое нелепое платье, слишком тесное и неудобное, а еще продуваемое насквозь. И Брунгильда молча протянула старый отцовский плащ.

А он также молча принял.

Встал рядом, в тени.

И вправду танец завораживал.

– В этом же есть смысл? – спросил Никас шепотом.

– Пожалуй. Ворон рассказывал, что когда-то в древности так чтили богов. Что порой схватки случались и не шутейные.

Лязгнули клинки и двое соперников разошлись.

– И тогда на камни лилась кровь, а если случалось кому умереть, так тому и быть. Кровь отдавали за удачу, а после кто-то решил, что и рыбы хватит. Или иного чего. Но видать, не хватило.

Столкнулись две девицы.

Ингрид и Хальгра, давние подруги и недавние соперницы, встали, выпятив грудь, вперившись одна в другую ревнивыми взглядами. Похожи, что сестры. И застучали привязанные на пальцы косточки, выплетая новый ритм. А круг расширился, давая место для поединка.

Ингрид закружилась на месте. И юбки взлетели, обнажив крепкие ноги.

– Тут можно выбрать невесту. Или жениха. Если будет согласие, тогда и заживут, тогда-то и слова родительского не надо, ибо боги благословят. Но можно и отказаться. Ежели жених выбранный или невеста не любы, то...

Хальгра вскинула руки, и привязанные к рукавам бубенцы зазвенели громко, тревожно.

– ...жених ловит невесту за косу. А та ускользает... или нет. Или не дается поймать. Или отталкивает, и коль вытолкнет за границу круга, на то воля богов.

Брунгильда замолчала, думая, что сама могла бы выйти. Прежде. Что... у нее тоже есть расшитые алой нитью юбки. И блуза из беленого нарядного льна, которую она сама украшала, что бисером, что ракушками. Есть браслеты, хотя и не золотые, из старой меди, но есть же.

Только... куда ей.

– А у вас есть такое? – смотреть на чужой танец стало почти невыносимо. И подумалось, что если она уйдет, этого ведь никто не заметит. Так стоит ли?

– Нет. Дядюшка говорил, правда, что когда-то давно в деревнях случались празднования, на которых юноши и девы могли вести себя довольно свободно. Но эти обычаи давно отошли. И теперь все просто. Родители сговариваются о браке, а дети подчиняются их воле.

– И вправду просто.

Почему-то прозвучало издевкой.

– В этом на самом деле нет ничего плохого. Если родители любят детей своих, разве захотят они им несчастной судьбы? И коль сердце чье-то тронет любовь, то разве к тому не прислушаются?

Меж девицами влез Торнсвуд.

И танец ускорился.

Кого выберет? Он ведь то одной, то другой улыбался. Если Ингрид подносил яркие камни, которые добывал из моря, то Хальгре – раковины. Он на Брунгильду поглядывал, но издали.

– Хотя, справедливости ради, следует сказать, что все же чаще родители смотрят не на чувства, кои есть субстанция эфемерная, но на то, каков избранник на самом деле. Сколь он знатен. Богат. Что говорят о нем люди. Не было ли в роду его дурных или опасных болезней. Не известно ли за ним самим чего-то, что бросит тень на доброе имя...

– А как же я? Ты бы женился на мне? Вот просто так, по воле своего дяди?

– Да, – он смотрел серьезно. – Я и ныне готов исполнить свой долг. И исполню, когда придет срок. Вы здесь, как мне кажется, лучше, чем кто бы то ни было, понимаете, сколь важно сохранить и приумножить силу рода.

Да, пожалуй.

А вообще никчемный разговор был. Ненужный. И Брунгильда ушла. До рассвета она стояла на берегу, и даже когда отец подошел, не обернулась.

– Ты... – отец никогда особо не умел говорить. – Осторожней там.

– Хорошо.

Захотелось расплакаться, вцепиться, попросить о милосердии. Почему она? Столько ведь девиц есть, пусть бы отец отправил кого-то

еще... ту же Ингрид или Хальгру, или Аусвен, или...

И стыдно стало.

Даже Никас, на что слаб он, а понимает. А Брунгильда, мнившая себя сильной, трясется осиновым листом?

— С тобой пойдет дюжина. Ворон собрал. Может, не самые молодые, но справные воины.

Тоже правильно.

Те, кто молод, нужны здесь, дабы не оскудели силой Острова. А остальным... смерть в бою, не то ли, чего многие желают?

— Купец тоже своих людей даст.

— И не только людей.

— Вот-вот, — согласился отец. — Приглядишься-ка к этому его... племяннику. Так вокруг тебя и вертится. Небось, понравилась.

Глупость какая.

Никас просто... просто любопытный. А прочие на него смотрят сверху вниз и с насмешечкою. Иные и вовсе презрения не скрывают, что худ он да слаб.

— Что с того?

— Может, дочка, и ничего, да только вот... мало ли, как оно там? Сказано же ж, поглядеть зовет. И на от, — отец сунул шкатулку. — Прислал, стало быть.

Драгоценные камения полыхнули в ночи. И так ярко, что до дрожи просто захотелось в руки взять, примерить, а потом и выйти в круг огня, похвалиться таким подарком.

Небось, не раковины.

Не шкурки заячьи.

Не красивые камни. Настоящие драгоценности.

— Оставь, — Брунгильда сумела подавить это, недостойное, желание. — Дай купцу. Видел ведь?

— Видел. Говорит, что этакая красота не у каждой принцессы сыщется.

Снова что-то такое в душе шелохнулась.

— И сколько дать готов?

— Много. Сказал, что если надумаю продавать, то он сумеет найти того, кто заплатит полную цену. И хватит, чтобы пару лет мы жили, бед не ведая.

— Вот и отлично.

– Негоже, дочка, от так, – Торвальд покачал головою с укоризной. – Это же ж женихов дар.

– И... толку-то...

– Вот и поглядишь, сколько там толку. Да и Авияр согласен, что... опасно это. Еще обидится.

И вправду.

– Но он богат.

– А нам нужны деньги.

– И не только, – отец опустил на берег, сел на камни, вытянув ноги. – Некогда нас боялись. Ненавидели. И боялись. Но то было давно. Мир изменился. Корабли стали больше. Пушками вон обзавелись. Да и не только...

– Думаешь...

– Авияр говорит, что тамошние короли не прочь прибавить себе земель. А коль тут появится не торговый флот, а военные корабли, что мы сможем сделать? Разве что умереть с честью. Да только... надо ли оно?

Страшные слова.

Но нельзя сказать, чтобы сама Брунгильда о том не думала. Думала. Вот как только увидела тот корабль, что ныне покачивался неподалеку, сложивши крылья парусов, так и думала. Сколь он велик. Красив. Могуч. И способен принять груза и людей больше, чем даже дюжина их лодок.

– А вот ежели за нами будет стоять Проклятый, – камни все еще горели. – Так любой трижды подумает... так что...

– Я поняла, отец.

– Но будь осторожно, добре?

И Брунгильда поклялась, что будет. Она ведь и вправду будет.

Выходили на отливе, с отступающим морем, которое потянуло за собой корабли. Два дня пути. И мрачный щит скал. Узкий пролив, от которого тянуло сыростью и чернотой.

Лоцман, доверия не внушающий.

И городок, что вытянулся по кромке моря. Брунгильде он показался удивительным. Каменные дома с красными крышами. Мощные улочки.

Люди.

Живые люди.

Они держались вольно, словно не понимая, где находятся, не чувствуя... хотя, справедливости ради, и сама Брунгильда ничего этакого не ощущала.

Удивление вот.

И немного любопытство, ибо все было устроено иначе, нежели на островах. Взять хотя бы каменные причалы или вот огромные вытянутые дома, что примостились рядом.

– Склады, – сказал Никас, который держался так, будто бы в местах, подобных нынешнему, бывал частенько. – На самом деле, как я понял, здесь давно идет торговля и активная весьма. Дядюшка не отказался бы поучаствовать, если, конечно, получится.

Брунгильда кивнула.

А потом...

Потом была повозка, крепкий деревянный ящик на колесах.

Лошади.

Дорога.

Эта вот скачущая дорога. И скалы впереди. А над ними – замок, какового Брунгильда и представить себе не могла. Как вообще... общинный дом велик, но это... это нечто вовсе даже невообразимое. Какой человек... люди... как сумели построить такое.

И Никас замолчал, небось, тоже пораженный.

А сердце болезненно сжалось. Замок велик, но... найдется ли в нем место Брунгильде?

Глава 34

Где невесты продолжают прибывать

«Блондинки бывают почти всегда хорошего характера, т. е. тихи, скромны, любящи, нежны и благонравны. Блондинка в семейной жизни утешает мужа своим ровным характером, никогда не сердится и почитает мужа более всего на свете»

*«Руководство к выбору жены с прибавлением добра и зла о женищинах»**

Невесты начали утомлять.

Раз, два, три и четыре.

Надо, конечно, дух перевести и набраться терпения, но, право слово, как-то я это действие иначе представляла. Стою вот. Смотрю на скопище brutальных мужиков, из которых тестостерон разве что на камни не капает, и не могу отделаться от ощущения, что случайно меня не в другой мир занесло, а на массовку какого-то сериала о тяжелой жизни викингов.

Викинги, впрочем, радовали.

Могучие.

И шкуры, поверх доспехов наброшенные, в картину мира вписываются. И шлемы, пусть без рогов, но блестящие. Топоры, мечи и прочее железо.

В общем, я так и замерла.

— Рот закрой, — посоветовал Ксандр свистящим шепотом. — А то еще подумают чего.

— Чего? — отозвалась я, вперившись взглядом в премудрого старца с длинной белой бородой.

На викинга он не походил, скорее уж было что-то этакое, волшебное.

— Что сожрать их собираешься.

— Я не жру человечину, — в пору обидеться. — Тем более потную.

— А если помыть?

— Это ты для чего спрашиваешь?

– Мало ли, – Ксандр пожал плечами. – Жизнь – штука сложная. Вдруг да понадобится...

– Мытая человечина?

– И она в том числе. Как тебе невеста?

Как раз закончился этап торжественного чтения речей и заверения друг друга во взаимной любви, и Ричарду представили очередную даму.

Даму...

В общем, живописец не врал. Я понимаю, жизнь у него, верно, была сложной, а вокруг еще и эти местные викинги с топорами. Поневоле задумаешься, надо ли действительность искажать. Так что изобразили её весьма точно. Разве что миниатюра оказалась не способна вместить всю впечатляющую мощь сей девы.

Во-первых, она была выше Ричарда на голову.

Во-вторых, и шире.

В-третьих, как-то так оказалось, что взгляд Повелителя вперился совсем даже не в темное лицо островной девы, а... куда роста хватило.

Ричард вдруг икнул.

И покраснел.

Густо-густо. И я поняла, что еще немного и жених позорнейшим образом сбежит. Скандал получится. Дипломатический. И потому, отмахнувшись от Ксандра с его прикладной гастрономией, я решительно шагнула вперед.

И Ричарда под руку подхватила.

Ткнула пальцем в бок и сказала, дружелюбно улыбнувшись:

– Как доехали?

Дева возвышалась над нами, почему-то внушая странные мысли об общей бренности бытия.

– Хорошо. Спасибо.

Голос у нее оказался низким и мягким, пробирающим до самых печенок.

– Жоржетта, – я протянула руку, которую взяли осторожно, двумя пальцами. – Я тут за... консультанта.

Смотрели на меня так, нехорошо.

А ведь она без секиры. Если еще и секиру добавить, так оно совсем внушительно выйдет. Только, правда, не понятно, кому и чего

внушать. Но взгляд ледяной я выдержала. И даже глаз не дернулся. Только рога зачесались, особенно левый.

– Вы это... проходите, что ли? – чувствую, надо работать с речью. – Располагайтесь там. Чувствуйте себя как дома.

– Благодарю, госпожа демоница, – ответил старик, бороду оглаживая.

Как-то не за что... ну и где, спрашивается, последняя?

Стоило подумать, и вновь раздался мерзкий сиплый звук, от которого вздрогнула не только я, но и невеста, и викинги, и даже Ричард.

– Вы не пугайтесь, – сказала я, стараясь улыбаться шире и искренней, правда, люди почему-то попятились. – Это наша лягушонка в коробчонке... то есть, еще гости... встречать надо.

Ричард закрыл глаза.

Подумалось, что в общем-то и вправду не стоило так с пиратами. Пираты, они в хозяйстве очень даже полезны быть могут. Особенно, если правильно использовать.

А он вот...

И теперь его Замок наполняется людьми.

Двор – лошадьми.

Они текли по дороге потоком живого золота. Грохотали копыта. Поднимали клубы пыли. Но и она, оседая на вспотевших боках и спинах, не способна была отнять и толики великолепия.

– Боги, это же... – выдохнул мужчина, который выделялся среди островитян невысоким ростом, какою-то subtilностью и излишне роскошным костюмом. – Это же...

– Бешшерские скакуны, – заметил Ксандр, щурясь.

А потом поглядел на Ричарда, этак, презадумчиво.

– Знаешь, – сказал он тихо. – А в этой затее что-то да есть... поменяем тебя на табун. Или два.

Мысль ему, кажется, очень даже понравилась.

Рога вновь затрубили. Замок гостеприимно распахнул ворота. Мертвые легионеры отступили, пропуская лошадей и людей. Те, распластавшиеся на широких конских спинах, почти сливались с ними. Заклубилась пыль.

Запахло конским потом.

И Ричард вдруг подумал, что двор не так уж и велик. Пусть даже некогда он способен был вместить все легионы, но... это же когда было. А теперь вот лошади.

Раздался гортанный оклик.

И лошади остановились. Вздурораженные, растревоженные, распаленные скачкой, они плясали, кружились, но не смели послушаться слова.

А к Ричарду и островитянам, которые тоже смотрели, не скрывая любопытства, подъехал мужчина. Был он невысок и круглолиц, обряжен в шубу, под которой посверкивала броня, и шапку с высокой пикой. С пики свисал конский хвост, окрашенный алым.

Алые же полосы украшали щеки мужчины.

Пересекали лоб.

Левый висок его украшала родовая татуировка. На правом виднелось пять драгоценных камней. И это тоже что-то да значило.

Мужчина поклонился.

И Ричард ответил поклоном же. Вежливым.

– Пусть солнце ярко светит над домом великого Владыки Мертвых...

Лошади были красивыми.

Очень красивыми.

А еще большими. Нет, я, конечно, представляла, что они в принципе животинки не из мелких, но одно дело представлять, и совсем другое – очутиться рядом.

Если рядом, то как-то милота несколько теряется.

У лошадей ведь зубы.

И копыта.

И еще смотрят они этак, недружелюбно. Одна и оскалилась, будто примеряясь, как бы половчее отхватить кусок одной несчастной демоницы. И главное, зубы-то у нее крупные.

Вот и говорите потом, что лошадь – существо травоядное.

Ага.

А тот, который главный, – это я сделала вывод, потому как покрывало на его коне сияло золотом, да и сам он тоже сиял, причем не только золотом, но и камнями – продолжал растекаться мыслью

по древу. Прочие, коих тоже набралось немало, слушали, кивали и недобро поглядывали на викингов.

Викинги столь же недобро поглядывали на степняков, выразительно оглаживая рукояти мечей. Словно бы невзначай, да.

С балкончиков за ними наблюдали ладхемские военные в алых мундирах.

А еще те, которые бородатые и в кафтанах.

И как-то сразу подумалось, что международная политика – не мой конек.

– Не передерутся? – шепотом поинтересовалась я у Ксандра, который лошадьми любовался, а они им, но вот тоже как-то... недружелюбненько.

– Не должны бы. Но тут никогда не угадаешь. Помнится, лет двести тому случилось мне побывать при тогдашнем дворе Ладхемском. Так там ирнейцы подрались с теорцами, уже не помню, чего поделили, но теорский посол ирнейцу ухо откусил. А тот теорцу в ответ глаз выбил.

– Надо же, – подивилась я.

– Вот-вот. А с виду тоже приличными людьми казались.

Я подумала, что надо бы распорядиться насчет посуды. В смысле, чтобы пересчитывали её, особенно ложечки. А то ведь и вправду этак приличные приличными, а потом недостача выплывает.

Меж тем лошадиное море расступилось, пропуская какого-то невообразимо огромного коня, на спине которого был установлена беседка.

Или эта паланкин?

Главное, что походило сооружение и на то, и на другое. Реечные балки, а между ними – покрывала шелковые, одно на другое находящиеся, и потому, при всей прозрачности, разглядеть, что же там, за этими шелками укрывалось, было невозможно.

– Драссар, – сказал Ксандр и на коня указал. – Надо же, я думал, что их не осталось.

– О да, – степняк повернулся к нам, опалив меня взглядом, от которого щеки сами вспыхнули. Будто пообещали мне чего неприличного. – Еще отец моего отца, будь благословен его путь среди небес, начал собрать воедино капли драгоценной крови, воссоздавая то, что некогда было утрачено. Мой же отец завершил путь.

Конь?

Да этот конь возвышался над прочими, словно... словно гора.

Огромный. Темной масти с каким-то то ли синеватым, то ли зеленоватым отливом. Массивная грудь. Тяжелые ноги. Мускулистая шея. И ощущение, что не все-то так просто.

– И ныне дети Степи готовы вернуть давний долг, – степняк соскользнул с конской спины, чтобы подойти к этому гиганту. Рядом с ним человек казался таким невероятно хрупким, что стало страшно. – Прими же этот дар в знак признательности.

– Это... дорогой подарок.

Ну да.

Попробуй такой прокорми. Не каждый бюджет потянет.

– Драссары были выведены в Империи, – Ксандр сказал это для меня и, пожалуй, спасибо ему. – Они отличались не только размерами и силой. Никто и ничто не могло устоять перед ударом тяжелой конницы.

Представляю. Эту гору и в железо заковать.

И еще рядом пяток поставить.

Танки не нужны будут.

– Но ко всему они были неумолимы, неукротимы и разумны.

Разумны?

– В некоторой степени. Все же кровь демонов давала свои преимущества.

– Демонов?

Вот... только начинаешь про человека хорошо думать, даже раскаиваться, что думал до того плохо, как этот человек раз и убеждает, что нечего раскаиваться.

– А как ты думала? Кровь демонов – очень и очень полезная штука...

Ага, лошадку можно сделать.

То-то она на меня поглядывает с прищуром, никак родственную душу почуяла. Или наоборот, не почуяла.

Меж тем степняк хлопнул монстроконя по шее – смелый он человек, однако – и тот послушно подогнул колени. А потом и вовсе лег, но как-то не на бок.

Сдвинулись шелковые занавески.

А я с тоской подумала, что только шамаханской царицы нам для полного счастья и не хватало. А девица была аккурат такой, тонкой, что струна.

Кожа цвета светлого меда.

Золото волос, в которых поблескивали драгоценные камни. Шелка, в которые девицу завернули – иначе и не скажешь, – ничего особо не скрывали, скорее уж подло подчеркивали её неестественную хрупкость.

Ричард икнул.

А я закрыла глаза.

Дышим глубже. Спокойней. Мне то что? Мне то... у меня дело простое. Жену выбрать. И довести все это благое начинание до логического финала, сиречь, свадьбы.

И...

Вопль рогов стал полной неожиданностью, заставив подпрыгнуть на месте.

Раз, два... две невесты разглядывали друг друга, не скрывая удивления. Еще три скрывались где-то там, в глубинах Замка. Итого пять.

По числу портретов.

Так какого лешего вопят-то?

– А это кто? – я все-таки приблизилась к Ричарду, который, наконец, очнулся и перестал пожирать взглядом это худосочную восточную красавицу. А та глазищи опустила, но поглядывает сквозь ресницы.

Оценивает.

В общем, не нравится мне эта красавица. Слишком уж она... красавица.

– Не знаю, – столь же тихо ответил Ричард и меня за руку взял, то ли спрятать желая, то ли самому спрятаться. И главное, я услышала, как громко стучит его сердце.

Даже усовестилась.

Немного.

С совестью и у меня, и у демонов отношения были весьма специфические. Тут же я осторожно сжала пальцы, успокаивая Повелителя. Оно же ж понятно, переволновался человек. И так невест девать некуда, а тут еще неучтенная.

Меж тем в ворота въехали рыцари.

Вот как есть, рыцари.

В белых доспехах, между прочим. И настолько белых, что прямо слепила эта белизна. Над головами рыцарей вздымались копья. На копьях – флаги, что характерно, тоже белые. И уже на них золотом сияли вышитые солнца.

– И кто тут невеста? – шепот мой прозвучал, пожалуй, слишком громко.

Лошади при виде рыцарей взволновались. Черный монстроконь вообще поднялся и грозно топнул копытом. Даже почудилось, что от топанья этого слегка задрожала земля, а Ричард рывком убрал меня за спину.

– Это паладины, – сказал он так, будто что-то да объясняло. – Орден Света.

– А нам они зачем?

– Со злом бороться, – вздохнул Повелитель Тьмы.

– Если что, – я дернула его за рукав. – Скажи им, что я очень и очень добрый демон.

** Реальная книга 1916 г. издания за авторством Балтазара Мусия.*

Глава 35

Где добро встречается со злом

«Походка многое говорит о характере человека, а потому за походкой нужно следить при выборе жены. Походка вертлявая, быстрая и торопливая свидетельствует, что эта женщина легкомысленна и капризна. Походка ленивая означает ленивый характер. Утиная – добродушие и в иных случаях глупость. Если походка горделивая, спесивая, что называется лебединая, то у этой женщины характер миролюбивый, но любящий власть над мужем».

«Руководство к выбору жены с прибавлением добра и зла о женщинах»

Семь дней пути.

Море, которое то ярилось, ввергая братьев в пучину тоски и телесной слабости, то вдруг успокаивалось, даруя слабую надежду, что морская болезнь отступит.

К счастью, сам Светозарный ей подвержен не был, хотя и давно уже не случалось ему бывать на кораблях. Кристоф вот и вовсе чувствовал себя превосходнейшим образом. Он был весел и как-то даже чересчур уж весел, словно не понимаю, сколь сложное дело предстоит.

Ответственное.

И когда впереди показалась темная линия берега, Артан испытал преогромное желание отступить. Это ведь просто. Корабль, пусть и не принадлежит Ордену, но зафрахтован им.

Достаточно отдать приказ.

Братья... братья поймут.

Потом.

Позже.

Это ведь неразумно, соваться в обитель тьмы, к тому, кто проклят богами и людьми, опираясь лишь на данное им слово. Как можно верить слову мертвеца?

А берег приближался. Темные скалы, что возвышались до небес, упираясь в сизую муть облаков. И оттого казались они бесконечными.

Черной лентой пролег узкий путь пролива. И лодочка, шмыгнувшая навстречу, сперва показалась одной из теней, что во множестве обретались окрест.

Лодочка ткнулась о борт, и резкий протяжный стон, донесшийся из скал, заставил Артана вздрогнуть.

– Внушает местечко, – Кристоф едва ли не приплясывал от нетерпения. Всегда-то он был беспечен. И во всем полагался лишь на удачу, однако, к чести его, Кристофу везло.

И, пожалуй, хорошо.

Отец... он надеялся на Артана, как-никак старший сын.

– Хмуришься, – брат оперся на борт. – Уже ведь почти пришли.

– Это может быть ловушкой.

– Может, – согласился Кристоф. – Останешься?

– А девы?

– Девы, думаю, уже там. Когда мы отходили, я получил послание.

В общем, ладхемцы отправили обеих принцесс, ирнейцы тоже не отказались бы, но они приглашения не получили и теперь выражают ноту протеста.

– Кому?

– Ладхемцам. Намекают, что те подлыми интригами не позволили Ирнее принять участие в сем действе.

– В самом деле?

Паруса опали. И загремели барабаны, подгоняя гребцов. Правда, корабль теперь двигался неспешно, осторожно, вползая в узкое жерло пролива. Здесь было темно и сыро. Из черной воды гнилыми зубами торчали осколки скал. Темные же стены поднимались к небу.

Артан поежился.

– А что ты хотел? У них своих принцесс с полдюжины. Не только у них. И никто не откажется заручиться таким союзником.

– Проклятым?

– Брат... не хочется тебя разочаровывать, но... в общем... как бы это выразиться... уже давно никто особо не верит в проклятость этого места.

– Но...

– Пару лет назад в Ладхемском университете случилась дискуссия на тему, что считать тьмой и существуют ли на самом деле темные искусства, как таковые.

– Слышал, – мрачно произнес Артан.

– Вот. А что ученые люди пришли к выводу, что энергия первична? И что в первозданном своем виде она не является ни темной, ни светлой?

– Как жрецы попустили только.

– Ну... не скажу, что были так уж довольны, но жрецы в Ладхеме особой власти не имеют. Это тебе не Триория. Хотя выпустили ответную буллу, осудив и дискуссию, и выводы.

И в кои-то веки Артан был согласен.

С такими рассуждениями и вовсе в ересь легко впасть. В следующий раз что объявят? Что чернокнижники суть добро? Или демоны?

Или...

– Отвлекаешь, – Артан усмехнулся. – Не стоит. Я принял решение.

– Это да, – Кристоф потянулся, что кот. – Но не столько отвлекаю, сколько... ты всегда отличался изрядной упертостью, братец.

И в этом он был прав.

– С одной стороны, это неплохо. Будь ты менее упрям, вряд ли бы послушался отца. С другой, в нынешних обстоятельствах оно может быть и во вред. Если ты с ходу вызовешь Повелителя Тьмы на бой, а потом героически падешь...

– Ты в меня настолько не веришь?

– Верю. Ладно, героически повергнешь его, один хрен ничего хорошего не случится. В общем, я только хотел попросить тебя не спешить. Сперва познакомься. Пообщайся. Может... сойдетесь на чем-нибудь общем. Он же сам тебя позвал. А...

– Не собираюсь я никого вызывать, повергать и прочее.

– А твои...

– Ты их видел. Кого они повергнуть могут? – Артан замолчал ненадолго, раздумывая над последним письмом, которое пришло незадолго до отплытия.

Черный ворон.

Глянцевые перья. Клюв, словно из стали сделанный. Тварь сперва клюнула в руку, а потом уже передала запечатанный конверт.

– Он просит помощи, – Артан произнес это, не глядя на брата.

– Даже так?

– Он пишет, что... он хочет, чтобы я... мы взглянули на тот проклятый город. Что сам он подойти к нему не может, как и мертвые его слуги. Что истинное зло сокрыто там и... и зачем тогда жениться?

– Ему или в принципе? Кстати, отец просил передать, что если ты вдруг решишь осчастливить его супругой и парой-тройкой детишек, то он будет премного рад.

– Что?

– А что ты хотел. Слухи, они расходятся... он сказал, что помимо принцесс девиц в замке соберется много и всяких. Самое оно время, чтобы личное счастье устроить.

– Я не собираюсь устраивать личное счастье!

– Но ты ведь не монах, обетов не давал.

Оно-то верно, однако как-то повелось, что рыцари Света женились редко. Может, оттого, что на острове и мужчинам нелегко приходилось, а может потому, что жена – это и ответственность, и дорого.

– Я не за этим еду!

– Не за этим, – согласился Кристоф, скалясь во все зубы. – Но мало ли... вдруг да случится чудо.

– Или с тобой. Тебе отец, полагаю, такое же напутствие выдал?

– Я слишком молод, чтобы пасть в неравном бою за семейное счастье! – патетично воскликнул Кристоф.

– А у меня дело.

– Какое?

– Всей жизни! И вообще... мы туда едем со злом бороться.

Скалы раздвинулись, и небо посветлело, будто солнце пробилось сквозь тучи. Море окрасилось зеленью, и скользнули под водой быстрые тени. Слева, один за другим, разрывая тонкое полотно воды, выскочили дельфины, заплясали, заиграли, пересвистываясь.

Дельфины и здесь?

Артан смотрел. На них. И на город, что вытянулся вдоль берега.

Полукруглая бухта. Корабли. Огромная каравелла морских торговцев, борта которой потемнели и успели покрыться коростой ракушек. Но мачты вздымались в небеса, а резная фигура морского коня вознесла копыта над зеленой гладью. Рядом вытянулась узкая хищного вида ладья с единственной мачтой.

– Островитяне. Стало быть, прибыли.

Дальше виднелись купеческие лодки, меж которыми затесался небольшой, но весьма ладный с виду корабль. Он был стар и лишен украшений, однако гляделся крепким.

На берегу сустились люди.

И город жил.

Вот это и удивляло. Город жил. Своей жизнью, будто местные люди не ведали, что происходит вокруг. Артан закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

Тьма... тьму он чувствовал с юных лет. Она была и горькой, и сладкой.

Манящей.

Она кружила голову, а стоило поддаться, как дурманила, порождала в разуме картины одна другой заманчивей. Она уговаривала. Обещала.

Лгала.

Давила.

Она могла свести с ума, Артан видел и такое. И сам едва... город был чист.

Разве возможно подобное?

Разве...

Но город был чист.

Корабль подвели к пристани, и команда деловито крепила сходни.

– Что-то не так? – Кристоф держался рядом, мигом растеряв всю былую шутливость.

– Все не так. Тьма. Её здесь нет.

– Так ить, – один из матросов оказался рядом. – Откудова ей быть? Она тамочки, дальше, куда ходить невозможно.

И махнул рукой в направлении гор.

– А вы здесь бывали? – Светозарный поглядел на братьев, которые выбирались на палубу. Были они бледны, печальны и впечатление производили не самое лучшее.

Да и в целом.

Брат Крон сед, что лунь. И плечи его, некогда широкие, согнулись под тяжестью жизненных невзгод. Брат Улаф к седине обзавелся внушительным животом, видать, сказала близость к кухне. Брат Эндрик сделался брюзглив и вечно жаловался, что на холод, что на ноющие кости.

– Так частенько. Зерно от сюда возим. Всякое. Еще скот, кур, гусей. Шерсть от опять же. Ткани. А туточки мастеровые неплохие. Стекло варят темное, какого нигде больше нету.

Матрос оказался весьма словоохотлив.

– И всякое иное, конечно. Травы от. Но туточки знать надобно, чего за оно. Я-то не ведаю.

– А тьма? – поинтересовался Артан, испытывая некоторое непонятное разочарование. И вроде бы радоваться надо, что люди живут в мире и благоденствии, но не получалось.

Если и здесь тьмы нет, то...

Что тогда будет?

С ним?

И с братьями?

– Там она, – матрос махнул в горы. – Вы, господин лыцарь, слушайте местных. Ежели скажут, что неможечно ехать куды, вы туды и не сувайтесь. А то же ж потом пришибуть.

– Кто?

– Мертвяки. Ну, которые энтому, Хозяину, служить, – матрос поскреб заросший щетиной подбородок. – Сам-то я не бачивши, оне-то в город редко ходют, все больше стерегут.

– Что?

– Дык, тьму энту, чтобы никто не сунулся по дурости. Хотя, балакают, что все одно суются. От люди дурные... мол, сокровища там. Вот и лезут. Ищут. А надо оно?

Матрос пожал плечами и, утративши интерес к разговору, отвернулся.

Артан же посмотрел на горы.

Тьма.

Выходит, тьма все же была где-то.

И это хорошо.

– Что, брат, – Кристоф озибался с явным интересом. – Все не так, как представлялось?

Пока выводили лошадей, выносили сундуки и бочки.

Чистили доспех.

Облачались...

Городок оказался на диво аккуратным и если отличался от прочих, в которых Артану случалось бывать, то разве что этою вот

аккуратностью. Здесь не пахло ни потрохами, ни сточными водами. Белые дома. Темные крыши. Зелень в кадках. Цветы какие-то... совсем не так должно выглядеть приюту тьмы.

– Все не так, – согласился Артан. – Но это еще ничего не значит!

– Ну-ну, – братец хмыкнул. – Идем, что ли. А то ж заждутся.

Кто именно заждется, Кристоф не уточнил. Братья, окончательно придя в себя, облачались в доспех, прямо тут, на пристани, помогая друг другу. И зрелище сие непривычное привлекло внимание. Люди собирались, поодиночке и парами, тыкали друг друга локтями, показывали пальцами.

Переговаривались.

Особо любопытные решались подойти поближе.

Носилась вездесущая ребятня, норovia подобраться совсем уж вплотную. Кто-то даже пытался скосырнуть белую краску с доспеха.

– Воевать, что ль, полезут? – донеслось из толпы.

– А то, вестимо, – отозвались тут же. – Оне ж эти... ладины!

– Паладины, – поправил брат Морт, пытаясь втиснуться в ставший вдруг тесноватым доспех.

– Во-во! – радостно поддержали его. – Эти самая! Вечно лезут, куды не надобно!

– А молоденький-то какой... погляньте...

– Жалко молоденького... совсем не пожил.

– А чего жалеть? Сам лезет. Небось, не звал никто! – возразили жалостливым.

– Господине, господине, – кто-то подергал Артана за рукав. – А вы подушную оставили? У меня дядька – хорошо законы знает! Ежели не оставили, то он быстренько сподмогнет.

Безумие.

– Благодарю, отрок...

– Я не отрок, – обиделся вихрастый мальчонка и носом шмыгнул. – Я Баська! Только подушную все одно составьте. А то ж оно это... неблаг... баг... неблагзумно помирать так, без подушной. Будут опосля наследники доспех делить и передерутся все.

– Я не собираюсь воевать, – сказал Артан громко, пытаясь отобрать свой шлем, попавший в руки местного пацанья. – Я прибыл сюда по приглашению вашего господина и повелителя.

Народ разом поскучнел. Правда, ненадолго.

– Ишь! – раздалось. – А я тебе что говорила? Жениться приехали!
Артан шлем-таки отобрал.

– Кто приехал!

– Все! – тонкий женский голос разлетался над морем. – Приличные люди сразу женятся, а ты меня третий год мурыжишь...

– Светозарный, – робко заметил брат Морт, и голос его, искаженный шлемом, прогудел. – И вправду, что ль жениться?

– Нет.

– Хорошо, – выдохнул паладин с немалым облегчением. – А то ж это...

– А я тебе говорю, что к этому вопросу надобно подходить с полным осознанием...

– То-то под юбку лезти тебе осознания полного не нужно!

– ...я ж того... с тьмою воевать – так всегда готов, – шлем качнулся. – А вот жениться... боюсь!

И прозвучало это как-то слишком уж громко.

– Видишь! – радостно подхватил мужской голос. – Даже рыцари жениться боятся! А чего уж про меня говорить-то? И негоже это поперек господина, сперва пускай он женится...

– Может, – Артана подергали. – Все-таки духовую?

Мальчишка глядел с надеждою.

– Зачем?

– На всякий случай. Дядька говорит, что в жизни духовая грамота завсегда пригодится! А то женитесь вдруг и помрете. Что тогда?

Артан закрыл глаза.

Безумие.

Определенно.

– Будут опосля ваши родные с женою молодой ругаться, доспех делить. А так сразу понятно станет, кому доспеха, кому коня или еще чего...

– Идем, – Кристоф с трудом сдерживал смех. – А то лошади застоялись.

И вновь кольнуло под сердцем.

Лошади появились благодаря брату. И сбруя. И штандарты, которые восстановили, пусть бы и обошлось сие в немалую сумму, которую сам Орден не собрал бы. А теперь рыцари на конях да со штандартами смотрелись впечатляюще.

– Красиво идут, – выдохнула пышногрудая дама, провожая кавалькаду печальным взором. – Глядишь и вправду оженятся...

– Вам бы только женить честных людей, – проворчал носатый старик.

– Так... чего плохого-то? – дама пожала плечами. – Свекровка моя баить, что во времена прежние в замке люду довольно жило, теперь-то он оскудел, опустел. Нехорошо сие. А так, глядишь, сам оженится, других оженит. И все-то будут счастливы.

– Особенно те, которые сбегут вовремя, – буркнул старик, отворачиваясь.

– Это ты зря, – женщина отерла руки. – От хорошей жены не сбежишь!

Глава 36

В которой зло встречает добро и приглашает в гости

«Иные говорят, что чихнуть в воскресенье – значит, в гостях будешь; в понедельник – прибыль будет; во вторник – должники надоедят; в среду – станут хвалить; в четверг – будешь сердиться; в пятницу – письма или нечаянная встреча; в субботу – о покойнике слышать».

«Сборник верных примет народных».

Ричард смотрел на людей, заполонивших двор замка, и не мог отделаться от ощущения, что отцу не понравилось бы. Категорически не понравилось бы.

Отец...

При нем в замке стало тихо.

И пусто.

А ведь были люди. Давно. Раньше. При матушке еще. Теперь те воспоминания, казавшиеся еще недавно утраченными, вдруг ожили, всколыхнулись.

Вот кухня.

Здесь всегда жарко. И пухлая повариха двигается с воистину нечеловеческой ловкостью. Вокруг суется помощники и помощницы. Ричарду нравится наблюдать. И за тем, как мнут тесто, то скатывая в шар, то растягивая. И за тем, как подбрасывают в огромную печь дрова. Он сидит, прислонившись к ней. В руке стакан молока да булка. А голос поварихи мягкий, он журчит ручейком, и тянет слушать.

Он не помнил, о чем та рассказывала.

О чем-то.

Слуги.

Тогда в Замке слуги были живыми. А мертвецам позволяли делать только самую тяжелую работу.

Скотный двор. Лошади и коровы. Козы. Матушке носили козье молоко, ибо она часто простывала. А козье молоко полезно.

Птичник.

Всполошенное кудахтанье кур и голос птичницы, что сзывала их.

И двор этот, к которому Ричард уже привык, к пустоте его тоскливой, он тоже всегда был полон жизни. Купцы и торговцы.

Их свита.

Отец.

Его рыцари, правда, в черном доспехе, но сейчас Ричард увидел их столь ясно, что сердце закололо, заломило. Он покачнулся, но устоял.

— Что-то не так? — в глазах демоницы ему привиделось беспокойство.

Ложь.

Демоны не умеют беспокоиться о ком-то, кроме себя.

...но ведь были же, были рыцари! Иссиня-черный доспех. И череп на щитах. Шлемы, которые снимали тут же. Мальчишки-оруженосцы, что сновали, и Ричард еще завидовал им, ибо сам был слишком мал. Он стоял рядом с мамой.

На ступенях.

— Как ты вырос! — отец спешивался и шел к нему. Доспехи позвякивали, а сам он гляделся таким грозным, что душа уходила в пятки. Отец останавливался, подхватывал Ричарда и подбрасывал вверх, казалось, к самому солнцу. — Просто чудо! Смотрите!

И он сажал Ричарда на плечо.

Вспомнилось вдруг это ощущение разогретого железа, и страха, и восторга, и всего сразу. И то, как отвечали отцу слаженным ревом.

Куда они подевались? Не могли же просто взять и исчезнуть все?

Нынешний рыцарь был в белом. Правда, доспех его... словно оттуда, из воспоминаний он... нет, шлем у отца был немного другим.

И кираса.

На этой сияет золотое солнце.

— Отомри, — демоница сжала руку. — Хочешь, его выставим?

Рыцарь замер.

— Нет, — Ричард шагнул навстречу. Он ведь сам пригласил. И приглашение принято. И... и все смотрят. Он вспомнил, до чего это неловко, когда все смотрят. — Добро пожаловать.

Говорить получилось с трудом. Горло будто чья-то рука сжала.

— Благодарю, — рыцарь изобразил поклон.

И Ричард ответил.

А... дальше что?

Поднятое забрало.

Шлем, который принимает кто-то из людей. Их стало слишком уж много. А... Светозарного Ричард как-то иначе себе представлял.

Более... грозным, пожалуй?

Мрачным?

С печатью фанатизма на лице? На лице печатей не наблюдалась, ни фанатизма, ни иных. И выглядело это лицо, пожалуй... обычным.

Разве что черты тонкие.

И бледный какой.

Светлые волосы. Синие глаза. Смотрит внимательно. Настороженно. Будто... будто подвоха ждет. Наверное, и вправду ждет. И надо бы сказать что-то. А в голове вертится дурное, что, может, если бы у Ричарда был брат, он бы был похож на этого вот, стоящего перед ним.

Или не был бы?

И...

– Клянусь, – собственный голос прозвучал словно со стороны. – Клянусь, что в доме моем тебе и людям твоим не причинят вреда.

– Клянусь, – эхом отозвался Светозарный. – Что ни в мыслях, ни в деяниях моих не будет дурного замысла против дома и хозяев его.

– От и чудесненько! – раздалось такое веселое. И все повернулись. На ступенях стояла та самая страшная девица, которая, к счастью, не была одной из невест.

Она переоделась в длинное платье ярко-зеленого цвета, украшенное алыми цветами. На голове девицы обнаружилась странного вида сооружение, чем-то напоминающее солнечную эмблему Ордена.

– Так это... я чего тут пришла, – девица огладила тощую рыжеватую косицу. – Раз уж все ознакомились, то, может, поедимо? А то ж как-то хочется, что ли?

Светозарный поглядел на Ричарда.

И как показалось, с немалым сочувствием.

Ну что сказать... за одним столом сидели царь, царевич... тьфу ты, раз принцесса, два принцесса... по ладхемкам сразу видно, что

принцессы.

Переоделись.

И я заодно уж различать их стала. У старшей, вон, платье поширше будет. Из бледно-розовой переливающейся ткани, из-под которой выглядывает золотая. А у младшей поуже и наоборот – сверху золото переливается, а из-под него уже кружева розовенькие.

Красота...

Страшная.

Сами набелены. Напудрены. Волосы уложены в высоченные прически, в которые очень даже хочется пальцем ткнуть, потому как ну страсть до чего интересно, полые они внутри или так.

Из причесок торчат перья, кажется, страусовые, тоже переливаются, сияют.

И драгоценности сияют.

И от сияния этого страсть до чего тошно. И не только мне. Вон, Варвара-краса, длинная коса, на ладхемок поглядывает ревниво и хмурится.

На самом деле иначе её зовут.

Мудрослава.

Но на языке вертится это, дурноватое, про Варвару... а коса у нее и вправду длинная, толстая, толще моей руки. Я таких в жизни не видела.

Завидно?

Завидно.

И зависть нехорошая. Заставляет вглядываться, выискивать недостатки. Только нет их. Мудрослава Виросская сидит с прямою спиной. И драгоценный венец на её голове смотрится вполне себе естественно. Ей идут и венец, и полупрозрачное покрывало, что укрывает волосы, и платье это вот из мягкой струящейся ткани. Она смотрится не столь роскошно, но обе ладхемки оценили.

Не только они.

Сощурилась наша шамаханская царица, которая выделяется и хрупкостью и вовсе даже не восточной красотой. А вот Брунгильда задумчива. Осторожно опустилась на креслице, уставилась в тарелку и молчит.

И все молчат.

Тишина эта напряженная, давит на нервы. И не только мне.

– Что мы как на похоронах-то! – вот уж кто не испытывал смущения, так рябая девица. – Давайте, что ли, знакомиться? А то же ж как-то не по-людски это... меня вот Яркой люди кличут.

И привстала.

Поклонилась на все четыре стороны.

– Я к сестрице приставлена. Бдеть.

– Было бы кого бдеть, – раздраженно произнесла Летиция Ладхемская, качнув перьями.

– Бдеть всегда есть чего, – возразила Ярка, засовывая за щеку кусок пирога. Щека натянулась, будто от флюса. – А на кой вы перья в голову втыкаете?

– Мода.

– А, то понятненько. А то у нас только лошадям. Девки еще не додумались, – она говорила и жевала, и порой совершенно вольно толкала родственницу в бок, отчего Мудрослава Виросская морщилась, хмурилась и выразительно таращила глаза.

Да без толку.

– Теттенике, – голос степнячки был тих и... словно хрустальные колокольчики зазвенели.

А Ричард на нее смотрит.

И... не только он. Этот вот, второй, Светозарный который, тоже смотрит. И взгляд у него туманный, видать, крепко проняло.

Вот ведь.

Не было печали.

Хотя... понимаю мужика. Он ведь рыцарь, вон, даже за стол в доспехе. А рыцарю что для полноты образа надо? Дама прекрасная, во имя которой подвиги совершать охота.

Степнячка же и прекрасная, и хрупкая. Такую самое милое дело защищать, беречь и вообще.

Я подавила тяжкий вздох.

– Брунгильда, – прогудела островитянка, потряхнув головой. И вплетенные в косы бубенчики зазвенели, но и звон их был надтреснутым, злым.

А взгляд и вовсе не обещал ничего хорошего.

Только подумала, и Ричард поднялся.

– Я, – вот он говорил спокойно и теперь, когда он справился с собственной робостью. И... и выглядит он хорошо. Слишком уж

хорошо. Ему к лицу черный костюм, который кажется простым и даже скучным. Это Ксандр, сидящий рядом, переливается всеми цветами радуги. Но смотрят не на него. – Несказанно счастлив приветствовать в доме своем...

Речь я знаю.

Мы долго её писали. Готовили. Тренировали. И вот теперь каждое слово почему-то отзывалось в сердце болью. А на глаза слезы навернулись.

Я тихонько выбралась из-за стала.

Ксандр нахмурился.

– Музыка, – соврала я, одними губами сказала, но услышал. – А то ведь и вправду как-то...

Музыканты имелись, в количестве четырех штук, с рожами на диво характерными. Я бы таких и близко к дому не подпустила. Но костюмы из бледно-голубого атласа и кружевные воротники несколько сглаживали общее впечатление.

Инструменты они сжимали.

В глазах читалась мрачная решительность. И я, отыскав взглядом дэра Гроббе, несколько бледноватого, но все еще бодрого, сказала:

– Я на вас надеюсь.

– Несомненно, госпожа демоница, – дэр Гроббе поклонился. – Позвольте представить вам певца... кастрата, как вы и просили.

Он вытолкнул вперед хрупкого юношу, чей бледный вид внушал жалость. Юноша поклонился. Я улыбнулась, отчего он почему-то вздрогнул.

И запел.

Проникновенно так... на глаза опять навернулись слезы и я, махнув рукой, поспешно удалилась.

– Поверила, – выдохнул дэр Гроббе с немалым облегчением, да и не только он. Антонио смахнул дрожащею рукой пот со лба и кивнул.

Жалобно тренькнула струна.

И все четверо музыкантов, которым до того, конечно, играть доводилось, но все больше в припортовых тавернах, хотя Зных Кривой и клялся, будто однажды и в дворцовом оркестре побывал, тяжело вздохнули.

– Вы это, – дэр Гроббе сунул под нос Зныху кулак. – Глядите у меня.

– Так ить... душу бы поправить, – робко заметил Улаф, который весьма себе ловко управлялся с арезмской дудкой. – А то ж руки трясутся. Ишь. Худенькая. Махонькая. А чуется в ней... даром, что демоница. Сожреть и не заметить.

– Все не растрясутся, – дэр Гроббе оглянулся, но демоница отошла. Он же, оценивши нехарактерную бледность Улафа, на фоне которой слишком уж выделялся красный нос, вытащил из-под полы флягу. – Один глоток. А то знаю я вас.

К фляге Улаф присосался жадно.

Отбирать пришлось.

– И смотрите там... это же ж не просто так! Принцессы. Так что без пошлостей, ясно?

Новоявленные музыканты кивнули. А Антонио сунул руку под кружевной воротник.

– И руки при себе держать. Особенно тебя касается, Мышь.

Мышь прижал к груди мандолину. И взгляд его сделался весьма печален. Он, верно, представил, сколько на принцессах золота, и от понимания, что все-то оно недоступное, впал в тоску.

– Ничего, – дэр Гроббе похлопал старого щипача. – Будет и на нашей улице праздник. Вы только уж постарайтесь...

– Постараемся, – Улаф икнул и поднес к губам дудку. Тонкий дрожащий звук разнесся по замку.

– Постараемся, – отозвался Зных, вскидывая хилую скрипочку. Заплясал смычок, и музыка потекла, полилась. Вроде даже и неплохая.

Как дэр Гроббе надеялся.

А то ведь кто их, принцесс, знает...

Я сама не знаю, как очутилась на балконе. Просто вот шла, шла и вышла. И встала. Стою. Пялюсь невидящим взглядом в бездну. В голове пустота, на душе тоска неясного происхождения.

И охота то ли самой сигануть, то ли отправить в эту самую пропасть всех принцесс разом.

Свиту тоже.

– Демоница?

Я подпрыгнула и выматерилась. Последнее – от души.

– Извини, – прогудело из-под шлема. – Не хотел напугать.

Ну да. Только не понятно, как этакая грудa железа может передвигаться столь беззвучно. Лассар стоял в проходе. И я чувствовала на себе его взгляд.

И то, что во взгляде этом не было ни осуждения, ни неприятия.

Хотя... он мертвый, а я вот вообще не пойми кто. И только хвост из-под юбок торчит, а рог левый опять чешется.

– Ты не напугал. Просто... как-то вот... я это иначе все представляла. Они красивые.

– Принцессы?

– Именно.

– Так ведь, – Лассар, как мне показалось, усмехнулся. – Древняя кровь. Чего ты хотела?

– Не знаю, – пришлось сознаваться. – А что это вообще значит? Древняя кровь?

– То и значит, – он помедлил. – Я войду?

– Пожалуйста, – я отодвинулась. Балкон был не сказать, чтобы велик, но места двоим точно хватит. Заодно, глядишь, узнаю чего нового.

И чувство это, непонятное, пройдет.

Хотя... чего тут непонятного. Влюбляюсь я. Вот... нашла время! И главное, что все это напрочь смысла лишено! Я ведь... я кто? И не человек, и не демоница, и кровь во мне самая обыкновенная. И... и Ричарду действительно нужен кто-то, кто будет рядом.

Надежный.

И воспитанный. Со связями, которые в любом мире лишними не будут. Ему политику делать надо. Отношения со внешним миром налаживать.

А я...

Я как-нибудь перебыюсь. В конце концов, это ведь несерьезно, вот так влюбляться. Это... это просто меланхолия играет. И еще тоска по собственному прошлому, которое не сложилось. И все сразу.

– Когда-то давно мир творили боги, – Лассар не стал ни о чем спрашивать.

А говорили, что у него характер дурной.

Милейший человек. Понимающий.

– И щедро напоили сей мир силой. А потом создали людей. И вновь же, было тех много, но были они слабы, не способны защитить себя и мир пред теми, кто обретается за гранью его. И тогда боги разделили меж людьми каплю своей крови с тем, дабы сии люди обрели силу и стали защитниками прочим. И миру.

– А защищали от демонов?

– Именно. Мир становился старше. Люди тоже множились. В ком-то кровь угасла, в ком-то её изначально не было, но имелись и те, кто сберегли дар и преумножили. От них-то и пошли маги.

Он замолчал.

А я... я осторожно коснулась доспеха. Надо же. Теплый.

– Извините, – я тотчас убрала руку за спину.

– Ничего. Не бойся. Я не стану убивать тебя.

– Спасибо.

Надо же, какой вежливый человек.

– Пожалуйста. Люди... они, как по мне, мало чем от демонов отличаются. И слабы, и жадны до всего, особенно до силы с властью. Вот и вышло, что вышло...

Понятно.

Точнее не очень.

– В тот день погибли многие. Маги в том числе. Самые знатные. Самые сильные. Их кровь манила тьму. И она собрала богатый урожай. Да, на прочих землях тоже имелись одаренные. Но, сколь знаю, случившееся повергло мир в ужас. И маги... магам пришлось нелегко. Знания были утрачены. Сила ушла. И осталось, что осталось.

Пять девиц, каждая из которых может стать невестой.

Древняя кровь. Эхо божественной силы, если я правильно поняла.

А... а божественная сила – это ведь серьезно, так?

– Спасибо, – сказала я вполне искренне.

Вот так.

Все ведь идет по плану, верно? А значит, радоваться надо. И выбирать... с радостью, хотя бы внешнею. Присмотреться к девицам, пообщаться поближе и чтобы сам Ричард тоже пообщался. А там, глядишь, и без меня все решится.

– Одно не понятно, демоница, – Лассар повернулся. – На кой ляд они тут нужны, если ты есть?

– Я... я... вы ошибаетесь. И я...

– Я слишком долго живу, чтобы ошибаться, – усмехнулась тьма. – И вижу. Ты ведь не совсем и демоница...

– Я? – получилось тоненько и не совсем искренне.

– Са-ахаши, – закованный в металл палец коснулся моей груди. – Уж не знаю, как у него вышло. Думал, утратили и это. Но, видишь, вышло и к лучшему. Истинные демоницы – еще те отродья. С ними мало кто способен был справиться. А ты... ты другое дело.

– Что... я?

– Род Архаг и вправду усиливал свою кровь кровью демонов, но возлечь с истинной демоницей не всякий способен. Очень уж у них вид...

– Специфический?

– Специфический, – согласился Лассар. – Вот и придумали обряд. Вызывали демона. Женщина получала часть его крови. И силы. Пережить, правда, не всякая могла, да. Но если уж получалось, то и потомство она давала крепкое, с сильным даром.

Меня замутило.

– Не знаю, что он сделал, но ты точно са-ахаши. Я чую в тебе их силу, но в то же время в тебе нет их ярости. Это хорошо.

– Н-наверное.

– Хорошо. Ярость дурманит. И случалось, что невесты сходили с ума. А это как-то не то, что мальчику надо.

Определенно, не то.

– Может... – я с тоской поглядела на замок. – Как-нибудь так... без демонической крови обойдемся?

– Может, и обойдемся, – хмыкнул Лассар и мне почудилось, что он вновь улыбается. – Да только себя не обманешь. Поверь старику.

Я и не собираюсь.

Обманывать так точно и... и все это глупо.

Наивно.

– И будь осторожна, – теплая ладонь легла на макушку. – Кровь демонов – ценная штука. Особенно, для чернокнижников.

– Что?!

Вот только этого нам и не хватало!

– Я чую отмеченного тьмой, – Лассар руку убрал. – Но... и только-то. Кто – не скажу. Морочить они умеют знатно. Так что приглядывай.

– Пригляжу.

– И за этими остолопами тоже... повелители, чтоб их. Тьмы.

Он добавил пару слов покрепче. А я... я вдруг отчаянно захотела вернуться в зал. Даже не за стол, просто заглянуть.

Убедиться, что с ним все хорошо.

Что...

– Иди уже, – Лассар уступил дорогу. – И не тяните там, а то как дети малые, право слово...

Его ворчание утонуло во мгле, что поднималась из глубин пропасти. А я... я добралась до залы. И услышала веселую музыку. Пела скрипка, звенели колокольчики и тонкий голос кастрата – надо будет как-то сочувствие выразить, что ли? – вплетался в общую мелодию.

Я остановилась.

На пороге.

И... войти?

А если помешаю? И... и надо ли? Сердце защемило. От песни. Какая-то она совсем печальная, хотя... если кастрат... чего ему веселиться-то? Мысли опять запутались. И я тоже.

Стою вот.

Смотрю.

Подглядываю, выходит... Раз, два, три, четыре, пять... какая дурацкая считалочка. Принцессы о чем-то говорят, и не только они. Людей вдруг стало как-то очень много. И седовласый старик-викинг что-то втолковывает степняку, а молодец в отороченном мехом кафтане крутится перед ладхемскими фрейлинами, которые наряжены ничуть не хуже принцесс. И...

– Прячешься? – тихо поинтересовался Ричард, выступая из тени. А ведь не было его! Не было.

– Приглядываю, – соврала я. – А ты?

– А я прячусь.

– Они тебе не понравились? – сердце забилося радостно.

– Не знаю пока.

Мог бы и соврать для приличия.

– Просто... как-то всех слишком много.

Светозарный склонился над хрупкой девой степных кровей.

– Ничего, – я, пользуясь минутной слабостью, взяла Ричарда под руку. – Разберемся. Выберем тебе самую лучшую...

Почему-то он не обрадовался.

Так мне показалось.

Вместо эпилога

Человек ступал осторожно.

Замок спал.

Человек слышал его и, наверное, Замок тоже слышал человека. Но нет, не выдаст. Не посмеет. Кровь – не водица. И он в своем праве. Человек остановился.

Люди... вечно мешаются.

С одной стороны.

С другой – хорошо. Люди нужны будут. Он слишком много сил потратил в пути. Свита виросской царевны была велика, но не настолько, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Только и мог, что понемногу силы тянуть.

Ничего.

Он остановился, прислушиваясь. Так и есть. Кому-то не спится. И из коридора выглянула тень.

– Это ты? – тихо спросила она дрожащим голосом.

– Я, – ответил он. И тень, со всхлипом, кинулась на шею.

– Я ждала, ждала... прости... и боялась тут!

– Чего?

– Страшно! Мертвяки одни! Видел? И слуги все мертвые, и стража вся мертвая, и все-то...

Он накрыл её губы своими, обрывая этот утомительный лепет. И девка ответила на поцелуй со всею своей неумелою страстью. Тонкие руки обвили шею. И сила её, молодая, горячая, потекла в тело. Этой силы пока было много.

Достаточно, чтобы утолить голод.

И он остановился, прервав поцелуй. Отстранился. Подхватил качнувшуюся девицу, не позволив ей упасть. Она обмякла у него на руках, с видом преблаженным.

Он прижал пальцы к шее, убеждаясь, что стучит, бьется еще кровавая жила. И подхватив девицу на руки, понес её в комнату. Уложил на соломенный матрас и даже одеялом прикрыл. Пускай. Еще пригодится. Молодая. Хватит на пару раз.

Человек огляделся.

В комнате было тесно и душно. Слуги спали, крепким наведенным сном. А вот мертвецам сон нужен не был. И по пути обратно человек не раз и не два останавливался, прижимался к стене, сродняясь с нею. Пусть даже Замку он не нравился, но и перечить тот не смел.

И уже лишь очутившись в своих покоях, человек сорвал с шеи ленту, швырнул на разобранную постель, в которой тихо таял морок.

Омыв лицо холодной водой, человек позвал:

– Матушка?

Тишина была ответом. И тогда он, пытаясь справиться с гневом, хлопнул по стене.

– Покажи!

Замок ответил дрожью. И все же... зеркало проступило из камня, черное, как окно в бездну. И там, в этой черноте, он услышал, как бьется сердце.

– Матушка, – человек ласково коснулся стекла. И то пошло рябью. В какой-то миг ему даже показалось, что оно треснет, что откроется само по воле. Но нет. Стекло осталось нерушимым. Лишь тень скользнула в глубине его.

И ответила.

Прикосновением на прикосновение.

Она была голодна, и он щедро поделился с ней свежей силой.

– Мало, понимаю. Но пока нельзя больше. Терпения, матушка. Терпения. Скоро уже... совсем скоро... я знаю, что нам нужно.

Он говорил шепотом, хотя комната была пуста.

– Жертва, – он с трудом оторвал холодеющую руку от стекла. – Я знаю, какая жертва освободит тебя... и всех нас.

Губы его растянулись в улыбке.

А из зеркала донеслось протяжное шипение.

– Уже недолго... совсем недолго... – он закрыл глаза, пытаясь унять сердце, которое пронзила острая боль. – Потерпи, матушка... я все сделаю. Я все сделаю правильно.

Конец первой части.